

*Николай Свечин*

# Завещание Аввакума



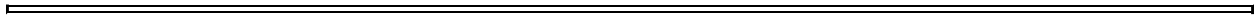
## Annotation

Лето 1879 года. На знаменитую Нижегородскую ярмарку со всех концов Российской империи съезжаются не только купцы и промышленники, но и преступники всех мастей — богатейшая ярмарка как магнит притягивает аферистов, воров, убийц... Уже за день до ее открытия обнаружен первый труп. В каблуке неизвестного найдена страница из драгоценной рукописи протопопа Аввакума, за которой охотятся и раскольники, и террористы из «Народной воли», и грабители из шайки Оси Душегуба. На розыск преступников брошены лучшие силы полиции, но дело оказывается невероятно сложным, раскрыть его не удастся, а жестокие убийства продолжают... Откройте эту книгу — и вы уже не сможете от нее оторваться! Этот роман блестяще написан — увлекательно, стильно, легко, с доскональным знанием эпохи. Это — лучший детектив за многие годы! Настало время новых героев! Читайте первый роман о похождениях сыщика Алексея Лыкова!

---

- [Николай Свечин](#)
  - 
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Послесловие автора](#)
- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)



# **Николай Свечин**

## **Завещание Аввакума**

### **Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова**

*«Я знал Санкт-Петербург, Москву, но мне еще не  
ведом был Нижний Новгород. А можно ли жить, не  
повидав Нижнего Новгорода!»*

*Теофиль Готье*

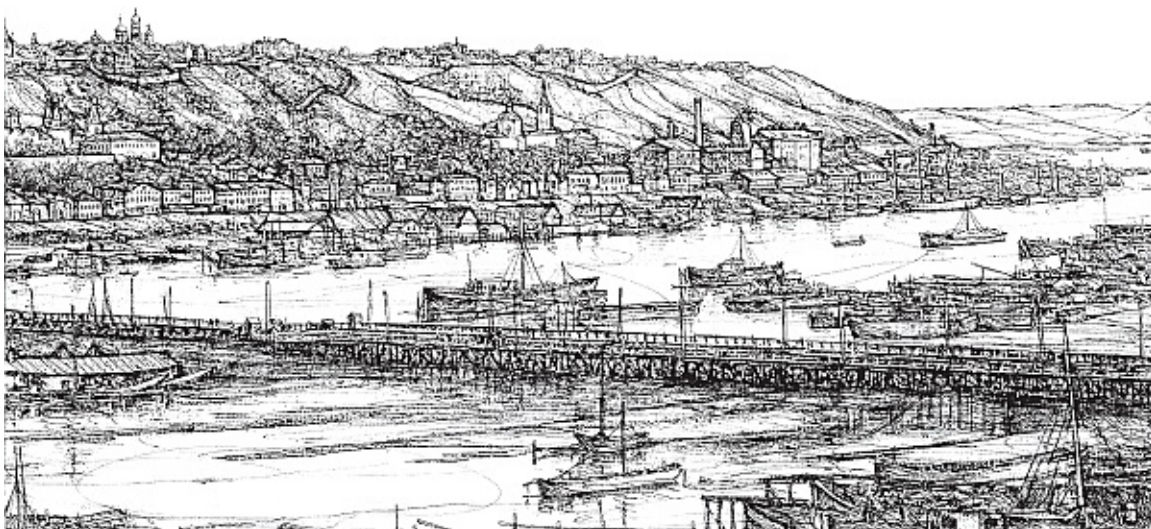
В основе иллюстраций — фотографии видов Нижнего Новгорода М.  
П. Дмитриева, а также портреты, выполненные в фотомастерских  
различных городов России во 2-й половине XIX века (из коллекции автора).

*Посвящается моему брату Александру.*



# Глава 1

## «Мертвая тело»



Вид на Нижний Новгород с ярмарочной стороны.

Как известно, в Российской империи три столицы: сановный Петербург, первопрестольная старушка Москва и — нерусская, почти европейская Варшава. Но есть и еще одна столица, четвертая, которая становится таковой лишь на полтора месяца в году, с 15 июля по 25 августа. Это — Нижний Новгород, красавец град у слияния Оки и Волги. Город делает ярмарка, знаменитая, самая большая в мире по оборотам, самая населенная, самая шумная. Нигде такой больше нет. На эти полтора месяца население Нижнего Новгорода увеличивается в десять раз! За сезон по торговым рядам проходит более пяти миллионов человек при коренном населении города в сорок пять тысяч! То-то раздолье...

Алексей Лыков встал как обычно, в семь, наскоро попил чаю, сделал силовую гимнастику, надел статское (почти уже привык) и побежал на службу. Жил он на Благовещенской улице, под монастырем, аккуратно напротив ярмарки, на правом берегу Оки. Втроем с матушкой и сестрой они снимали скромную четырехкомнатную квартиру в доходном доме купца Медведева. Алексей служил вот уже четвертый месяц помощником квартального надзирателя в Макарьевской части, в той самой, куда входят ярмарка вместе с Кунавином. Путь Лыкову на ярмарку лежал через плашкоутный мост, на другой берег Оки, где уже приготовили для

торжественного открытия торгов арку и флачные башни. Завтра же 15 июля 1879-го года. Ярмарка откроется в шестьдесят второй раз.

Алексей манежным галопом, как выражался покойный батюшка, пересек наплавной мост, свернул налево, по длинной Александро-Невской улице добрался до Главного дома и не мешкая прошел в правый флигель, где помещалась полицейская часть. Успел за десять минут до развода, поздоровался с непосредственным начальником — квартальным надзирателем «чистого» 8-го квартала Ничепоруковым, с остальными девятью квартальными, их помощниками, сыскным надзирателем Макарьевской части Иваном Ивановичем Здобновым (покровителем и наставником) и стал во фрунт перед клеенчатой дверью кабинета пристава.

«Сам» — пристав Львов — задерживался с выходом, о чем-то секретничал с прибывшим начальством. Скоро туда вызвали и Ивана Ивановича. Остальные полицейские, числом более пятидесяти, толпились в просторном приемном зале Макарьевской части, лениво переругиваясь и пересмеиваясь друг с другом. Лыков заметил, что все три помощника пристава (два из них, конечно, временные, на период ярмарки) мнутя у дверей начальства, и вид у них сконфуженный — не позвали! Что ж там за тайны такие?

Но вот дверь открылась, кто-то изнутри поманил пальцем постоянного помощника пристава, тот зашел и тотчас же вышел, скомандовав хорошо поставленным «фрунтовым» голосом:

— К разводу становись! Равняйся! Смир-р-р-но!

Сразу же появился частный пристав, натягивая перчатки, козырнул по-военному небрежно:

— Вольно! Слушай инструкцию.

Завтра ярмарка. Купцы и негоцианты съезжаются, товары все уже свезены; власти, таможня, банк, больница, полиция — все подготовлено. Начинается наша полуторамесячная баталия, спать будет некогда. Его превосходительство господин губернатор изволил вчера собрать совещание по вопросу охранения порядка на ярмарке. Нам с господином полицмейстером указано на вид, что в прошлом году действиями полиции, и особенно нашей Макарьевской части, были серьезно недовольны. Двенадцать нераскрытых убийств! (пристав поднял вверх указательный палец, обтянутый белой лайкой), более сорока грабежей! Тридцать две кражи со взломом! (он сверился по бумажке) и более ста покушений на личность!

Сделав значительную паузу и обведя всех строгим взглядом, пристав продолжил:

— Нижегородская ярмарка как магнит притягивает сброд со всех концов империи и даже из-за ее пределов. Мильен посетителей, и все богатые зеваки; понятно, что полиции трудно. Я пояснил это его сиятельству. Он понимает наши обстоятельства, но просит — слышите? Просит! — постараться. Генерал-лейтенант, граф и многих орденов кавалер Павел Ипполитович Кутайсов просит нас постараться. Он сам сегодня переезжает в казенную ярмарочную квартиру, в нашем же здании находящуюся, будет здесь вместе с нами дневать и ночевать, обещает всяческую поддержку. Кроме того, как вы знаете, к нам назначен временным генерал-губернатором граф Игнатьев, тот самый, знаменитый, и он уже выехал. С ним шутки плохи! стыдно нам будет всем, если ударим мы в грязь лицом перед таким человеком. стыдно. Тем более, мы вдвое в нынешнем годе увеличили штат помощников квартальных надзирателей, взяли толковую молодежь, некоторые даже с полным средним образованием, языками владеют и повоевать успели.

«Это ведь обо мне!» — понял Лыков и, точно, поймал на себе одобчительно-требовательный взгляд начальника.

— Всякое ворье беспрерывно наметилось к нам на ярмарку. Со всех концов собираются, некоторые уже наверное здесь и сегодня вам на улицах попадутся под видом честных обывателей. Надо их уметь отличить! Посему заслушайте внимательно сообщение надворного советника Благово, всем вам хорошо известного помощника начальника сыскной полиции.

Пристав Львов отошел в сторону, на его место встал седовласый, в возрасте уже мужчина в модном сером летнем сюртуке, с седыми же усами и цепким, каким-то особенным взглядом — провёл по рядам и всех тотчас увидел.

— Прошу внимания! — негромко, как бы по-дружески сказал он. — Господин пристав важность задачи уже объяснил. Да вы и сами понимаете — новый генерал-губернатор скоро прибудет, особа знаменитая, турками даже весьма уважаемая, хочет, чтобы первая его, в роли губернатора, ярмарка прошла хорошо. Человек он серьезный, кричать не любит, но дело знает и видит всех насквозь. Такого начальника у нас никогда еще прежде не было, и то сказать — недолго в Нижнем и продержат, надо успеть постараться, пока в столицу не забрали эдакого орла. Опять же и перед обществом мы обязаны порядок соблюсти, нам за это государь жалованье платит. Так что приказ нам всем и просьба — постараться.

Теперь о жуликах.

Благово кашлянул в кулак и раскрыл папку, почтительно поданную ему

Здобновым.

— Петербургское сыскное сообщает: выехал к нам в Нижний двенадцатого июля безуспешно разыскиваемый ими убийца и грабитель Осип Лякин по кличке Ося Душегуб, русский, тридцати пяти лет от роду, ростом два аршина десять вершков<sup>[1]</sup>, цвет волос черный с проседью, глаза карие, взгляд тяжелый, властный, неприятный, усы черные, завитые книзу, на левой скуле шрам от чирья. Одевается купцом. Доказанно убил в Питере за 78–79 годы четырнадцать человек. По сведениям агентуры, был здесь на ярмарке о прошлом годе, уехал с добычей, наверняка и у нас кого-то порешил. Душегуб не только по кличке, но и по призванию, если позволительно так сказать. Страшный человек. Если кто его опознает — в одиночку и не думайте, зовите подмогу. Всегда носит с собою нож и кистень. Год назад убил пристава Литейной части Трегубова, пытавшегося его арестовать всего с одним городовым; городской тоже зарезан.

С ним, по-видимому, выехал его ближайший помощник Сашка Регент, русский, рост два аршина семь с половиной вершков<sup>[2]</sup>, усы и бороду бреет, волосы русые, глаза голубые, лицо правильное, уши прижатые, особая примета — нет мизинца на левой руке. Тоже весьма опасен: хорошо владеет ножом, душит ремнем, очень ловок — был прежде цирковым акробатом.

Далее. Варшавское сыскное сообщает: к нам выехала шайка взломщиков сейфов, где верховодит Владек Плотковский по кличке Блысковича, что сиречь Молния. Приметы: рост два аршина восемь вершков...<sup>[3]</sup>

...Алексей Лыков застыл в строю, на левом фланге, около своего квартального Ничепорукова, слушая вполуха и легко запоминая все сказанное городским сыщиком. Память у него была отменная — спасибо покойному батюшке, заставил ее развивать, и успешно.

Батюшка вообще много чего успел сделать для единственного сына, прежде чем умер: и мораль христианскую привил, и память развил, и силу значительную гимнастикой (первое время, признаться, из-под палки), и языки заставил учить серьезнее, чем в гимназии требовалось; также книжки читать поощрял, не как некоторые родители. Кроме того, сам по происхождению из мещан, выслужил он сыну и всем последующим потомкам рода Лыковых дворянство. Казалось бы, не велика птица — отставной подпоручик, но славный орден Святого Равноапостольного князя Владимира с мечами и бантом получил. За шестьдесят третий год, за Польшу, где он остался единственным живым офицером в батальоне, с

двумя пулевыми и штыковым ранениями. Алексей с тех пор не любил поляков, всегда помня, как они батюшкин век укоротили... Умер он всего год назад, сорока шести лет от роду, из-за простреленного панамой легкого, а Алексей даже на похороны не попал — сам валялся в госпитале в Геленджике, тоже с пробитым легким. Здоровый турок попался, арабистанец (лучшее у них войско), борода до пояса, глаза безумные, чисто его кинжалом под сердце ткнул, когда они Столовую гору штурмовали. Спасибо другу, такому же пластунику Гиляровскому, необыкновенно сильному и ловкому человеку — из-за спины Алексея выпрыгнул, поднял арабистанца на штык и несколько шагов перед собой нес, как жука на булавке, а тот все пытался его кинжалом достать, пока не помер.

Алексей на секунду вернулся сознанием в зал, где Благово негромко, но очень отчетливо, не торопясь, чтобы лучше запомнили, читал:

— Одесское сыскное сообщает: исчез из города и, как похвалялся в ресторации, уехал в Нижний мошенник по бриллиантовой части Мойша Наппельбаум, сорока лет, усы и бороду бреет, кожа смуглая, прыщавая, лицо восточное, на жида не похож, потому часто одевается армянином. Особая примета — слева сверху золотой зуб...

«Не забыть сказать Гаммелю... и про варшавских воров также», — подумал Алексей и снова нырнул в военные воспоминания — как вручали прямо в госпитальной палате Георгия, как, уже после окончания войны с пластунами, ловил он продавшихся туркам чеченов — братьев Алибековых, как рубился на саблях со старшим Алибековым и раскрыл ему череп, как младший потом с другими кровниками гонял Алексея по горам. Никому Алексей этого не рассказывал, особенно матушке с сестрицей, только иной раз за чаем, Иван Иванычу Здобнову, чтобы совсем уж за мальчика не держал. Иван Иванович — матушке троюродный брат, он и привел Лыкова в полицию, когда тот, отлечившись от второй раны, уволился из Кавказской армии и, дома отдохнув, стал искать занятие.

— ...Покамест все, господа. Попробуйте запомнить, а письменно это все будет у господина пристава. Из перечисленных жуликов имеются на девятнадцать человек фотографические портреты; господ кварталных прошу подойти и получить, мы сделали на все кварталы десять кумплектов. У меня все.

Через несколько минут Лыков, распираемый молодостью, хорошей погодой и служебным рвением, походным шагом шел из полицейской части на свой восьмой квартал. Здобнов расстарался и квартал ему выхлопотал приличный: бриллиантчики, золотых и серебряных дел купцы, книготорговцы, парфюмерные и мануфактурные лавки. Покупатель здесь

солидный, товар дорогой, работа чистая, но рисковая — не дай Бог, прошляпишь что у таких людей, никакой Здобнов не спасет.

Алексей увидел, что ему приветливо кивает вышедший из отделения банка как раз эдакий солидный господин в песочном сюртуке. Из-за его спины дружески махнул рукой огромный парень, без трех вершков сажень<sup>[4]</sup>, с кудлатой головой и прямоугольной челюстью. Это были московский ювелир Гаммель и его телоохранитель Марк, по кличке Каланча. Гаммель был еврей-выкрест, но не православный, а лютеранин; держал в Москве на Кузнецком престижный магазин с хорошими оборотами. Человек богатый, умный и в делах безукоризненно честный, как говорили все опрошенные уже Лыковым в его квартале ювелиры.

Алексей познакомился с этой парой второго дня, когда, проходя мимо кучки ювелиров, услышал отрывок интересного разговора. Четверо бриллиантчиков со своими охранителями, как на подбор рослыми плечистыми мужчинами, слушали рассказ Гаммеля о том, как его Марк уложил по случаю в Москве двух «фартовиков», напавших на его хозяина при выходе с выручкой из магазина. Здоровяки и их хозяева трогали осторожно бицепсы Каланчи — он был на три вершка выше самого высокого из охранителей — и уважительно качали головами. Алексей не удержался и, хотя делать этого не стоило, встрял в разговор:

— Силен ты, парень! А дай силу твою померять, поручкаться, можно?

Каланча хмыкнул презрительно, глядя с высоты на Лыкова, хоть и крепкого на вид, но комплекции не богатырской и росту среднего.

— Давай, Марк, поучи молодца, — тотчас же дал команду Гаммель. — Только аккуратней, руку не сломай.

— Ну держись, волга, — протянул Каланча Лыкову огромную ладонь. — До последнего не терпи, сразу кричи, а то я не рассчитаю силу-то.

— Не бойсь, — коротко буркнул Лыков и вложил свою ладонь в Маркову лапищу. Противники застыли в напряжении; захрустели костяшки пальцев, вокруг стояли ювелиры с охранителями и беззлобно подначивали противников.

Секунд через десять лениво-снисходительная мина на лице Каланчи сменилась недоумением, и он приналег во всю силу. Еще мгновение, и лицо его побелело, очень быстро покрылось мелкими капельками пота. Гаммель и прочие недоуменно наблюдали за ним. Лыков стоял спокойно, слегка улыбаясь и жал руку как бы шутя.

Неожиданно Каланча, охнув, упал на колени, и Лыков тотчас же разжал хват.

— Черт... здоровый... — пробормотал Каланча, со стоном раздирая сплюснутые побелевшие пальцы.

— Вы кто? — ошалело спросил Гаммель, быстро поднимая Марка с колен.

— Помощник квартального надзирателя вашего квартала Алексей Николаевич Лыков.

— Где вы так научились? И как вам это удастся? А кстати, позвольте вас угостить рюмкою портвейна, — скороговоркой выпалил Гаммель, и Алексей согласился.

В ресторане, где Марку приложили к кисти лед с ледника, Лыков виновато тронул его за рукав:

— Извини, земляк, долго не кричал, я и погорячился.

— Ништо, — бодро ответил тот, — мне наука — не хвались!

— Так как же это? — спросил Гаммель, отставив портвейн.

— Да на войне я этому научился, — скромно ответил Алексей. — У нас в команде пластунов был человек необычный, актер по ремеслу, Гиляровский его фамилия. Весь полк поборол, а там какие были геркулесы — о-го-го! Я единственный, кто продержался больше минуты. Ну, он и стал меня учить. Есть такая специальная гимнастика для мышц грифа, то есть пальцев и запястья. К концу кампании я с ним уже вничью ручкался и победил бы вскорости, да в госпиталь попал. Вот, тоже от него научился, — Алексей вынул серебряный пятиалтынный и без видимых усилий согнул его большим пальцем, зажав между указательным и безымянным. Собеседники его ошалело переглянулись, а Лыков так же легко сложил монету пирожком и кинул ее на стол. — Это малому на чай.

Новые знакомцы разговорились, Гаммель рассказал немного о себе и своем деле и все как-то присматривался к Алексею. «Что-то хочет», — понял тот и не ошибся. В конце беседы ювелир предложил помощнику надзирателя четвертной билет, сказав негромко:

— Возьмите, Алексей Николаевич, и, пожалуйста, не откажите в моей просьбе. Торговля наша особенная, убытки, случись что, многотысячные. Я здесь в четвертый раз, и каждый год кого-нибудь обворовывают. О прошлом годе взломали сейфы у Куприянова прямо в его магазине, ночью, а Гешефтера нашли зарезанным, вместе с приказчиком. Боюсь я. Взяли бы вы на себя труд предупредить нас с Марком о том, какие бандиты и мошенники сюда наведываются, вас, наверное, сыскное о том извещает. А я вам каждую неделю по «беленькой» за труды. Я у себя в Москве так работаю с полицией, и пока Бог хранит.

И Лыков согласился.

Завидев теперь ювелира с Марком, он дружески пожал хозяину руку, шутливо ткнул кулаком в бок телоохранителя (тот испуганно отшатнулся) и сказал:

— Новости есть, Абрам Моисеевич. Пока так послушайте, а завтра я вам в письменном виде это принес у.

И он по памяти, слово в слово пересказал то, что услышал от городского сыщика Благово о грабителях, взломщиках и ювелирных мошенниках.

Гаммель и Марк слушали внимательно и серьезно, понимаясь переглядывались. Особенно Гаммеля встревожили варшавские воры, славившиеся на всю империю умением «громить» сейфы при помощи специальных инструментов.

Когда Лыков закончил, Марк поежился и бережно прикрыл хозяина огромным плечом.

— Абрам Моисеич! Люди же видели, что вы из банка вышли. Это на тот случай, если за нами наблюдают... Пойдемте-ка быстрее в магазин, переложим деньги в сейф, вернее будет.

Алексей знал, что сзади под поддевкой у Каланчи засунут шестизарядный «веблей», а в правом сапоге спрятан нож. Кроме того, середь бела дня, в пятидесяти саженях от полицейской части... И тут же увидел неприметного человека, стоявшего к ним боком, но косившегося в их сторону. Заметив, что обнаружен, человек быстро зашел в соседнюю лавку.

Марк перехватил взгляд Лыкова, обернулся и успел увидеть профиль незнакомца.

— Во! — шепотом сказал он. — Вчерась он сидел в ресторации через два столика от нас.

— Я его запомнил, — тихо ответил Лыков.

— Быстрее в магазин, — заторопился Гаммель. — А вам, голубчик Алексей Николаевич, спасибо большое за доставленные сведения. Еще более благодарны будем, ежели завтра, как обещали, в записях это все доставите. И этого бы, серого... узнать, кто таков, почему вокруг вертится.

— Все сделаю, Абрам Моисеевич, — кивнул Лыков, и они разошлись.

Повернувшись, Алексей увидел далеко впереди быстро удаляющегося «серого», догонять его было бессмысленно, и он отложил незнакомца на ужо. А пока надо было продолжить обход.

Лыков пересек Царскую улицу и вышел на Главный бульвар, обошел «свои» ряды — Серебряный, Астраханские большой и малый, по Сибирской улице прогулялся до Пушного ряда и вышел к Обводному каналу, недавно переименованному в Бетанкуровский. Канал огромной

подковой огибал территорию ярмарочного Гостиного двора. Параллельно ему была проложена подземная галерея, в которой по трубе текла, перегоняемая из Мещерского озера, вода. Вдоль галереи стояли белые конусообразные киоски числом 20 — спуски в отхожие места, в которых также можно было и курить (вообще на ярмарке курить запрещалось). Галерею с канализацией построил еще Бетанкур шестьдесят лет назад, и она успешно работала до сих пор, служа одновременно пожарным резервуаром с водой; дважды в день открытием специальных шлюзов отхожие места промывались.

Не успел Лыков дойти до белого киоска, как из него сломя голову выбежал татарин в фартуке, по виду уборщик, и закричал тонким визгливым голосом:

— Палисия! Палисия! Суда шипка беги!

Алексей мигом подскочил и схватил кричащего за рукав:

— Я — полиция! Говори, что случилось? — и махнул вынутой из кармана полицейской бляхой.

Татарин посмотрел на бляху и на Алексея ошалелыми глазами и выдохнул:

— Мертвая тело!

## Глава 2

### След Аввакума



Самокатная площадь.

Тело мужчины, около 45 лет, чисто одетого, было спрятано в комнатухе, в которой татарин хранил метлы и веники. Через полчаса покойник лежал в секретном депо полицейской части, причем огласки при перевозке тела избежать не удалось; ярмарка уже потихоньку гудела и перешептывалась.

Пристав Львов заскочил, расстроенный, на минуту, посмотрел на убитого (дыра аккурат в сердце и орудия рядом нет, ясно, что не сам) и сердито пробормотал, глядя на хмурого Ничепорукова и вытянувшегося рядом во фрунт Лыкова.

— Ярмарка только завтра, а первый покойник уже сегодня! Ну, спасибо, Ничепоруков! Уж от восьмого квартала никак не ожидал. Отличились, етит твою мать! Через полчаса доклад его превосходительству, то-то он обрадуется!

И убежал, схватившись за красивую ухоженную голову.

Ничепоруков расправил плечи, глянул с усмешкой на Лыкова:

— Эх-ма, Алексей, мы же с тобою и виноваты, что покойника нашли! Ну, начальство ушло, давай за работу.

Убитого уже осматривал полицейский врач Милотворжский. Лыков с квартальным подошли к телу, тут распахнулась дверь, и вбежал сыскной надзиратель Здобнов.

— Ага! — только и сказал он и присоединился к наблюдавшим.

Милотворжский зондом прощупал рану в груди убитого, потом осмотрел все тело, хмыкнул («особых примет нет») и обратился к Здобнову и Ничепорукову:

— Значит так. Нанесен один удар, острым предметом, в сечении трехгранным...

— Штык? — тотчас же перебил Здобнов.

— Нет, скорее, стилет, хотя и штык не исключается. Смерть наступила тотчас же — удар очень точный, бил человек опытный. Содержимое желудка сообщу вечером после вскрытия. Покойник мертв примерно с полуночи. Пока все! — и Милотворжский удалился, помахивая тросточкой.

Ничепоруков хмыкнул и молча, умело стал осматривать снятую с покойника одежду, передавая затем вещи сыщику. Здобнов так же молча срисовал в блокнот метку с пиджака и носового платка. Алексей стоял рядом, спокойно сознавая свою ненужность — он молодой, его дело учиться у старших. Скосив глаза на мертвое тело, он вдруг увидел то, чего не заметил доктор, и тронул за плечо Здобнова:

— Иван Иванович! Поглядите-ка на его ноги.

Здобнов отложил сюртук, глянул и аж крякнул:

— А ведь точно! Колченогий покойничек-то.

Ничепоруков прикинул пятерней:

— Так точно, Иван Иванович, левая нога на полтора вершка короче правой.

— Дай-ка, Алексей, его ботинки. Ну, вот, следовало ожидать — каблуки разные, левый каблук выше на те же полтора вершка. Вот и особая примета нашлась, теперь и опознать легче.

Тут Ничепоруков что-то выудил из брючного кармана убитого и выложил на стол; это была новенькая визитная карточка.

— «Вологожин Петр Никанорович, Ижевск, Успенская улица, собственный дом» — прочел Здобнов и недоверчиво хмыкнул. — Сомнительно как-то. Свои карточки по одной не носят, а сразу хоть с пяток. Потом — часов, документов, бумажника нет, а визитная карточка имеется. Не заметили или подбросили, чтобы со следа сбить?

— Алексей, проверь в паспортном столе этого Вологожина, где его прописали, — скомандовал Ничепоруков, и Лыков полетел в канцелярию полицмейстера. Через четверть часа, когда квартальный с сыщиком как ни в чем ни бывало пили чай, он вернулся в секретное депо и доложил:

— Вологожин Петр Никанорович в паспортном столе не прописан. Прикажете подготовить запрос в Ижевск?

— Сам подготовлю, — отмахнулся Здобнов. — Что думаете, господа? Купец он или так, водки попить приехал, да арфисток пощупать?

— Купец должен прописаться... — подумал вслух Ничепоруков, отхлебнул чаю и добавил: — ... А по виду, однако, купец.

— Я тоже думаю, что купец, — веско сказал Здобнов. — Колченогий... И трехгранный стилет как будто где-то уже мелькал.

— Иван Иванович, — напомнил ему Лыков, который никогда ничего не забывал. — Сводка из Петербургского сыскного от семнадцатого июня. Сашка Регент убил стилетом совладельца ресторана «Додон», после чего, по непроверенным сведениям, скрылся в поволжских городах.

— Молодец, Алексей, — одобрил Здобнов, — сейчас, после твоих слов, и я вспомнил. Значит, Сашка Регент? Серьезный субъект. Ты все мечтал сыскную работу поглядеть — вот тебе и подфартило.

Ничепоруков со Здобновым добродушно рассмеялись, Лыков хотел обидеться, но передумал. «Чем бы их подкузывать?» — подумал он. — «Вот возьму сейчас и открою что-нибудь, чего они не заметили. Нашел же я особую примету, а и доктор, и они просмотрели».

Он стал перебирать одежду убитого, повертел карточку. Здобнов толкнул в бок квартального надзирателя, они добродушно и понимающе хихикнули. Не обращая на них внимания, Алексей взял левый ботинок и начал его пристально изучать. Утолщенный каблук. Только ли, чтоб не хромать? И для тайника удобно.

Он надавил сильно пальцами на каблук, и вдруг тот отъехал, как на полозьях, и в ладонь Лыкову выпал бумажный шарик.

Здобнов мигом соскочил со стула, навис над плечом, но шарик не взял. Алексей развернул бумажку — это был чистый лист папиросной бумаги; внутри него оказался какой-то с виду пергамент или просто изрядно пожелтевшая четвертушка, и на ней — сильно выцветшие старославянские вкривь написанные буквы.

— Ну-ка, вспоминай гимназию, господин коллежский регистратор, — серьезно сказал сыщик. Ничепоруков тоже смотрел на Лыкова поощрительно, как бы говоря: давай, молодой, рой землю, твоя карта идет.

И Алексей стал медленно, с трудом разбирая буквы, читать:

«Возлюблении чада мои их же аз люблю воистинну друзии прелюбезные... Аз сижу под спудом засыпан в Пустоозерье несть на мне ни нитки токмо крест с гойтаном да четки в руке... Предвижу конец мой близкий от никонианских последышей козней но... дерзаю со еретики братися до смерти по матери нашей святая Божей церкви. Молю вас грешный...», тут буква «п» в кружке... и конец фразы: «бью челом невсклонно...»

— Сейчас, Иван Иванович, я вспомню.

Лыков сел, обхватил голову руками, молча думал секунд тридцать. Потом встал и доложил:

— Судя по слогу, а также по упоминаемому в тексте Пустоозерью, рукопись может принадлежать перу протопопа Аввакума или одному из его сподвижников. Он провел в Пустоозерском остроге последние пятнадцать лет своей жизни и был там же и сожжен, кажется, в 1682-м году. В остроге, в земляной яме он много писал: мемуары, послания, религиозные сочинения. С ним вместе сидели еще трое — Епифаний, Лазарь, третьего не помню, и все они тоже много писали, но мне почему-то кажется, что это автограф Аввакума.

— Письмо или мемуар Аввакума. Хгм... Это он написал известные «Записки»? — спросил Здобнов.

— Точно так, Иван Иванович. Аввакум очень почитаем староверами. О прошлом годе, как писали «Московские ведомости», купец Викула Морозов купил неизвестный оригинал послания Аввакума княгине Урусовой за пятьдесят тысяч рублей.

— Что ж. Возможно наш покойник и впрямь купец, старовер и собиратель церковных древностей. Да еще и колченогий. С такими приметами мы его быстро опознаем.

Придя домой уже поздно вечером, Лыков поужинал с матушкой и сестрою, отмахнулся от их расспросов и ушел в свою комнату. Иван Иванович дал понять, что попросит пристава дать ему Алексея в помощь по сыскной части на все время ярмарки. Это было и лестно, и заманчиво. Лыков понимал, что романтики и демонических страстей в сыске намного меньше, чем в книгах Крестовского или графини Салиас — полтора года войны уже сделали из мальчика мужчину. Однако сыскная работа интереснее, чем помощником квартального шляться по торговым рядам. Ярмарка — гигантское предприятие, и для полицейской работы здесь огромное поле деятельности. Взять хотя бы знаменитые Самокаты — площадь на северо-востоке ярмарки с низкопробными народными увеселениями, куда полиция в принципе не совалась. Или не менее знаменитый «Кавказ» — остров на Волге, где месяцами обитали шайки

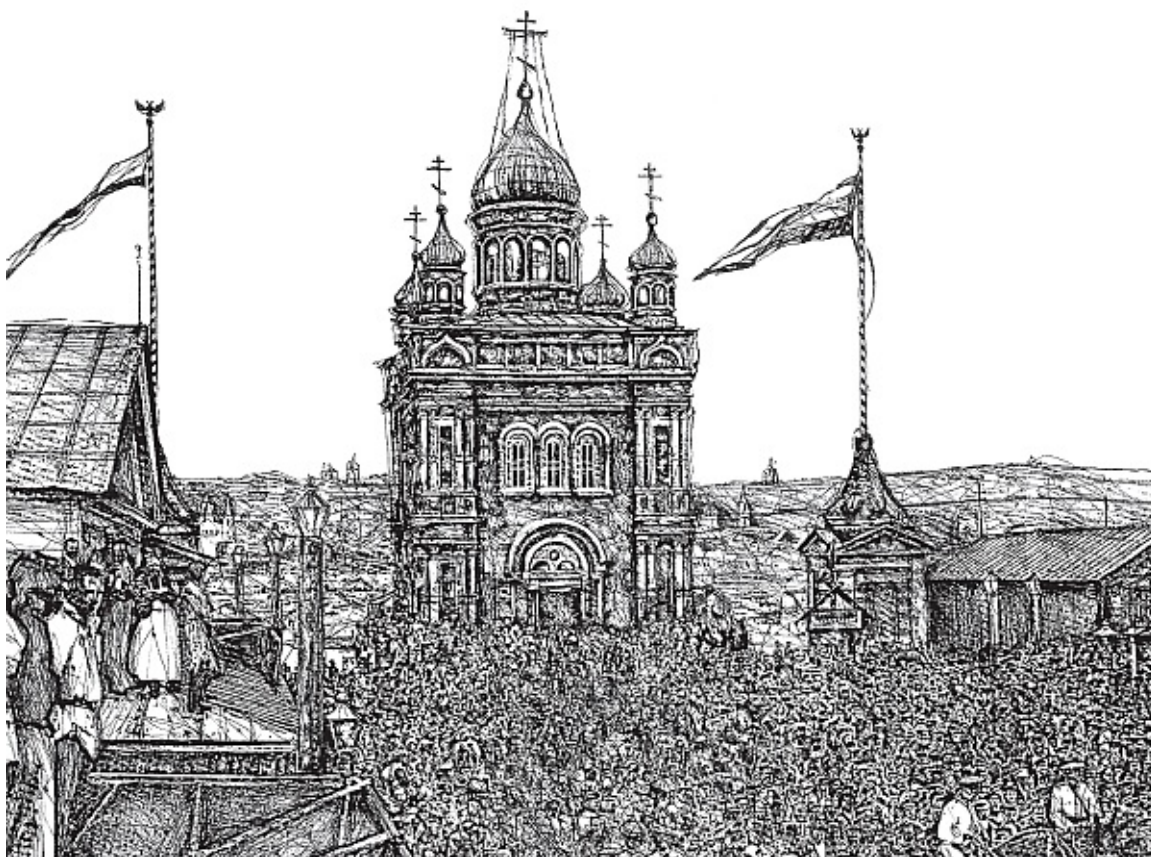
убийц и грабителей, выходя по ночам на охоту. Зловещие «мельницы» — тайные игорные дома в Кунавино, контролируемые неуловимой бандой персов-душителей. Печально известный вертеп в Гордеевке, где в страшных для простого обывателя трактирах обретаются каждую ярмарку беглые каторжники. Притоны Кузнецова и Сушкина на той же Самокатной площади, в которых торговали живым товаром — женщинами и даже малолетними детьми, в том числе для азиатских гаремов. Частенько исчезали купцы и всплывали потом весной в Мещерском озере. Все это Лыков знал, как знал весь город, отчасти по слухам, отчасти из рассказов Здобнова и Ничепорукова, и руки у него чесались влезть в это грязное варево и попытаться что-то переделать, да и сыскную карьеру свою укрепить. Была у него тайная дурацкая мечта стать начальником сыскной полиции...

И вот сегодня он немного отличился. Если затем они со Здобновым найдут убийцу — это серьезная заслуга в глазах начальства, тогда, возможно, Лыкова вообще переведут в штат сыскного отделения. Вот тут-то и начнется интересная жизнь...

Лыков поломал еще немного голову над тем, что надо сделать для завтрашнего розыска, хотя и понимал, что Здобнов все придумает за него и лучше него. Потом записал для Гаммеля сведения о варшавских ворах и ювелирных мошенниках, но спать все равно еще не хотелось. Тогда он взял наполовину разрезанный том записок Теофиля Готье о путешествии в Россию и просидел с ним до полуночи.

## Глава 3

### Ярмарка



Открытие ярмарки. Макарьевская часовня и флачные башни.

Ярмарка открылась, как водится, с архиерейского служения в Спасо-Преображенском соборе. По окончании литургии крестный ход торжественно, через всю ярмарку, через Главный дом прошел к Макарьевской часовне, перед которой искони стояли флачные башни. После молебна в присутствии губернатора, предводителя дворянства, городского головы, председателя ярмарочного комитета и прочего начальства помельче, ярмарочные флаги окропили святою водою и подняли. Толпа в несколько тысяч человек заревела, множество глаз было устремлено на флаги: как развернутся, так и пойдет ярмарка, в чью сторону потянутся полотнища, тем купцам будет хороший торг. Примета это старинная и верная: в 72-м году флаги дружно скосились на Пески, и точно, выгорела вся Сибирская пристань с миллионными залежами товаров,

стоящая в противоположной Пескам стороне.

Полотнища развернуло на этот раз на Кунавино, раздался довольный гомон одних и разочарованное нытье других, и народ потихоньку разошелся по ярмарке. Пристав Львов рыскнул грозным взглядом на квартальных, те — на своих помощников, и полицейские степенно принялись обходить каждый свой квартал. Первый день работы ярмарки — 15 июля — самый тихий, торговля еще десять дней будет еле теплиться: приказчики не спеша подвозят с пристаней товар, раскладывают в лавках, лениво переругиваются. Хозяева или их представители с доверенностью появятся к 25 июля, ко дню святого Макария Желтоводского, когда будет второй крестный ход за благополучное ярмарки окончание. Вот тогда и начнется настоящая торговля; в иные дни на ярмарке, на площади 384 десятины, сходится одновременно до 300 тысяч человек! Двадцать пятого августа флаги спустят, ярмарку закроют, но торговля будет еще вестись до 10 сентября, когда уезжают все правительственные учреждения и запираются все лавки. В многолюдном бутафорском городе остаются лишь караульщики да свиньи, которых гордеевские обыватели выпускают для съедания огромных гор накопленных за ярмарку объедков.

Алексей встал аккуратно между флажных башен, приосанился (хоть и был в статском), окинул взглядом величественную картину самого большого в мире торга.

*Здесь иному читателю впору остановиться и пролистнуть, не глядя, последующие четыре страницы. Не всех заинтересует детальное описание ярмарки, а кому-то оно покажется затянутым. Но очень уж нам хотелось расписать те декорации, на фоне которых будут разворачиваться все последующие события! Что за спектакль без декораций? И еще — великая ярмарка ушла, исчезла, как Атлантида. Помянем ее хотя бы слабым нашим пером... Так что, читатель, решай сам.*

У Теофиля Готье попалась ему вчера странная фраза — о том, что для описания Нижегородской ярмарки в цвете хватило бы лишь охры, жженой сиены, кассельской земли и битума. Слова эти были Лыкову незнакомы, но вызвали недоумение. Неужели для рассказа о таком величественном зрелище легкомысленному французу хватило бы четырех красок? Воистину нация верхоглядов и самодовольных дилетантов... Русскому оку тут было чем вдохновиться!

Алексей оглянулся. Позади него, отделенные затоном, находились знаменитые Пески — большой остров на Оке, также входящий в ярмарочную территорию и соединенный с ней двумя мостами. На Песках

продается в Железном-Сибирском ряду уральское железо в больших оборотах. Торговля железом — одна из важнейших на ярмарке и определяет цену на него по всей России. Огромные партии металла сгружают здесь с судов, взвешивают и по конно-железной дороге отвозят на Московский вокзал. Выше по Оке — также весьма примечательные рыбные ряды. Здесь не продохнуть от запаха рыбы, а остров с обеих сторон уставлен коломенками (берут до 20 тысяч пудов груза) и гигантскими баржами, в которые грузят по 120 тысяч пудов! Здесь же, на Песках — длинные Шорные ряды, затем Овсяные и Кошемные, а также Мучной, Мясной, Зеленый и Сычужный ряды. Еще остров знаменит холодными кузницами, где из привезенного железа и жести выделывают ведра, заслонки, выюшки и прочий подобный товар. Славятся Пески и русскими харчевнями, в которых угощают почти исключительно пельменями; лучшая из них — заведение Абелекова, которое спорит по качеству кухни с самим Никитой Егоровым, наипервейшим на ярмарке ресторатором.

Вверх по обоим берегам Оки и в затоне тесно сгрудились суда, облепили густо Петербургскую, Гребневскую, Молитовскую и Финляндскую пристани, составив огромный город на воде. Еще больший по размеру город — за Стрелкой, вверх по правому берегу Волги, где раскинулась на две версты никогда не отдыхающая Сибирская пристань.

Справа от Лыкова виднелась вдали красная громада собора Александра Невского. Собор уже построен и покрыт белой жостью, три года ведутся отделочные работы и росписи и еще столько же, говорят, пройдут.

Повсюду вокруг и сзади собора тоже ряды — Ложкарный, Колокольный, Проволочный (здесь царствуют исключительно жители нижегородского села Безводное); громадные корпуса наполнены сырейным товаром (то есть сырыми кожами, торговля которыми одна из важнейших на ярмарке) и выделанными кожами, по большей части из города Богородска. Здесь же площадь, где закупают свой товар офени. Еще правее, у самой оконечности Стрелки, где Ока сливается с Волгой — два озера: Баранцево и Круглое (которое вовсе не круглое), а у самой кромки воды — пароходные конторы: Гусева, Бородина, Тарышкина, фон Мекка и других.

Не доходя до собора, упирается в берег Оки самый длинный в России плашкоутный мост, по которому Алексей по утрам ходит на службу. Мост ежегодно наводится заново, длина его — 376 и 1/2 сажени<sup>[5]</sup>, ширина — 7 саженьей<sup>[6]</sup>. Ночью середина моста раздвигается для пропуска судов. Справа от моста — ряды Железный Ярославский, Железный Нижегородский,

Стеклянный, Варежный, Рукавичный, Валеночный и Щепной.

Как бы продолжением от моста идет на север Нижегородская улица, в середине которой — знаменитый ярмарочный театр, так называемый Большой (Малый находится возле мечети), и трактир Ермолаева, высший шик для купечества средней руки. По обеим сторонам улицы — ряды: справа — Напиточные (восемь больших корпусов, насквозь пропахших кизлярской водкой), слева — Старый Москательный, Бакалейный, Хомутные. Между Нижегородской улицей и Главным домом — тоже ряды: Иконный, Табачный, Тулупный и Бакалейный, а также длинная Мебельносундучноподносная линия. Корпуса все добротные, из красного кирпича: после того как в 1874 году правительство стало передавать ярмарочные помещения купцам из аренды в собственность, очень оживилось каменное строительство.

Еще выше, если идти от театра к Мещерскому озеру — Башкирский и Экипажный ряды, снова Сырейные и — мечеть. Здесь начинается Азиатская часть. Огромный Караван-сарай забит персами, армянами, бухарцами, хивинцами, кокандцами, ташкентцами, а также разными мелкими кавказскими народами. Торговля идет персидским и закавказским товаром: рис, изюм, сабза, миндаль, фисташки, орехи, а кроме того, хлопок, кашемировые шали, каракуль, волчьи, лисьи и куньи шкуры, шелк-сырец и шелковые ткани, олений рог, багдадские шерстяные платки, москательный товар (индиго, марена, канцелярское семя, чернильные орешки<sup>[7]</sup>). Торгуют персидскими коврами и в лавках вокруг мечети, да еще по всей ярмарке расхаживают персы, в высоких мерлушковых шапках и с коврами на плечах. Здесь же множество татарских харчевен, постоянные дворы, азиатские бани с самым гнусным развратом (куда полиция не ходит), в Караван-сараях — временные ярмарочные гаремы.

На севере Азиатской части, по берегам Мещерского озера и Малого канала — знаменитые «макарьевские кухни», где готовят для мелкого купечества, приказчиков и прочих сидельцев. По всей ярмарке снуют веселые разбитные бабенки с судками на коромыслах. В лавках разводить огонь запрещено, даже чаю не попьешь, вот вся невзыскательная братия и кормится из этих судков за 15–20 рублей в месяц.

За Малым каналом на своего рода острове — знаменитая Самокатная площадь. Это самое шумное место на ярмарке, где в разгар торга постоянно толкается простой народ, снуют продавцы квасу, сбитня и пирогов с печенкой, гремят турецкие барабаны, визжат расстроенные скрипки, хрипят флейты, кричат балаганные зазывалы. Собственно самокаты представляют собой двухэтажные дощатые сооружения, где внутри второго

этажа середина зала вращается, уставленная скамьями, деревянными конями, каретами. На конях едут подростки, в каретах — подгулявшие мещане и купчики со своими пассиями, а на скамьях шпалерами — проститутки, сплошь красивые молодые девушки в платках и ярких платьях, на любой вкус. Тут же в зале — подобие театральных подмостков, где разыгрываются народные пиесы: «Падение Гуниба», «Взятие Шамиля», «Атаман Гроза» и тому подобные шедевры. В углу — стойка с бутылками всех мастей, за стойкой ражий бородатый детина с самой зверской физиономией, хозяин заведения. По зале расхаживает охрана — три-четыре обезьяноподобных громилы, которые выкидывают наиболее буйных пьяных прямо со второго этажа на песчаный двор. Возле самокатов — трактиры с номерами, окружающими своеобразной галереей собственно питейные заведения. Такое соседство строжайше запрещено законом, но полиции на Самокатной площади не бывает, поэтому в номерах идет скоротечный разврат, причем желающие уединиться стоят в очередь, перешучиваясь.

Клиенты побогаче занимают отдельные номера в самих трактирах, где к их услугам уже не дешевые девки с самокатов, а арфистки, каскадные певицы и специальный трактирный персонал — все девушки не старше 19–20 лет и очень красивые. Здесь разврат отъявленный, без каких-либо рамок и приличий, на любой вкус, включая самый извращенный. Наиболее шикарный — трактир Кузнецова, возле канала. Трактир «держат» персы-душители во главе со зловещим Али-Бером: по ночам они охраняют самую крупную на ярмарке «мельницу» (тайный игорный дом), беря за это комиссию. В номерах Кузнецова каждый сезон исчезает бесследно несколько богатых купцов: говорят, у него на службе состоит особый фармацевт, составляющий одурманивающие смеси, лишаящие человека сознания, а то и жизни...

Между самокатами и трактирами разбросаны другие заведения: «механический театр», показывающий сценку «Шествие папы Пия IX», балаган с «прекрасной альбиносской» и двумя карликами, кабинет восковых фигур, зверинец Крейцберга, стереоскопическая галерея Патюэля, какая-то «Циклограмма», «выставка профессоров итальянской живописи» с эротическими рисунками, «Планета счастья с механической пушкой», фотографические кабинеты, бородатые женщины, комедиантские балаганы, «факиры прямо из Индии», «тибетские целители, возвращающие мужскую силу всего за один сеанс» и прочие чудеса.

Если же перейти от самокатов через Обводный-Бетанкуровский канал, то окажешься в Гостином дворе — центре старой ярмарки, застроенной

еще самим Монферраном. Этот центр и разворачивался сейчас перед Лыковым. Прямо перед ним, между флачными башнями, возвышалась Макарьевская часовня, в которой на время ярмарки помещается старинная чудотворная икона Макария Желтоводского, список 1620-го года с оригинала, хранящегося в Унженском монастыре.

Позади часовни — Главная площадь, образованная восемью двухэтажными угловыми корпусами. В корпусах расположены ряды: Часовой, Меняльные, Оружейный, Зеркальный, Шляпный-Московский, Фруктовые, Бумажный, Овощные большой и малый. Все корпуса опоясаны крытыми галереями с чугунными колоннами.

Запирает Главную площадь (125×30 сажень)<sup>[8]</sup> Главный дом, продолженный с двух сторон флигелями; перед ним — один из двух ярмарочных фонтанов. На верхнем этаже дома помещаются начальник губернии и комендант ярмарки; под ними — канцелярия губернатора, клуб и ресторация. В цоколе расположены самые шикарные магазины — косметические и галантерейные, торгующие екатеринбургскими изделиями из камней и шелковыми тканями, а также коврами. В центральной зале, на деревянной эстраде играет по вечерам военный духовой оркестр. С шести до десяти часов вечера по зале гуляет публика, делает покупки, слушает музыку, знакомится, к одиннадцати почти все стихает.

На подъезде, выходящем на юг, к Оке — масса извозчиков, ибо это главный въезд в город. На противоположной стороне Главного дома — знаменитая кондитерская Мишеля, которой столько же лет, сколько и ярмарке.

В левом (западном) флигеле — ярмарочная контора, почтовое отделение и гауптвахта, в правом (восточном) — полиция, аптека, биржевой зал, контора банка и часть пожарной команды.

Если выйти из Главного дома на север, куда извозчиков не пускают, окажешься на бойком месте. Справа — открытое летнее кафе, единственное место на ярмарке, кроме рестораций, где можно курить; оно всегда забито чиновниками из Главного дома и евреями-маклерами, ищущими гешефта. Перед бульваром толкаются люди с ваксой и свечами, мальчишки с газетами, татары с мылом, продавцы пряников и квасу, кокотки, приезжие помещики с женами и дочками, спокойные англичане, развязные румыны и неизбежные персы с коврами.

От Главного дома идет на север бульвар, упирающийся в Спасо-Преображенский собор, также обязанный своей красотой Монферрану. Справа и слева по обеим сторонам бульвара — знаменитый Гостиный двор: 48 корпусов, расположенных в 12 линий по 4 корпуса в каждой. В одном

корпусе — 42 лавки, внизу купцы торгуют, а наверху живут. Лавки открываются уже в 6 часов утра. Ряды имеют свои исторически сложившиеся названия: слева — Галантерейный, Серебряный, Книжный, Фарфоровый и Хрустальный, Пушные, Шляпный-Нижегородский, Астраханский и Ярославский, Армянские ряды (это все и есть лыковский квартал), справа — Суконные, Суровские, Чулочные, Панские розничные и гуртовые, Игольные Ярославский и Московский, Шуйский-Бухарский, Лоскутный и Кафтанный ряды.

Здесь тон задают московские и иванововознесенские мануфактуристы, самые богатые и влиятельные люди на ярмарке; наибольшие обороты делаются в этих рядах, а купленные здесь товары расходятся от Северо-Американских Соединенных Штатов (ежегодно закупают ровно миллион аршинов холста ручной выделки) и до Китая (куда, правда, охотнее всего увозят российскую звонкую монету).

Корпуса разделены одиннадцатью линиями с юга на север и тремя улицами с востока на запад; улицы имеют 6 сажен<sup>[9]</sup> ширины, а бульвар — 15<sup>[10]</sup>. На бульваре стоят помповые колодези. В конце бульвара, перед собором, живописно расположились четыре корпуса Китайских рядов, с крышами под пагоды и китайскими болванами на фронтонах. Здесь раньше была через Кяхту большая чайная торговля; с появлением кантонского чая она уменьшилась, и опустевшие было лавки тут же заняли всеильные мануфактуристы.

Все это пространство огромной дугой огибает Обводный канал с четырьмя проезжими мостами и двумя пешеходными.

Справа за каналом — мечеть (она и объединяет Азиатский квартал), слева — Армянская церковь. Там же слева, в сторону Кунавина и железнодорожного вокзала — последние ряды: Ваточный, Пушной, Мурашкинский-Меховой и Васильевский пестрорядинный. Между ними и церковью — лучшая на ярмарке ресторация Никиты Егорова, ниже — постоянные дворы, кухни и казачий двор, где стоят ежегодно вызываемые на ярмарку оренбургские казаки.

Вот и вся ярмарка!

Алексей обошел несколько раз свой квартал, заглянул к соседям, рассказал Ничепорукову анекдот о князе Меншикове. Все было тихо, почти ничего не говорило об открытии знаменитого торга. Приказчики раскладывали товар в лавках, широкоплечие татары в белых войлочных шляпах затаскивали тюки с телег вовнутрь. Татары, весьма уважаемые купечеством за честность и трудолюбие, обслуживали все лавки на

ярмарке; русские работали только грузчиками на Сибирской пристани.

Бойко шла первая торговля только лишь в модных лавках (нижегородцы приехали «с горы»), да у мебельщиков и посудников — многочисленные ярмарочные трактиры запасались стульями, столами да тарелками, что побьют потом пьяные купцы.

От скуки Алексей зашел к Гаммелю. Тот как раз проводил до дверей барыню в белом кринолине; по выражению лица ювелира Лыков понял, что барыня ничего не купила.

— О, Алексей Николаевич! — обрадовался Гаммель гостю, — мы с Марком только что вас поминали. У Никиты вчера говорили — мертвое тело нашли?

И ювелир ловко вытащил из рукава и положил на прилавок перед Алексеем десятирублевую ассигнацию.

— Нашли, — так же ловко смахнул ее в карман Лыков, — но опознать пока не можем. По виду купец. Левая нога короче правой, но каблуки выровнены, значит, он не хромал. Усы и борода небольшие, на вид 45 лет, ростом с меня. Зубы белые, не курил, возможно, старовер.

Тут вдруг Лыков увидел, как Гаммель с Марком осторожно переглянулись. Эге... надо запомнить.

— Фотопортрет обещали завтра, как получу, зайду, покажу, — закончил Алексей и спросил небрежно: — Не ваш клиент, Абрам Моисеич?

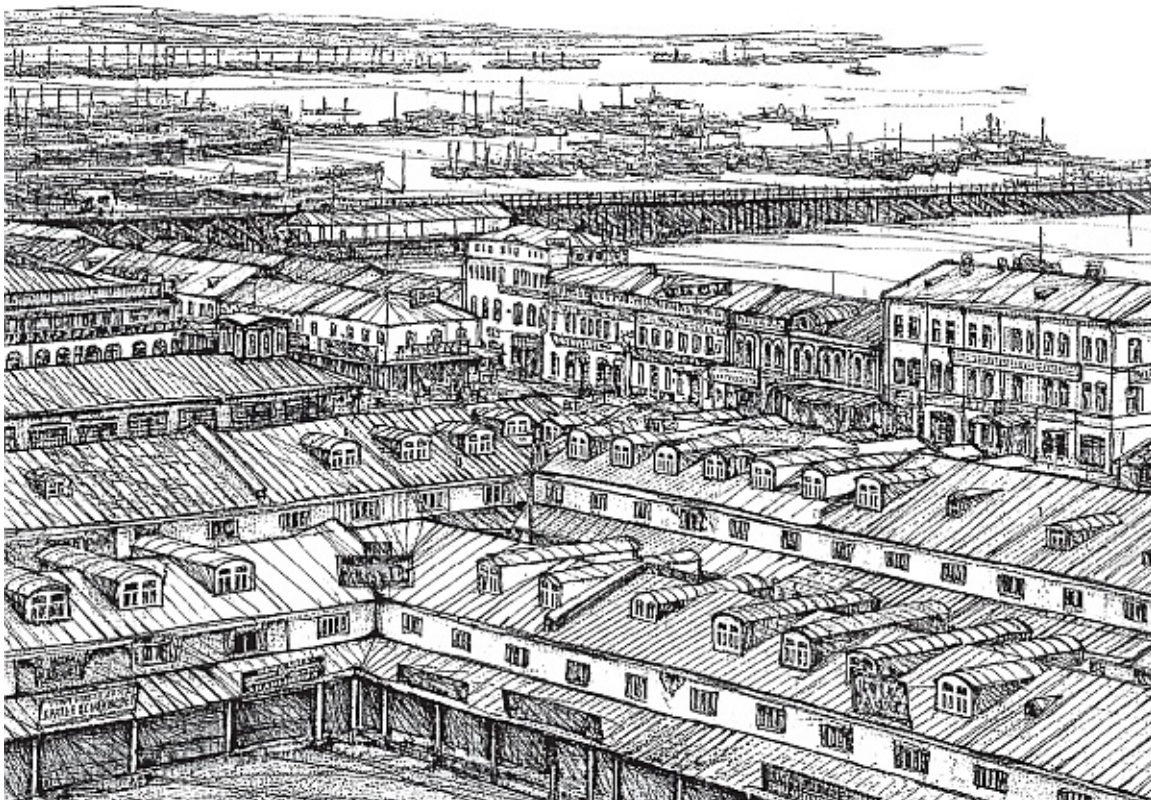
— Э, какие у нас клиенты, торговля еще не началась, — в тон ему ответил ювелир, но Алексей в зеркало увидел, как стоящий у него за спиной Каланча перекрестился и беззвучно прошептал молитву.

Вышел Лыков от Гаммеля сильно задумчивый и направился в часть искать Здобнова. Нашел его на съезжей, где тот тряс какого-то золоторотца из первого урожая. Иван Иванович сказал Алексею, что сыском они займутся завтра, а сейчас надо идти следить за порядком, и тот послушно вернулся в свой квартал.

День завершился обыденно.

## Глава 4

### Лякинские ребята



Ярмарочные торговые ряды.

На следующий день, в 11 часов пополудни Лыков со Здобновым, вооруженные фотографией убитого неизвестного лица, пошли в лавку Большакова, что у трактира Бубнова, недалеко от Обводного канала. Здесь собирались старообрядцы, и сюда для них свозили старопечатные и рукописные книги и дониконианские иконы. Оборот у Большакова был большой, но подпольный, а лавка являлась своего рода тайным клубом поповцев Рогожского кладбища — самого мощного толка староверов, законно существующего аж с 1771 года. Все это Иван Иванович объяснил Алексею по пути.

В лавке Большакова они застали, кроме хозяина, двух авантажных бородатых купцов в дорогих сюртуках и одного, помоложе, в куцем модном пиджаке.

— Бог в помощь, Сергей Тихонович! — зычно поздоровался Здобнов;

при их появлении разговор в лавке сразу смолк и повисла тишина.

— Иван Ивановичу наше почтение, — тенорком ответил Большаков. — Чем могу помочь полиции?

При этих словах купцы молча развернулись и собрались выходить, но Здобнов аккуратно, но твердо попридержал их:

— Прошу прощения, господа хорошие, но вы мне тут на карточку гляньте. Знакома ли вам эта личность?

Здобнов передал купцам фотографический портрет неизвестного, сделанный в полицейском морге. Большаков вышел из-за прилавка и тоже стал разглядывать карточку. Минуту было слышно лишь сопение; полицейские внимательно вглядывались в лица староверов.

Лыкову сразу стало ясно, что убитый был им всем известен. Молодой капиталист в пиджаке аж побледнел, хотел что-то сказать, но сосед крепко наступил ему на ногу и тот притих.

— Нет, этого господина никто из нас не знает, — сказал за всех самый важный из купцов, глядя при этом на молодого; потом бесцеремонно отодвинул Здобнова плечом и молча вышел из лавки. Во всех его повадках сквозила уверенность «большого человека». Остальные двое послушно следовали за ним.

Здобнов хотел что-то сказать им в спину, но промолчал, постоял немного, словно выжидая, затем кивнул хозяину и тоже вышел на улицу.

В сажени от лавки стоял и смотрел в другую сторону молодой купец. Здобнов шагнул к нему и вполголоса сказал:

— Я вас слушаю.

— Я... — в смущении обернулся парень, — я, собственно, ничего... а впрочем, вы правы. Я знаю этого человека. Но здесь говорить неловко; давайте встретимся сегодня в восемь вечера на углу Пожарской и Пушной набережной. Прощайте!

И он быстро ушел.

— Ключет, — удовлетворительно кивнул Здобнов и вынул часы. — Пока хватит. Ты иди сейчас в свой квартал, а без пяти восемь будь, где сказал купчик, и при оружии. А я пойду доложу Павлу Афанасьевичу, господину Благово.

Лыков с трудом дотерпел до вечера. Уже в семь часов взял в оружейной комнате служебный «смит-вессон» образца 1872 года, засунул сзади за брючный ремень и начал прохаживаться по Пушной набережной вдоль канала. Без пяти восемь подошел Здобнов. Они встали под навес крытой галереи, чтобы не маячить на виду, и простояли так до девяти. Купец не пришел.

Раздосадованный Лыков сдал револьвер, попрощался с Ничепоруковым и Здобновым и ушел домой.

Утром следующего дня их конфидент нашелся — лежал на Сибирской пристани, засунутый между двумя цибуками с кожаным чаем<sup>[11]</sup>, с трехгранной раной в сердце.

Пристав Львов рвал и метал: через два дня приезжает грозный генерал-губернатор Игнатьев, а у них уже два трупа. Здобнову было приказано «вылезти из кожи вон, но к приезду убийцу предоставить». Лыкова официально открепили от квартала и назначили помощником сыскного надзирателя Макарьевской части, то есть он стал сыщиком!

— Держись, Алексей, теперь все шишки наши, — сказал ему умудренный Здобнов. — С этих обалдуев какой спрос? Их дело в свисток свистеть, а жуликов с нас будут спрашивать.

Поиск убийц усилился. К полицмейстеру вызвали на беседу тех двух купцов, что были вчера в лавке Большакова вместе с покойным (их имена нехотя назвал хозяин лавки). Одним из них оказался сам Арсений Иванович Морозов, хозяин огромной Богородско-Глуховской мануфактуры, второй — туз помельче, но тоже козырный — коммерции советник Иван Александрович Найденов, совладелец торгового дома «А. Найденов и сыновья», а также брат знаменитого Николая Найденова, председателя Московского торгового банка и Московского биржевого комитета.

Оба купца ответили на крайне вежливо заданные им вопросы очень скупко (Лыкова, как мелкую сошку, к участию вообще не допустили, а Здобнов присутствовал бессловесно; он и рассказал Алексею о том, как шла беседа). Да, вон тот полицейский показывал им карточку какого-то человека, им не известного. Нет, они все трое не опознали личность на карточке. Молодой их товарищ, что ночью погиб — Яков Прохоров, сын одного из совладельцев (Алексея Яковлевича) Трехгорной мануфактуры, хороший парнишка. Они уже отбили телеграмму отцу, тот скоро приедет. Нет, Яша тоже ничего не знал и знать по молодости не мог; он на ярмарке всего второй раз, они его опекали и делу учили. Знакомств у Яши своих еще нет, кого он там мог узнать, упокой Господи его душу...

Беседа на этом и закончилась, купцы ушли.

После этого в кабинет допустили Лыкова. Совещание вел сам полицмейстер генерал-майор Каргер; присутствовали надворный советник Благово, пристав Львов, а также Здобнов и Лыков.

Здобнов доложил о ходе розысков, о встрече в лавке Большакова и о короткой беседе с Яковом Прохоровым на улице; высказал убеждение, что все трое купцов узнали убитого на фотографии. Благово и Львов сошлись

во мнении, что тут явно какая-то купеческая, а может, и староверческая тайна, а значит, правды от купцов не добьешься и надо заходить с другого конца.

Благово умело вел беседу, направляя незаметно даже Каргера. Алексей видел, что он на голову выше всех в сыске, многоопытный Здобнов и тот слушал его с напряженным вниманием.

— Итак, господа, — говорил Благово, — что мы имеем? У нас есть некоторые факты, давайте построим логическую цепь. Убит неизвестный, в каблуке у которого господином Лыковым (благодарный кивок в сторону Алексея) обнаружен первый лист старинной рукописи, предположительно связанной с Аввакумом.

Рукопись Аввакума привлекательна не только для староверов, она может быть предметом продажи, интересным любому богатому коллекционеру. Однако за такое до сих пор еще не убивали... Коллекционеры — люди хоть и чокнутые, но тихие, с бандитами не водятся. Поэтому я склоняюсь к староверам.

Дело в том, что купец, только что вышедший отсюда — Арсений Иванович Морозов — является тайным руководителем Рогожской общины. Человек он весьма влиятельный. По имеющимся у меня агентурным данным, все старообрядческие толки возбуждены появлением какой-то архиважной рукописи, предлагаемой к продаже. Деньги за нее просят продавцом огромные, чуть ли не двести тысяч. Думаю, что с этой рукописью и связано наше убийство. Лист, найденный в каблуке убитого, скорее всего, своего рода торговый образец.

И, наконец, у нас два трупа с одинаковым ранением стилетом, что очень напоминает почерк Сашки Регента. Если в это дело ввязались Регент и его патрон Осип Лякин по кличке Ося Душегуб, значит, у нас серьезные проблемы.

— Что же нам делать? — спросил полицмейстер.

— Позвольте, — приподнялся Львов. — Предлагаю усилить режим на ярмарке и в городе, раздать всем городским фотографические портреты Лякина и Регента, активизировать агентуру.

— Я переоденусь мазуриком и потолкаюсь в трактирах и на «мельницах», — предложил Здобнов.

— Только осторожнее, Иван Иванович, — предупредил Каргер, — тебя там каждая собака знает. Без хорошего грима ни шагу.

— А я, ваше превосходительство, — осмелел Лыков, — обойду Пески с фотографией убитого неизвестного, опрошу прислугу в пельменных.

— Почему именно в пельменных?

— Вот, — Алексей вынул из кармана лист бумаги, — записка от полицейского врача Милотворжского по итогам вскрытия. Убитый ужинал в пельменной, а они у нас все на Песках.

— Разумно, — согласился Каргер. — Вы, господин Благово, назначаетесь ответственным за это дело. Я начинаю готовить отчет для графа Игнатьева, его сиятельство прибывает завтра. Держите меня в курсе дела. За работу!

Алексею повезло уже в третьем заведении — пельменной Тимофеева. Показав угрюмому хозяину бляху, он велел привести ему по очереди всех половых, которые работали днем 14 июля. Первый же малый, рыжий разбитной ярославец, опознал по карточке клиента.

— Знакомая нам личность, — уверенно сказал он. — Были у нас четырнадцатого, обедали с каким-то солидным господином. Господин этот не в первый раз на ярмарке, говорили, что он ювелир. По виду еврей, а по манерам — немец, аккуратный, чистенький. С ним еще огромный охранник был, сидел за другим столиком, но глаз с хозяина не спускал.

«Гаммель с Каланчой», — понял Лыков и чуть было не сорвался с места — бежать к ювелиру, но сдержался.

— О чем они говорили?

— Когда я подходил, они умолкали, и разговор у них был, по всему видеть, секретный. Я лишь одно слово явственно услышал.

— Какое слово?

— Странное слово... «Буффало».

— Буффало? Не ошибаешься?

— Святой крест! Буффало. Я еще спросил в тот же день у нашего постоянного клиента господина Щукина Петра Ивановича, он купец образованный, что сие слово означает, и он ответил, что это зверь такой в Америке, вроде буйвола или быка.

— Да, — задумчиво подтвердил Лыков, — буффало — это североамериканский бизон. Вот только откуда он на Нижегородской ярмарке?

И, заставив ярославца написать протокол опознания и отнести его в Макарьевскую часть, он быстрым шагом направился к Гаммелю.

Магазин ювелира находился в престижном месте, на Главном бульваре, в Серебряной линии. Подходя к нему, Алексей вдруг услышал сильные хлопки и звон разбитого стекла, и верхняя часть огромной зеркальной витрины с грохотом обрушилась на тротуар ему под ноги. Не мешкая, Алексей перемахнул через стекло, вбежал в магазин и увидел примечательную картину.

Каланча лежал в углу, одной рукой он почему-то закрывал лицо, а в другой у него был зажат «веблей», из которого он палил в потолок и в верх стеклянной витрины, крича при этом недуром:

— Полиция! Грабят!

Над ним и немного сбоку навис крепкий мужчина в чуйке и пытался ударом кистеня или выбить револьвер, или попасть Каланче по голове, однако тот махал стволом наугад перед собой, и бандит вынужден был тогда отскакивать назад.

Справа такой же здоровенный малый держал Гаммеля за горло, уткнув ему лезвие большого ножа в бок, и что-то угрожающе говорил, а ювелир ошарашенно хлопал глазами, не в силах ничего сделать.

Прямо посреди залы стоял среднего роста, русоволосый бритый субъект с табакеркой в руке, и хладнокровно наблюдал происходящее. Увидев вбежавшего Лыкова, он коротко приказал:

— Ноздря!

Тотчас же верзила, трясший Гаммеля, отпустил его и бросился с ножом на Алексея.

Ситуация была для Лыкова привычная, он не раз на Кавказе схватывался так с турками и чеченцами и всегда использовал один и тот же прием, опасный для исполнителя, но эффективный. Лишь поэтому он успел среагировать, что ничего не пришлось выдумывать. Он сделал шаг навстречу ножу, потом перед самым лезвием развернулся правым плечом вперед — рука Ноздри с ножом проскочила вдоль живота, Алексей левой рукой схватил ее крепко за запястье, а правой снизу сильно подбил выше локтя. Раздался хруст ломаемого сустава и дикий крик; Ноздря выронил нож и упал на колени, с воем зажимая изувеченную руку.

Мгновенно второй в чуйке бросил Каланчу и с кистенем кинулся на полицейского. Тот, не мешкая, пнул ему под ноги скрюченного Ноздю, так что громила чуть не перелетел через него на пол. Воспользовавшись замешательством, Лыков перепрыгнул через лежащего, схватил чуйку за кисть и сжал со страшной силой — тот всхлипнул и выпустил из сломанных пальцев кистень. Правой рукой Алексей ухватил противника за пояс, легко оторвал от пола, поднял на уровень плеча и, круговым движением запястья перевернув вниз головой, с силой швырнул в стену. В этот момент что-то больно чиркнуло его по боку, сзади раздался тонкий звон металла, и Алексей увидел, как под ноги ему упал кинжал с длинным треугольным лезвием.

— Сашка Регент! — крикнул он, разгоряченный схваткой, и развернулся к третьему бандиту, готовый сразиться и с ним. Однако тот,

сбитый, видимо, случайно, ногами закрученного в воздухе чуйки как раз при попытке ударить в спину Алексею, ловко перекинулся через голову прямо на ноги и выбежал на улицу. Лыков бросился было за ним, но Регент впрыгнул на ходу в ожидавшую его пролетку и та на бешеной скорости умчалась к Ирбитскому мосту. Алексей схватился за пояс — оружия при нем не было, свисток он забыл дома, да и в магазине Гаммеля оставались двое налетчиков и раненный, по-видимому, в лицо, Марк.

Лыков вернулся обратно в магазин, когда и чуйка, и Ноздря начали подниматься. Чуйку, как более опасного, Алексей с маху ударил кулаком сверху по темени, тот снова упал и отключился уже надолго. Второй сразу же сел на пол и закрыл голову здоровой рукой.

— Вот так и сиди, — приказал ему Лыков, обыскал его и нашел второй нож, поменьше, в голенище сапога, а в кармане кафтана — тяжелую свинчатку.

Гаммель тем временем сбегал за водой и стал промывать Марку глаза. Как потом выяснилось, Сашка Регент вошел в лавку сначала один, поинтересовался товаром и по ходу разговора вынул табакерку и стал нюхать из нее табак. Каланча через минуту заметил, что у «покупателя» нет левого мизинца, потянулся за спину за револьвером и тут же получил пригоршню табаку в глаза. Сразу же вбежали еще два бандита, но ослепленный Марк принял единственно верное решение — стал стрелять наугад вверх голов в витрину, чтобы привлечь внимание прохожих. Все же, если бы Алексей не появился так вовремя, дело Каланчи было бы плохо, так как в барабане «веблея» оставался последний патрон.

## Глава 5

### Рассказ ювелира



Козьмодемьянская церковь на Рождественской улице.

Через час Лыков, Гаммель, Марк, пристав Львов и Благово сидели в кабинете полицмейстера. На столе перед Каргером лежал зловещий стилет Сашки Регента.

Беседу, как всегда, вел Благово.

— Господин Гаммель! Давеча вы обманули полицию, сказав, что убитый третьего дня приезжий не известен вам. Наши сыщики не имели доказательств вашей лжи, хотя и чувствовали ее; теперь она очевидна. Только храбрость помощника сыскного надзирателя Лыкова спасла сегодня ваши жизни... Что будет с ними завтра, если вы будете продолжать нам лгать?

— Да, я виноват, — быстро согласился ювелир. — Я все расскажу. В первую очередь, приношу свои извинения за обман следствия; я был связан

обязательством, данным клиенту. Теперь я понимаю, что поступил глупо и поставил под угрозу три жизни, считая с нами и Алексея Николаевича. Ему, кстати, наша с Марком нижайшая благодарность...

Что касается убитого, то его зовут Митрофан Осипович Елатьменский. В Рогожской староверческой общине он был кем-то вроде исполнительного директора, а Арсений Иванович Морозов — председатель совета директоров.

(Полицейские дружно хмыкнули от такого образного сравнения).

— До общины дошли сведения, что в Нижнем Новгороде появилась и готовится для продажи на ярмарке неизвестная рукопись протопопа Аввакума Петрова...

— Что значит «для продажи на ярмарке»? — перебил Гаммеля полицмейстер. — Ее выложат на прилавок?

— Конечно, нет. Нижегородская ярмарка — не только самый большой в мире торг, но и ежегодная подпольная сходка староверов всех основных толков и сект: поповцев, беспоповцев, духоворов, скопцов, молокан и даже бегунов. Здесь они собираются в тайных моленных домах, обсуждают накопившиеся за год важнейшие вопросы и принимают по ним решения, обязательные к исполнению всеми членами секты. Как я понял, хозяин рукописи — кто он, мне не известно — предложил ее на своего рода закрытый аукцион основным толкам: кто больше даст. Рогожская община, узнав об этом, выделила пятьсот тысяч рублей для приобретения рукописи...

— Пятьсот тысяч! — ахнули Каргер и Лыков, а Благово стукнул молча себя кулаком по колену.

— Пятьсот, — подтвердил ювелир, — и эти деньги лежат у меня сейчас в сейфе, в моем магазине. Точнее, там не хватает пятидесяти тысяч, их забрал Елатьменский вечером того дня, когда его убили. Он пошел знакомиться с рукописью и взял с собой задаток. Бандиты заявили ко мне именно за этими деньгами.

— У кого рукопись? Ах да, вы же уже сказали...

— Ей-богу, ваше превосходительство, не знаю. Митрофан Осипович ничего об этом не говорил, а я и не спрашивал. Мое дело — хранить его кассу, и не более.

— Почему именно вам рогожцы доверили хранить деньги? У них же здесь полно своих лавок, с сейфами, с охраной.

— Серьезные рогожцы, кроме Арсения Морозова, еще не приехали; ярмарка по-настоящему развернется лишь к двадцать пятому числу. Местным поповцам они не доверяют: у рогожцев, как в любой

организации, свои интриги. А я — семейный ювелир Богородско-Глуховской и «викуловской» ветвей фамилии фабрикантов Морозовых, которые последние двадцать лет руководят Рогожской общиной.

— Скажите, господин Гаммель, — вмешался Благово, — почему рукопись, пусть даже и самого Аввакума, стоит таких огромных денег? Полмиллиона рублей не может стоить ни одна рукопись.

— Эта может. Речь идет об уникальном документе. Было обнаружено, уж не знаю как и у кого, идеологическое завещание Аввакума, написанное его собственной рукой, в яме, за две недели до его страшной казни на костре «за великие на царский дом хулы». Завещание было вынесено из Пустозерского острога в полых посохах группой единомышленников протопопа. В нем около двадцати листов, наполненных последними откровениями и наказами Аввакума. Для любой из ветвей старообрядчества это бесценный документ, потому что его можно не показывать другим толкам, а цитировать выборочно наиболее устраивающие данный толк строки. И тем самым доказать, что именно их течение единственное истинное, ибо следует последним заветам учителя. Сейчас между крупнейшими толками идет борьба за главенство в старообрядческой среде, а следовательно, в среде промышленно-торгового капитала России, который в недалеком будущем возьмет власть в этой стране. Сегодня уже расколы контролируют более восьмидесяти процентов оборотов в торговле, основных видах промышленности, банковском деле и подбираются к железным дорогам. В завещании же Аввакума, как в каждом подобном документе, можно найти цитату на любой вкус, на любую ветвь раскола; важно иметь монопольное право трактовать его, выбирая наиболее выгодный для себя контекст. Вот за это право и идет тайная борьба.

Война между течениями вспыхнула два года назад. Вы ее не замечаете, но крупнейшие толки сцепились не на жизнь, а на смерть. Понятно — на карту поставлена власть! Нынешний государь своими великими реформами изменил все в империи, теперь эти процессы уже не остановить. Капиталисты становятся влиятельнейшими членами некогда исключительно дворянского высшего общества, они покупают министров и даже великих князей, проводя их на богатые синекуры в советы директоров своих предприятий. Деньги разъедают власть снизу и тащат своих владельцев на самый верх. А все богатейшие купеческие фамилии — староверы того или иного толка. И тот, кто в ближайшие два-три года станет главным в староверческой среде — а это одиннадцать миллионов человек наиболее активного населения — тот через тридцать лет станет главным и в России.

Гаммель перевел дух; полицейские, слегка ошарашенные услышанным, молча переглядывались.

— Абрам Моисеевич, а кто такой Буффало? — спросил Лыков.

— Вы и это знаете? Но откуда? Впрочем, это неважно. Буффало — начальник секретной службы Рогожской общины, очень, кстати сказать, серьезный человек. Дело в том, что Елатьменский заметил за собой слежку в первый же день по приезде в Нижний. А ведь он привез пятьсот тысяч в своем саквояже! Почувствовав, что дело может принять опасный для него оборот, Митрофан Осипович поместил основную сумму у меня в сейфе и вызвал телеграммой Буффало из Москвы сюда для своей охраны. Я должен отдать деньги только этому человеку.

— Не хватало нам тут еще секретных служб староверов, — сердито сказал Каргер. — Все это, Гаммель, звучит как-то фантастично. А вашего буффалу я вышлю из города в двадцать четыре часа, как только он тут появится.

— Как же Сашка Регент, а значит, и Осип Лякин узнали о миссии Елатьменского? — не обращая внимания на слова полицмейстера, спросил как бы сам у себя, Благово.

— Этого я не знаю, но могу высказать предположение, — ответил Гаммель. — Думаю, что другие влиятельные толки староверов, недовольные приткостью Рогожи, могли «сдать» конкурентов бандитам, чтобы не допустить ухода завещания Аввакума. Ведь рукопись была негласно предложена всем толкам. И кто-то из них, не имея финансовых возможностей рогожцев или не желая тратиться, нанял этих головорезов на условиях: деньги — вам, рукопись — нам.

— Так оно, конечно, и было, — убежденно сказал Благово. — Лякинцы выследили Елатьменского, убили его, нашли на теле только пятьдесят тысяч вместо пятисот и пришли к вам за остальной суммой, потому что видели вас вместе во время слежки. И если бы не Лыков...

— Все-таки изначально эти неизвестные нам конкуренты Рогожи уже имели секретные сведения, что именно Елатьменский послан сюда за рукописью, да еще с большими деньгами, — сказал Алексей. — Значит, среди рогожцев есть предатель, причем на самом верху, потому как рядовые члены такими сведениями не располагают. И я догадываюсь, кто этот шпион.

— Конечно, это тот третий купец, что был тогда в лавке Большакова вместе с Арсением Морозовым и юношей Прохоровым, — подтвердил, не называя фамилии (учитывая присутствие посторонних) Благово. — Он заметил странное поведение Прохорова, понял, что тот опознал убитого,

проследил его беседу с вами и сообщил об этом Лякину. И молодой, цветущий и богатый юноша погиб. А мы, как это часто бывает в сыском деле, все знаем, но ничего не можем доказать.

— Мы знаем многое, но не все, — возразил Каргер. — Продолжим следствие. Вы, господин Гаммель, немедленно задепонируйте оставшиеся у вас «рогожские» деньги в ярмарочную контору государственного банка. У вас их оставлять опасно. При появлении Буффало немедленно сообщите мне — я сам с ним разберусь. Пусть забирает деньги — и вон из города! А за вашей лавкой мы установим негласное наблюдение, хотя и вряд ли бандиты появятся у вас вторично. Идите!

Гаммель с Марком ушли, и Каргер велел доставить на допрос «пленных». Их быстро привели; у одного правая рука была в лубке, у второго обвязана голова и забинтована кисть правой же руки. Выглядели грозные лякинские ребята довольно жалко. С ними к полицмейстеру пришел и перевязывавший их Милотворжский.

— Как их состояние, Иван Александрович?

— Ну, Николай Густавович, сегодня ваши заплечных дел мастера превзошли сами себя. Полное изуверство. У этого (кивнул на Ноздрю) начисто сломан локтевой сустав, он останется калекой на всю жизнь. Кроме того, обширная гематома в области левой почки, сломаны два нижних ребра, мочится кровью. Похоже, сильно ударили палкой. У второго ушиб и отек теменной части головы, множество ссадин, перелом трех ребер и двух пальцев на руке. Видимо, долго били, а чем стукнули по темени, я так и не понял, но похоже, мешком с дробью, потому как череп цел, но функции мозга нарушены. Я вынужден подать рапорт на имя...

— Какой на хрен рапорт! — грохнул кулаком по столу Каргер, как только уловил смысл сказанного. — Какие заплечных дел мастера! Доктор, вы в своем уме? Да это убийцы из самой страшной в России банды Оси Душегуба, которые час назад чуть было не прикончили ювелира Гаммеля и его охранника, если бы не подоспел вовремя помощник надзирателя Лыков. Он схватился голыми руками с тремя громилами, вооруженными ножами, кастетами и этим жутким стилетом, раны от которого вы уже дважды наблюдали. Лыков не погиб только чудом. А все их ушибы и переломы не от мешков с дробью и не от палок, а от его кулаков. Просто господин Лыков очень силен и очень хотел жить и, кроме того, спасал еще две жизни. Поэтому и не мог себе позволить церемониться с этим отребьем. Вы бы, доктор, лучше осмотрели его рану, чем рапорты писать...

Милотворжский недоверчиво велел Лыкову раздеться и ахнул, увидев шары бицепсов, после чего тотчас же извинился. Рана на боку оказалась

царапиной; стилет скользнул вдоль спины (Регент целил Алексею в печень) и лишь немного надрезал мышцу. Перевязав Лыкова, доктор удалился, и полицмейстер начал допрос. Однако добиться от бандитов ничего не удалось: они прикидывались чуть ли не пострадавшими, вели себя нагло и Оси Душегуба боялись больше, чем всей полиции вместе взятой. Чуйка высказал это прямо:

— Ну, приговорите вы каторгу, я с нее и сбегу, чать, не впервой. А Осип доносчикам такое приговорит, что у вас господского воображения не хватит... Я уж лучше помолчу.

Побившись с бандитами безрезультатно почти час, Каргер отослал их в острог и попросил отпустить его писать доклад генерал-губернатору: граф Игнатьев должен был прибыть через шесть часов. Остались Благово, Львов и Алексей; старый сыщик Здобнов еще утром, заgrimированный, ушел на Самокаты и с тех пор не появлялся.

— Итак, господа, Николай Густавович, как вы слышали, именно мне поручил расследование обоих убийств, — начал Благово. — Поэтому продолжим работу. Вы, Алексей Николаевич, проявили удивительную ловкость, и мышцы у вас как у Геркулеса, но уцелели вы исключительно по воле случая. Впредь выходить на расследование дел, связанных со смертоубийством, без револьвера и свистка категорически запрещаю. Ясно?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

— За спасение же двух жизней, поимку опасных бандитов и важные открытия по делу примите покамест мои личные восхищение и благодарность, а по команде это должным образом тоже проведем.

Теперь о дальнейшем. Что мы должны сделать на ваш взгляд, Владимир Иванович?

Пристав Львов приосанился, задумался и сказал неуверенно:

— Установить слежку за тем вторым купцом...э...

— Найденовым.

— Да, Найденовым. Он имеет связь с бандой Лякина, если смог так быстро предупредить их об том юноше, Прохорове. Ну, и дожидаться Здобнова, что он там наразведывал.

Благово нетерпеливо щелкнул пальцами:

— Это мелочи, важные, но мелочи. Вы, Алексей Николаевич?

— Надо найти продавцов рукописи.

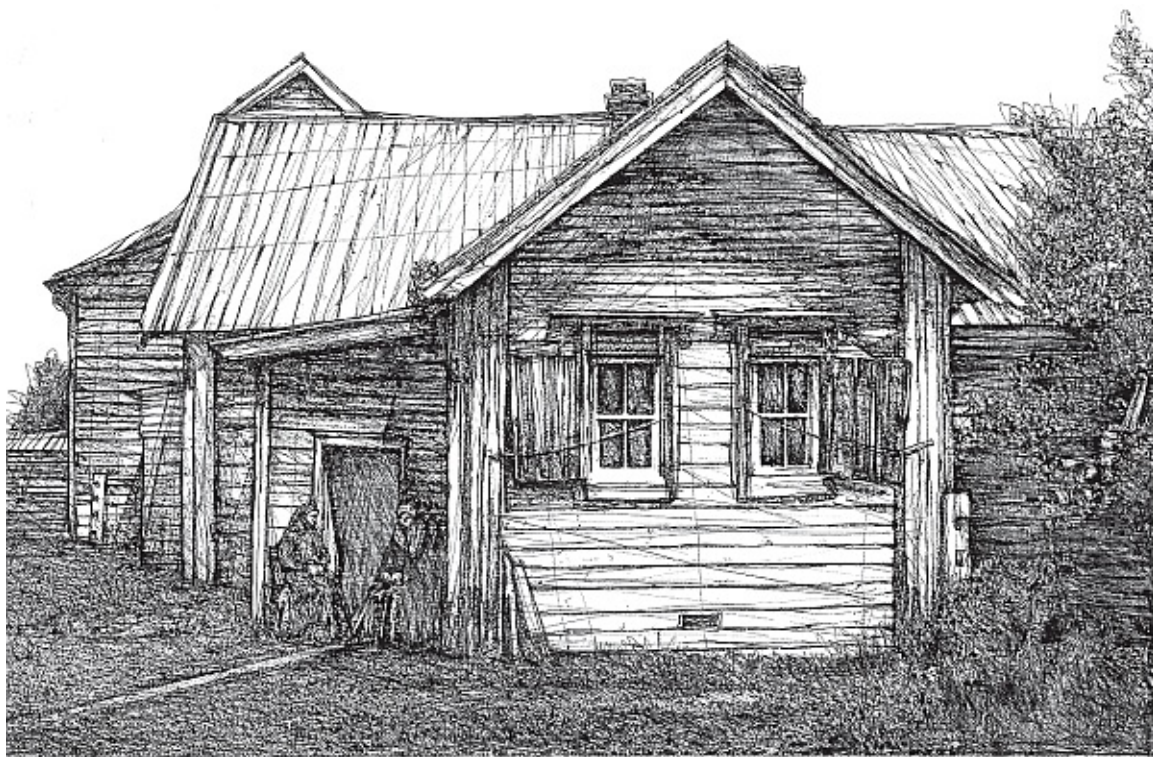
— Правильно! — стукнул себя по колену надворный советник. — Бандиты не сумели получить основную часть денег, теперь они им вообще недоступны, будучи помещены в контору банка. Не брать же им банк штурмом! Но если они следили за Елатьменским, значит, знают и

продавцов завещания Аввакума. Они постараются их убить, завладеть раритетом и продать его на аукционе за те же пятьсот тысяч. Опередить их — наша первая задача. Вторая задача — выяснить, кто понтирует против Рогожской общины, кто навел Осю Душегуба на Елатьменского. Монинцы? Хлысты? Молокане? А чтобы понять это, надобно знать особенности каждого толка и каждой крупной секты, ибо мелочь в такую заваруху не сунется. Поэтому для начала, господа — без обид — прослушайте лекцию человека, который десять лет занимается сыском.

И Львов, и тем более Лыков приняли позы самого напряженного внимания.

## Глава 6

### Расколы и раскольники



Старообрядческий скит в Нижегородской губернии.

*Эту главу нам тоже весьма настойчиво советовали убрать. Или хотя бы сильно сократить. Но нам ее жалко! Вопросы веры весьма занимали наших прадедов; потаенная раскольничья жизнь захватывала миллионы человек. И потом, изложенное здесь имеет самое непосредственное отношение к происходящим далеесобытиям. Так что, читатель, решать снова тебе: если интересно — мы рады; если скучно-можно пролистнуть сразу к заключительной фразе Благово.*

— Как известно, раскол произошел от неприятия большей части верующих церковной реформы патриарха Никона в пятидесятых годах XVII века. Сам Никон за конфликт с царем Алексеем Михайловичем был затем низложен и умер простым монахом в ссылке, но его реформа расколола церковь на официальную и оппозиционную. Опустим ненужные подробности, такие, как самосожжения раскольников (сожглось более девяти тысяч человек!), ссылку Аввакума с тремя сподвижниками в

Пустозерский острог, боярыню Морозову и прочие лишние детали. Для нас важно другое: раскол породил религиозную эмиграцию богатого купечества — сначала в Стародубье, затем на остров Ветка на реке Сож, в скиты к нам на Керженец и на реку Иргиз. Сильные общины старообрядцев сложились по всему Поволжью, в Сибири, на Кавказе, в Польше, Турции, на территории нынешней Румынии и повсеместно стали влиятельной экономической силой.

Два самых главных раскольничьих толка — поповцы и беспоповцы. В их названиях отражены различия в отправлении культа. Поповцев еще иначе называют австрийской, или белокриницкой иерархией; ниже я объясню, почему. Поповцы используют своих священников, и у них есть даже архиепископы. Этот толк наиболее успешно сотрудничал с правительством, и на сегодня он самый многочисленный. Их идейным центром стало кладбище за Рогожской заставой в Москве, где они в 1771 году с согласия властей создали сначала чумной карантин, а затем и официально зарегистрированную общину с часовней. Екатерина II много сделала для примирения с раскольниками, разрешив им указами 1762, 1769 и 1785 годов вернуться из эмиграции, не брить бороду, носить свое платье; они были допущены к свидетельствованию в суде и к занятию выборных должностей.

Очень скоро Рогожская община стала мощнейшим общероссийским торгово-промышленным объединением в форме своеобразной закрытой касты. Имея одноверческие общины практически во всех губерниях, она использовала их в качестве сети своих торговых представительств, почти полностью взяв под контроль торговлю хлебом, скотом и рыбой по всей европейской части России и на Урале. Рогожцы путем торговых сговоров на ярмарках диктовали цены на важнейшие товары. Кроме того, от них финансово зависели и, следовательно, им подчинялись колонии поповцев на Керженце, в Семеновском уезде нашей губернии, и на реке Иргиз в Саратовской губернии. А там, в скитах и монастырях, готовили, точнее, перемазывали беглых священников для всех поповских общин.

Споры о правильности ритуалов перемазывания, кстати, и отделили от поповцев часть староверов во главе с неким Никодимом Колмыком, который сумел договориться с правительством и создал в 1800 году известную единоверческую церковь. Она признала иерархию и догматы синодальной церкви, а взамен получила от нее клир, обязавшийся служить по старым обрядам.

Репрессии императора Николая Павловича разорили Иргиз и загнали большинство общин в подполье. В 1838 году был даже издан указ об

отбирании у раскольников их детей и крещении последних по официальному обряду... Рогожцы в этих условиях бросили все силы и огромные средства на решение самой болезненной своей проблемы — у них не было архиерея. В 1844 году они купили — именно купили! — указ австро-венгерского императора Фердинанда о разрешении старообрядцам местечка Белая Криница иметь своего епископа. Затем поповцы быстренько перемазали бывшего босно-сараевского епископа Амвросия, отрешенного от епархии турками, в своего архиепископа, а тот немедленно посвятил себе преемника, монаха Кирилла. Получился дипломатический скандал, Николай Павлович потребовал от Фердинанда объяснений. Амвросий был посажен в замок Цилль в Штирии, где затем и умер, но Кирилл остался и в качестве законного архиерея посвятил еще десять епископов: московского, симбирского, казанского, пермского, балтского, новозыбковского и прочих... Синод обиделся, и на новых архиереев устроили настоящую охоту, правда, поймали только трех и посадили в Суздальскую монастырскую тюрьму, где они сидят и по сию пору.

Со сменой монарха гонения не ослабли. Митрополит Филарет убедил нынешнего государя запечатать в 1855 году алтари Рогожского кладбища. Однако Крымская война ослабила финансы империи до крайности, а рогожцы дали правительству тайно огромную ссуду на исправление бюджета. Поэтому алтари запечатаны до сих пор, но разрешено отправлять культ в домовых церквях, только без публичности, и был издан секретный циркуляр о прекращении розысков и арестов поповских священников. Указами 1864 и 1874 годов браки рогожцев и вообще поповцев были признаны законными. Так-то, господа... Сейчас Рогожская община — это закрытый клуб миллионеров, который тайно субсидирует правительство, ведет огромные обороты, контролирует всю текстильную и металлическую промышленность и почти все банки, влияет на государственную политику, устанавливает цены на важнейшие товары. Это наиболее сильный на сегодня толк. Финансовые возможности общины почти сопоставимы с государственными, рогожцы заседают во всех комиссиях, биржевых комитетах, городских думах. Гаммель прав — через 20 лет они пойдут в министры. Вера стала для рогожцев способом объединить узкий круг и, поддерживая друг друга, сказочно обогатиться.

Недавно, впрочем, у них появились проблемы. Семнадцать лет назад они издали «Окружное послание единыя, святыя, соборныя, древлеправославно-кафолическия церкви» — своего рода новый манифест, предающий анафеме знаменитые «десять тетрадей» со староверческой идеологией прошлых столетий. Это раскололо поповцев на окружников и

раздорников, причем раздорники в шестидесятых годах захватили даже Рогожскую общину и назначили в некоторые епархии своих «параллельных» архиереев. Конфликт этот все еще продолжается, но силы неравны, и в конце концов раздорников задавят капиталами. Митрополита Кирилла уже купили — десять лет назад он переметнулся к окружникам и издал «мирную грамоту» об отлучении раздорников; купят и других... Но я допускаю, что раздорники могли снюхаться с Осипом Лякиным, чтобы навредить оппонентам.

— Павел Афанасьевич, а наши знаменитые Бугровы какого толка? — почтительно поинтересовался Лыков.

— Они беглопоповцы. Это своего рода подвид, разновидность поповцев. Когда в конце сороковых Николай Павлович запретил «перебегать» попам из канонической церкви, это течение едва не прекратилось; часть верующих даже перешла в беспоповцы. Но оставшиеся приспособились и очень даже неплохо существуют в рамках австрийской иерархии. Бугровы очень влиятельные люди не только в Нижнем Новгороде и, кстати, хорошо известны государю.

Теперь беспоповцы. Здесь тоже есть свои разновидности: имеются монинцы и федосеевцы, но последние уже исчезают. Федосеевское согласие, по имени дьяка Федосия Васильева, умершего в тюрьме в 1711 году, развилось сначала в Польше; при Екатерине была создана в Москве за Преображенской заставой богатая Преображенская община, с кладбищем, богадельней и часовней. Однако она не выдержала репрессий императора Николая Павловича и в 1840 году закрылась, а самые богатые прихожане перешли к монинцам, или беспоповцам поморского согласия. Преображенской общиной много лет управлял род знаменитых капиталистов Гучковых: сначала Федор Алексеевич, затем его сын Ефим Федорович. Когда репрессии усилились, старый Гучков взял себе «на хранение» сундук, в котором было общинных денег и ценностей на 12 миллионов рублей. С этого сундука и пошло настоящее богатство фамилии Гучковых, которые вскоре благополучно перешли в единоверие.

Монинцы в отличие от федосеевцев уцелели. Их Покровская община была создана почти одновременно с Рогожской, при Екатерине, и благополучно здравствует по сию пору. Капиталы и у них не маленькие, но до рогожцев им — как до Луны. Кроме того, там сейчас тоже раскол — есть новое и старое согласия, отличающиеся обрядами. Я думаю, что к делу с завещанием Аввакума они не причастны.

Это были основные согласия. Староверы очень многочисленны, а после отмены крепостного права их ряды весьма умножились, в старую

веру переходили целыми селами. У нас в Нижегородской губернии, например, к ним принадлежит почти половина населения. А в классе капиталистов во всей стране у них подавляющее превосходство: восемь из десяти самых богатых купцов и промышленников — староверы.

Теперь секты. Самые распространенные, если отбросить не интересных нам бегунов — это хлысты, скопцы, духоборы и молокане.

— Хлыстов у нас изрядно, — глубокомысленно вставил Львов.

— Это действительно так, — улыбнулся Благово. — Хлысты в нашей губернии исторически влиятельны: первый их «христос» — Иван Суслов — держал свой «корабль», то есть хлыстовскую общину, в Павлове-на-Оке. Второй «христос» — Прокопий Лупкин — отбывал у нас в Нижнем Новгороде ссылку за участие в 1689 году в стрелецком бунте. Сильный «корабль» уже более ста лет находится в Ворсме. Один из самых выдающихся хлыстовских «христов», знаменитый Радаев, философ и религиозный мистик, почти двадцать лет держал арзамасский «корабль». Когда в 1856 году он был посажен в тюрьму, а затем выслан, выяснилось, что он жил одновременно с тринадцатью женщинами!

Хлысты — одна из наиболее законспирированных сект. Их «корабли» не очень многочисленны, но имеются почти повсеместно; у них свои условные сигналы и шифры, пароли, явочные квартиры, их связные легко пересекают всю Россию втайне от властей. Правда, как и везде, тут тоже начались раздоры, выделились прыгуны, купидоны и прочие течения, но, честно говоря, о хлыстах доподлинно почти ничего не известно. На мой взгляд, они заинтересованы в росте своего влияния и вполне способны нанять Осипа Лякина, чтобы ослабить Рогожу.

Далее по влиятельности идут печально знаменитые скопцы. Они выделились из хлыстов, но начало их темно. Первым проповедником этого изуверства стал некий Андрей Блохин, крестьянин села Брасова Севского уезда. Он лично разработал теорию секты, и он же перешел от нее к практике, оскотив сам себя. Блохин оскотил (или, как они говорят, убелил) и своего товарища, знаменитого впоследствии Кондратия Селиванова. Затем уже вдвоем они приобщили в Орловской губернии более 60 человек, и власти ничего об этом не знали, пока одна крестьянка не рассказала священнику на исповеди, что ее муж во время купания с соседом узнал о его оскотлении. Батюшка немедленно донес об этом по команде, и в 1772 году был проведен первый процесс по скопцам. Блохина били батогами и сослали на вечную каторгу в Нерчинск, Селиванов два года скрывался, но тоже был схвачен и сослан в Сибирь. Однако звезда его не закатилась. Сибирские купцы устроили ему побег из ссылки и объявили его чудесно

спасшимся от смерти императором Петром III. Для этой цели был даже подкуплен бывший лакей Петра III Кобелев, который всюду подтверждал царственное происхождение Селиванова...

Скопцы действовали сплоченнее других раскольников и быстро составили огромные частные и значительный общинный капитал. В отличие от прочих, их вожди — Ненастьева, Солодовниковы, Костровы — жили в Петербурге; может быть, поэтому хлыстов всегда тянуло к власти политической, а не «рублевой». Селиванов был случайно арестован в 1797 году и имел личную встречу с Павлом, по итогам которой был помещен в Обуховский дом для умалишенных. После восхождения на престол Александра последний дважды лично встречался с Селивановым — в 1802 и 1809 годах. Скопческий патриарх открыто жил в столице, в специально для него построенном роскошно отделанном здании, где принимал многочисленных паломников в роли живого бога.

В 1804 году великосветский скопец камергер Елянский обратился к императору с запиской о переустройстве России. В ней скопцы предлагали себя на службу государству, при условии что вся империя должна перестроиться согласно их указаниям. На каждый корабль, в каждый полк и каждый город назначаются по два монаха-скопца в качестве советников и по одному предсказателю, а военная и гражданская администрации должны следовать их указаниям. Сам Селиванов должен состоять при особе государя...

Прочтя этот бред, Елянского наверху сочли сумасшедшим и посадили в суздальскую монастырскую тюрьму; в 1820 году туда же заключили и престарелого Селиванова. После этого скопцы сильно законспирировались и сейчас о них почти ничего не известно. В 1871 году в Москве осудили 37 скопцов, а 1872 — еще 136 человек в Мелитополе. По законам Российской империи за оскотление полагается каторга; секта скопцов объявлена особо вредной. Если наши искомые противники — скопцы, то выявить их будет особенно трудно...

— Извините, Павел Афанасьевич, но я не могу понять, почему скопцы не вымерли как секта? — не удержался Лыков. — Ну, оскотили они себя единожды, детей у них уже больше никогда не будет. А новые волонтеры откуда возьмутся, при отсутствии потомства и, следовательно, наследников? И потом — лишать себя эдакой важной части жизни... Уродство какое-то.

— Это для нас с вами уродство, — терпеливо пояснил надворный советник. — А для некоторой, конечно, не многочисленной, части людей это единственный способ радикально избавиться от похоти и соблазнов.

Кого-то он привлекает. А наследницей оскопившихся купцов становится сама секта, отсюда, собственно, и ее значительные богатства. Скопчество — удел узкой группы, но спайка внутри нее огромная, тем эти фанатики и опасны.

Ну-с, остаются еще духоборы и молокане. Если коротко, то духоборы тоже вышли из хлыстов: создателем секты стал скупщик шерсти из Тамбовской губернии Илларион Побирохин, который вербовал адептов, разъезжая по своим торговым делам. Кончил он Сибирью, после того как торжественно вступил в Тамбов с двенадцатью «апостолами», чтобы «судить вселенную».

Зять Побирохина Семен Уклеин разошелся с тестем в вопросе о последнем суде и создал секту молокан.

При Александре обе секты процветали и накопили капиталы, при Николае были разгромлены. Сейчас они имеют сильные колонии на Кавказе и несколько — в Поволжье. Во время последней войны духоборы получили очень выгодные контракты и заработали на этом миллионы. Но, учитывая, что все их интересы на Кавказе и общероссийское мессианство их не очень интересует, я думаю, с Лякиным якшаются не они.

Итак, резюме, господа, — перевел дух Благово. — Искомые нами конкуренты Рогожской общины, желающие перехватить рукопись Аввакума и нанявшие с этой целью Осю Душегуба, это: или поповцы-«раздорники», или хлысты, или скопцы.

— Как же выяснить, кто именно из них? — в сердцах сказал Львов. — Все они наполовину подпольщики, слова правды никто не скажет.

— Найдем продавцов рукописи — найдем и заказчиков убийств, — убежденно ответил Благово. — Продавцы вели же переговоры с ними. Поэтому, Алексей Николаевич — сегодня отдохните, а завтра с самого утра езжайте на Скобу, в Гостиный двор. Там есть на втором этаже две лавки, торгующие иконами...

— Но ведь на время ярмарки Гостиный двор закрывается, все купцы переезжают сюда.

— Двор закроется через неделю, к Макарию Желтоводскому; пока он еще работает. Так вот, в одной из лавок, в той, где хозяйкой вдова, найдете адрес начетчика Петра Васильевича. Это забавный тип и лучший в городе полемист и трактователь священных книг. Притом прожженная шельма: скупает у своих братьев-староверов из Заволжья иконы дониконианского письма за рубли, а продает рогожцам да монинцам за сотни и тысячи. Как найдете его — скажете, что от меня. Он мне обязан тем, что до сих пор не в Сибири... Уж Петр-то Васильевич точно знает, у кого рукопись Аввакума и

кто ею интересуется. Если он назовет вам продавцов, немедленно заберите их и доставьте к полицмейстеру. Если же он побоится, а такое более вероятно, то ведите старика ко мне; я буду здесь завтра с девяти и сам с ним поговорю. Все, Алексей Николаевич, идите домой, вам сегодня и так досталось. Уже вечер, начетчика все равно не найти, он сейчас наверняка в каком-нибудь тайном моленном доме заседает. До завтра!

И Благово буквально вытолкал Алексея из кабинета. Но идти домой Лыков не мог, пока не вернется из своей опасной вылазки Здобнов, поэтому он спустился вниз, в съезжую, сел там в уголке и принялся ждать. Так он просидел три часа, беспокойство его все нарастало. Чтобы чем-то занять себя, Алексей помог надзирателю третьего квартала составить протокол о срезании кошелька у купца из Моршанска, вместе с городовым Васильевым оттащил в холодную буйного пьяного ростом чуть не с Каланчу. К полуночи он окончательно оцепенел от дурных ожиданий, сел напротив входной двери и смотрел на нее, не откликаясь на разговор.

Пришел сдавать смену Ничепоруков и тоже молча сел рядом, глядя на дверь.

## Глава 7

### Вместо Здобнова



Вид на Нижнепосадский гостиный двор, Рождественскую улицу и Стрелку от Ивановской башни кремля.

В час ночи снаружи раздался грохот коляски, громкие голоса и в съезжую как-то боком, семеня ногами, вбежал Здобнов в мастерски наклеенной бороде и упал на стул. Все кинулись к нему. Алексей увидел, как по рукам сыщика стекает кровь; Иван Иванович зажимал рану в левом боку и хрипло дышал.

— Доктора, живо! — загремел на всю часть Ничепоруков, а Лыков молча, быстро и ловко начал снимать со Здобнова напитанные кровью кафтан и поддевку.

На войне Алексей видел много ранений и хорошо научился оказывать первую помощь. Первое, что он сказал, увидев рану, было облегченное:

— Слава Богу!

— Что там, Лешка? — морщась от боли, спросил Здобнов.

— Все обойдется, Иван Иванович, рана очень удачная — ниже легкого и выше почки, в неопасное место, через месяц будете плясать. Правда, большая кровопотеря. Сейчас я вас перевяжу.

Дежурный доктор из высланных под надзор студентов-медиков прибежал быстро, похвалил наложенную Алексеем повязку и велел срочно везти раненого в ярмарочную больницу. Больница находилась в Кунавино, у Московской заставы, в собственном добротно оборудованном здании. Помчались туда на двух полицейских пролетках с зажженными фонарями: в первой — раненый с медиком, во второй — Лыков с Благово, который, оказывается, не ушел домой, а тоже у себя наверху сидел и ждал Здобнова.

Через полчаса перевязанный, пахнувший коллодиумом — у него, кроме ножевого ранения в бок, оказались сильно порезаны обе ладони — Здобнов благостно лежал на койке. Курить ему доктор не разрешил, но стакан водки «от нервов» выпить дозволил. Сыщик был очень слаб, но понимал, что все страшное уже позади, его бледное лицо начало розоветь; он торопился доложить начальству свое происшествие, пока еще не впал в забытие.

Рассказал Здобнов следующее.

Он загримировался под «пьяненького мещанина при деньгах», сунул в один карман казенных два червонца, а в другой — кастет, и отправился в Гордеевку, большое пригородное село на окраине Кунавина, примыкающее к ярмарке с северо-запада. У Гордеевки очень плохая репутация — это своего рода отстойник для всякого сброда, делавшего отсюда вечерние вылазки на ярмарку, а утром сидящего в четырнадцать знаменитых своей опасностью зловещих гордеевских трактирах.

Идея Здобнова была прийти вечером на Самокаты, а конкретно в заведение Сушкина, а потом и Кузнецова, не в одиночку. Он решил найти в Гордеевке себе собутыльника из известных мелких жуликов, которые всюду на Самокатах свои, и у Сушкина появиться уже вдвоем и навеселе, чтобы отвести подозрения. Грим у Ивана Ивановича был хороший, он даже пальцы себе изъел заранее краской («мы по красильной части работаем»). Собутыльника, которого все звали Ваня Маненький, он нашел быстро, помахал у него перед носом двумя «красненькими», сказав загадочно — «у мазуриков заработал!», и тот на весь день прилип к нему как банный лист. Обойдя три трактира в Гордеевке, в обед они, уже хорошо веселые, пришли на Самокаты и до вечера торчали у Сушкина, медленно, но верно спуская казенные деньги. Ваня Маненький быстро подсел к каким-то трем «кавказским ребятам» с острова Кавказ, прихватив с собой и Здобнова. Ребята, видно, приглядывались, кого бы им попотрошить. Сушкин позволял высматривать в своем заведении за известную комиссию, потому что с Кавказом шутки плохи — на острове собиралось к ярмарке до ста человек решительных людей, среди которых было много беглых из ссылки и даже с каторги; с буйным островом лучше было дружить.

Пьяненький мещанин по красильной части со своими жалкими рублями «кавказцев» не заинтересовал; они милостиво разрешили ему поставить честной компании полуштоф очищенной и стали вполголоса расспрашивать Ваню о том, «кто из набольших приехал».

Ване, видимо, хотелось блеснуть перед серьезными людьми своей осведомленностью, и он назвал несколько имен. Первыми же он назвал Осю и Сашку Регента! Сказал, что они бывают на обеих «мельницах» по ночам, а днем у них дела.

Пьяненький мещанин по красильной части несколько раз некстати вставал в разговор, сказал даже, что у него свояк регент в Трехсвятской, и что у отца тоже была мельница, да пропил; от него лениво отмахивались.

Здесь, Здобнов уверен, его не раскусили; он затерялся в компании. Хотя Сушкин известен своей подозрительностью, и охранники его, и он сам смотрят очень внимательно, сыщик ушел от него с Ваней Маненьким благополучно. Прокололся он в трактире Кузнецова, и выдал себя именно Ване, которого счел человеком пустым и не опасным. Когда около полуночи по шумному, пьяно орущему и накуренному общему залу трактира прошел быстрым шагом какой-то человек, Ваня Маненький ткнул Здобнова локтем в бок и сказал:

— Вот и Регент появился.

И Здобнов на секунду раскрылся, когда посмотрел Сашке Регенту в спину. Ваня оказался совсем не прост, взгляд этот, отнюдь не мещанский, перехватил и все понял, но виду не подал. Они просидели еще с полчаса с какими-то арфистками, дали им двугривенный «на ноты», а потом вдруг Иван Иванович увидел, что Вани Маненького около него нет. Почувствовав неладное, он пьяно дыхнул в ухо половому: «Где у вас тут нужник?» — и, пошатываясь, направился к сеням. Вышел на темную лестницу и тут же получил удар ножом в бок. Второй удар он поймал руками, изрезав сильно пальцы, пнул нападавшего ногой в пах, выскочил на улицу, впрыгнул в ближайшую пролетку и крикнул как можно повелительней:

— К полицмейстеру! Живо, малой!

Так и домчался, зажимая пробитый бок изрезанными пальцами.

Уже в третьем часу утра Благово с Алексеем на той же полицейской пролетке возвращались в Главный дом. Ехать домой было уже поздно — через пять часов начиналось их дежурство. Лыков хотел сбегать за реку успокоить мать с сестрой, но оказалось, что Благово еще перед их отъездом в больницу велел Ничепорукову зайти к Лыковым сказать, что Алексей ночует в части. Как всегда, его старший начальник все замечал и все успевал...

Благово смотрел на огни Благовещенской стороны, на другом берегу Оки, и говорил устало, но эмоционально:

— Мы недооцениваем противника. Сам Иван Дмитриевич Путилин (кого я имею честь знать лично) второй год не может поймать Осипа Лякина. Сегодня, при менее благополучном стечении обстоятельств, у меня уже было бы два зарезанных сыщика — вы и Здобнов. Случилось два чуда в один день, но третьего не будет — не те люди. Поэтому удвойте, утройте осторожность!

Мы отстаем от них, потому что до сих пор не знаем продавцов рукописи Аввакума. Возможно, в этот самый момент Ося Душегуб их убивает, и мы завтра найдем их трупы. Поэтому в половине восьмого будьте в полицейском экипаже у Гостиного двора, я распоряжусь, чтобы его за вами закрепили. Найдите мне начетчика из-под земли! Я сам поехал бы с вами, но в девять мне вместе с полицмейстером надо быть на первом докладе у графа Игнатьева. Старика отведите в мой кабинет и ждите меня там, а если он назовет продавцов вам — их также ко мне.

Далее. Противник настолько силен, что нам одним с ним не справиться. У нас есть и полицейские чины, и жандармские, и казаки, имеется ярмарочная команда и силы гарнизонного батальона, но это не поможет в поимке Осипа Лякина. Ночные облавы в притонах возможны только в Кунавино, и то с минимальными шансами на успех. На Самокатах никакая облава невозможна ни днем, ни ночью — мы поймаем только воздух. А банда Лякина вообще ночует где-нибудь в Сормово или Подновье... Поэтому нам нужны союзники, которые не стеснены рамками закона. Я имею в виду этого Буффало. Он же тоже будет искать рукопись Аввакума!

(Они подъехали к Главному дому, отпустили экипаж и стояли теперь на крыльце своего флигеля под фонарем).

— Каргер не прав, желая выставить его из города, — продолжал Павел Афанасьевич. — Буффало может быть для нас очень полезен. Поэтому я поручаю вам наладить с ним негласное взаимодействие. Полицеймейстеру об этом пока говорить без нужды не будем, но если это вскроется — сошлитесь на мое указание. Сегодня же днем зайдите к Гаммелю и заставьте его познакомить вас с Буффалой. Он теперь ваш должник, да и вся Рогожа вместе с ним. Если Буффало покажется вам человеком, могущим быть нам полезным — сообщите ему то, что слышали от Ивана Ивановича. И помогите сориентироваться на ярмарке. Вообще обещайте любое содействие. Пусть, если он такой фартовый, идет сам на «мельницу» и ловит там Осю с Сашей, пусть даже убивает их — нам только лучше;

эдаких мерзавцев давно пора бы в землю, да наш закон такого не позволяет.

А теперь, Алексей Николаевич — спать!

Он крепко пожал Лыкову руку и ушел к себе наверх. Алексей же устроился в дежурной комнате на диване, наказал разбудить себя в половине седьмого и мгновенно уснул.

В половине восьмого утра в полицейском экипаже, замаскированном под извозчика, Лыков подъехал к Гостиному двору, что на Рождественской. Вбежал на безлюдный еще второй этаж, прошелся по галерее. Обе лавки с иконами были уже открыты, хотя покупателей в такую рань не предвиделось. Лавки соседствовали друг с другом; у дверей их стояли мальчики лет 10–11 и смотрели на него. «Которая из них?» — подумал Алексей, разглядывая, в свою очередь, мальчиков. Один был с крохотным стариковским личиком и какими-то бегаящими, как у мышонка, глазами; второй — крепенький, рыжеватый, со смышленным взглядом. Лыков поманил его, спросил начальственно:

— Как зовут?

— Алексей Пешков, — ответил тот.

Лыков показал ему свою бляху, но так, чтобы не увидел второй мальчик, и сказал негромко:

— Я из полиции. Ищу Петра Васильевича.

— Он у нас, пьет чай с приказчиком, — так же тихо ответил Пешков.

— Позови его.

Мальчик убежал в лавку, Алексей стал прохаживаться по галерее. Через минуту вышел, прихрамывая, высокий старик с седой бородой на благолепном лице, с умными глазами, с палкой и картузом в руках. Увидев молодость Лыкова, он не спеша, с достоинством надел картуз, подошел и ласково прогундосил:

— Пожалуйста документик.

— Я от Павла Афанасьевича, — ответил Алексей; начетчик сразу изменился в лице, глянул настороженно, увидел внизу пролетку и все понял.

— Здесь говорить не надобно. Отъедьте пока на квартал, я спущусь через минуту, догоню и поедем в часть; не нужно, чтобы нас вместе видали.

Алексей проехал вперед и стал в Троицком переулке, с утра уже набитом бугровскими подводами. Вскоре подковылял начетчик, сел, попросил поднять верх экипажа, и они поехали на ярмарку. По лицу старика Алексей понял, что говорить тот будет только с Благово, но его беспокоило, что они могут снова опоздать, и он не выдержал:

— Нам нужно знать продавцов известной вам рукописи.

Петр Васильевич молча пожал плечами.

— Грех на душу берете. Их за нее убить могут!

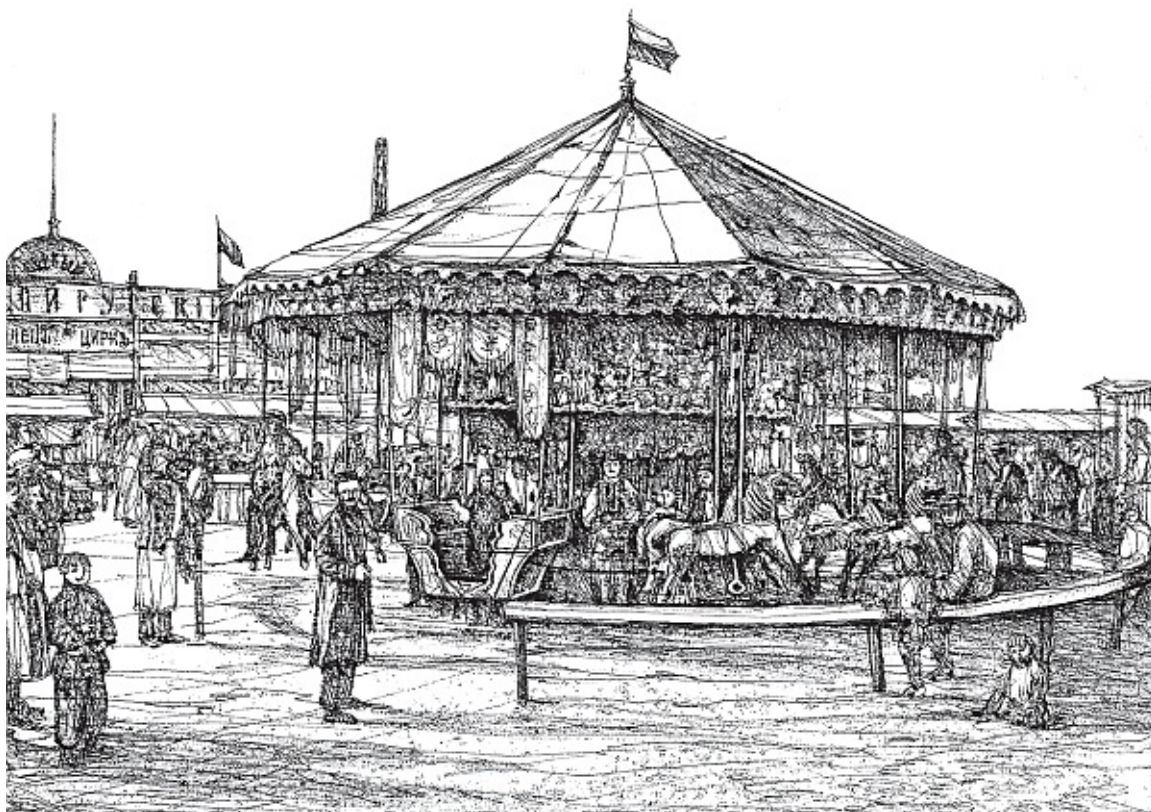
— Это уж как Бог решит, — сухо ответил старик, и на этом беседа прекратилась.

Когда они в восемь часов подходили к кабинету Благово на втором этаже, подле приемной полицмейстера, дежурный чиновник канцелярии остановил Лыкова.

— Павел Афанасьевич велел передать вам ключ от его кабинета и ждать его хоть до вечера. Он только что ушел на первый доклад к его сиятельству, генерал-губернатору графу Игнатьеву.

## Глава 8

### Игнатъев



Карусель на Самокатной площади.

Генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного совета граф Николай Павлович Игнатъев наконец-то снова дорвался до работы. Кавалер российских орденов Анны и Станислава 2 и 1 степеней, Владимира 4, 3 и 2 степеней, Белого Орла и Александра Невского (с алмазными знаками!), а также иностранных наград: французского Почетного Легиона 2 степени со звездой, турецких орденов Меджидье 1 степени и Османье 1 степени с алмазами; итальянских: Большого креста ордена Маврикия и Лазаря и того же креста 1 степени; греческих: Большого командорского креста ордена Спасителя и 1 степени того же ордена; черногорских: князя Даниила Первого 2 и 1 степеней; румынских: Звезды 1 степени и железного креста «За переход через Дунай»; командорского креста португальского ордена Башни и Меча, персидского — Льва и Солнца 1 степени, тунисского ордена Славы, нидерландского —

Льва 1 степени, вюртембергского ордена Короны 1 степени и сербского ордена Такова 1 степени. Да еще почетный знак с вензелем Его Императорского Величества для ношения в петлице и портрет персидского шаха с алмазами...

В 24 года — полковник, в 26 — генерал-майор, в 28 — самый молодой в России генерал-адъютант «за принятие решительных и благоразумных мер к прекращению войны между Китаем, Англией и Францией и к убеждению китайского правительства заключить с последними мир». Оставаясь генералом, возглавил Азиатский департамент Министерства иностранных дел, а в 1864 году стал чрезвычайным посланником и полномочным министром Российской империи в Турции. Вскоре турки уже называли Игнатьева вторым после султана лицом в Порте. Султан Абдул-Азис и его сын принц Иззетдин весьма уважали генерала-дипломата и даже согласовывали с ним назначение своих министров. Кроме этих успехов, Игнатьев народил в османской столице шестерых детей.

Константинопольская конференция послов европейских держав в 1877 году потребовала от Порты предоставления автономии своим провинциям с христианским населением. Задумал и вел конференцию Игнатьев. Отказ султана выполнить эти требования и заставил Россию объявить Турции войну...

Три первых месяца войны Игнатьев провел в императорской Главной квартире, а после падения Плевны вернулся, с разрешения государя, в Петербург и лично составил текст мирного договора, подписанного затем им же от имени России 19 февраля 1878 года в городке Сан-Стефано. Он стал генералом от инфантерии и чуть ли не национальным героем. Однако на Берлинский конгресс вместо него поехал его личный враг Петр Шувалов, и раздосадованный генерал уволился в длительный отпуск «вследствие расстроенного здоровья». В Берлине великие державы объединились против России и переменили условия игнатьевского договора, лишив русских многих плодов их кровью завоеванных побед... Игнатьев следил за этим уже в качестве наблюдателя из своего имения Круподерницы, с удивлением обнаруживая, что газеты выставляют козлом отпущения именно его: слишком, мол, необдуманно составил сан-стефанский договор, чем озлил и Англию, и Германию. Старый хрен Горчаков с Петей Шуваловым про..., а генерал Игнатьев виноват!

Отпуск длился целый год, и вот 1 мая сего, 1879 года Николай Павлович получил, наконец, назначение — нижегородским генерал-губернатором, пусть и временным, на период ярмарки, и 19 июля прибыл к месту службы. И хотя поезд пришел ночью, в восемь утра он уже принял

губернатора графа Кутайсова с комендантом ярмарки — жандармским полковником, а в половине девятого велел пригласить важнейших чинов полиции.

В кабинет, печатая шаг, зашли Каргер, макарьевский пристав Львов и бранд-майор Морошкин; последним скромно и без отбивания паркета сапогами предстал надворный советник Благово.

Игнатьев обошел застывшую шеренгу новых своих подчиненных, Кутайсов представил их, и каждому граф пожал руку. Отметил про себя, что губернатор перепутал отчество Морошкина, а Благово назвал коллежским асессором, и тому пришлось поправлять начальство.

После первого знакомства Игнатьев предложил всем сесть, заслушал общий доклад Каргера и очень быстро перевел разговор в деловое русло, интересуясь конкретным состоянием противопожарной службы ярмарки и ее полицейской безопасностью. Правнук знаменитого брадобрея и фаворита Павла Первого, Кутайсов седьмой год управлял губернией, но делать дело так и не научился. Получасового, как он надеялся, разговора не получилось; Игнатьев лез во все детали, быстро вникал, уточнял, переспрашивал, интересовался делами непритворно. В конце концов, пришлось сообщить ему, что уже имеются двое убитых приезжих купцов, а убийцы продолжают гулять по ярмарке. Каргер, недостаточно владея деталями, предоставил Благово сделать обстоятельный доклад, и тот последовательно, четко, не скрывая своих упущений, рассказал все дело о рукописи Аввакума. Закончил он доклад тем же резюме: или «раздорники», или хлысты, или скопцы.

С минуту Игнатьев молчал, обдумывая услышанное, а потом спросил, и вовсе не о том:

— Господин Благово, а почему мне докладываете вы, помощник начальника сыскной полиции? Где же сам начальник?

Благово с трудом удержался от желания покоситься на Кутайсова, пересилил себя и ответил спокойно:

— Начальник сыскной полиции статский советник Лукашевич находится в отпуске по болезни, и я исполняю временно его должность.

— И давно он в отпуске?

— Два года с месяцем.

— Федоров, — обратился Игнатьев к своему адъютанту. — Подготовь, голубчик, за моей подписью ходатайство Льву Саввичу<sup>[12]</sup>: статского советника Лукашевича по длительной болезни от службы уволить; начальником нижегородской сыскной полиции назначить надворного советника Благово с присвоением ему следующего классного чина

коллежского советника; выслугу лет в новом чине господину Благово засчитать задним числом с момента исполнения должности начальника, то есть два года с месяцем.

Присутствующие молча переглянулись, слегка ошарашенные манерой графа Игнатьева решать вопросы чинопроизводства, а Кутайсов покраснел. Лукашевич был его зятем и в настоящий момент понтировал в Ницце, отдыхая от перенесенных неведомо когда трудов. Благово тащил весь воз сыскной работы не два года с месяцем, а уже шестой год, потому как Лукашевич, и пребывая в Нижнем, службой себя отнюдь не утруждал.

— Павел Афанасьевич, — продолжал генерал-губернатор, — а почему мы не можем заарестовать Осипа Лякина и его банду в трактире Кузнецова, если мы точно знаем, что он бывает там по ночам?

— Невозможно, ваше сиятельство, — ответил Благово с явным сожалением. — Трактир Кузнецова находится в месте, называемом Самокаты. Это своего рода остров, образованный Мещерским озером и Бетанкуровским каналом, соединенным с этим озером двумя малыми каналами. Попасть на Самокатную площадь можно по четырем мостам. Преступное сообщество днюет и ночует на Самокатах, сбывает там краденое, играет в карты, покупает девок, имеет притоны — «малины» и игорные дома — «мельницы». Отдельные трактиры годами принадлежат крупным бандам, разумеется, не юридически, но фактически и дают им ежесезонно значительный доход. Всего же на Самокатах сосредоточено более 60 трактиров, кухмистерских, пивных, ренских погребов и закусовых, и каждое из этих заведений патронируется каким-либо значительным бандитом. Он может сидеть в каторге, а деньги ему идут... У них с этим строго. Самокаты — это огромное самоуправляемое преступное высокодоходное предприятие, а среди его «акционеров» есть и питерские бандиты, и московские, и варшавские, и даже персидские. Тон сегодня задают питерцы и Осип Лякин — один из самых, а может, сейчас и самый влиятельный из них.

Кроме этого крупняка, на Самокатах кормится много жулья помельче: шулера, игроки в стукалку и в «ремешок», продавцы медных часов за золотые, брачные и биржевые аферисты, сутенеры. Три шайки карманников срезают кошельки, причем территория между ними поделена и конфликтов почти не возникает. Еще шайка фабрикует паспорта, а может и завешание подделать. Имеется также два подпольных водочных завода. У преступников есть своя биржа труда, она обретается в пивной «Ниагара». Есть даже пенсионный фонд для престарелых жуликов, куда все, даже самые страшные бандиты и убийцы, делают отчисления с добытого.

Словом, ваше сиятельство, Самокаты — это золотой прииск для преступников, и потому они хорошо управляются и охраняются. На всех четырех мостах стоят, сменяясь день и ночь, караулы, на Мещерском озере дежурят специальные лодки для срочной эвакуации только тех, кто в розыске. В толпе зевак на площади есть особые соглядатаи, в каждой пивной — своя служба безопасности. Более того, каждый, даже незначительный жулик считает своим долгом сообщать вверх по иерархии обо всех подозрительных на Самокатах; на этом и погорел наш сыщик Здобнов. Охранительные заслоны выставлены из Самокатов во все важнейшие ярмарочные центры; непрерывно наблюдаются Макарьевская часть и казарма оренбургских казаков. При попытке, например, полицейского отряда выйти из Главного дома в притонах Самокатов немедленно начнется срочная эвакуация. Бандиты переплывут каналы или озеро и скроются в Гордеевке, в Азиатском квартале ярмарки, в бесчисленных пакгаузах Сибирской пристани или уплывут на остров Кавказ.

Имеются даже непроверенные сведения, что из трактира Кузнецова прорыт подземный ход под каналом в Азиатский квартал.

— Вы делали облавы хоть раз?

— Так точно, ваше сиятельство, — ответил за Благово полицмейстер. — В последний раз в прошлом году мы оцепили Самокаты и даже полностью берег Мещерского озера казаками, собранными со всего города полицейскими чинами и двумя ротами гарнизонного батальона. Были собраны все возможные наличные силы.

— И что?..

— Захватили десятков пять мелкой сволочи, беспаспортных, бродяг, «спиридонов-поворотов». Еще человек семьдесят, уже серьезных, ушли там, где мы не ждали — через болота прямо в Кунавино. Казачки их увидели, кинулись было вдогон, да топи не пустили, а пешая полиция не успела. Там тропы надо знать, иначе засосет. Но это еще полбеды; хуже то, что город остался на три часа без полиции — все были в облаве, и за эти три часа ограбили без помех бриллиантовый магазин Селезнева на Осыпной, серебряных изделий магазин Телогреева в Болотовом переулке и отобрали 40 тысяч рублей у старшего приказчика купца Блинова, а самого приказчика зарезали.

— Значит, бандиты знали об облаве заранее? И о том, что полиции в городе не будет, раз так быстро все организовали?

— К сожалению, именно так, ваше сиятельство, — вздохнул Каргер. — В таких облавах, когда привлекаются и извещаются заранее

сотни человек, этого избежать невозможно.

— Вы правы, — согласился Игнатьев. — Метод крупных облав не годится. Но что тогда делать? Оставить все как есть? Павел Афанасьевич, что посоветуете?

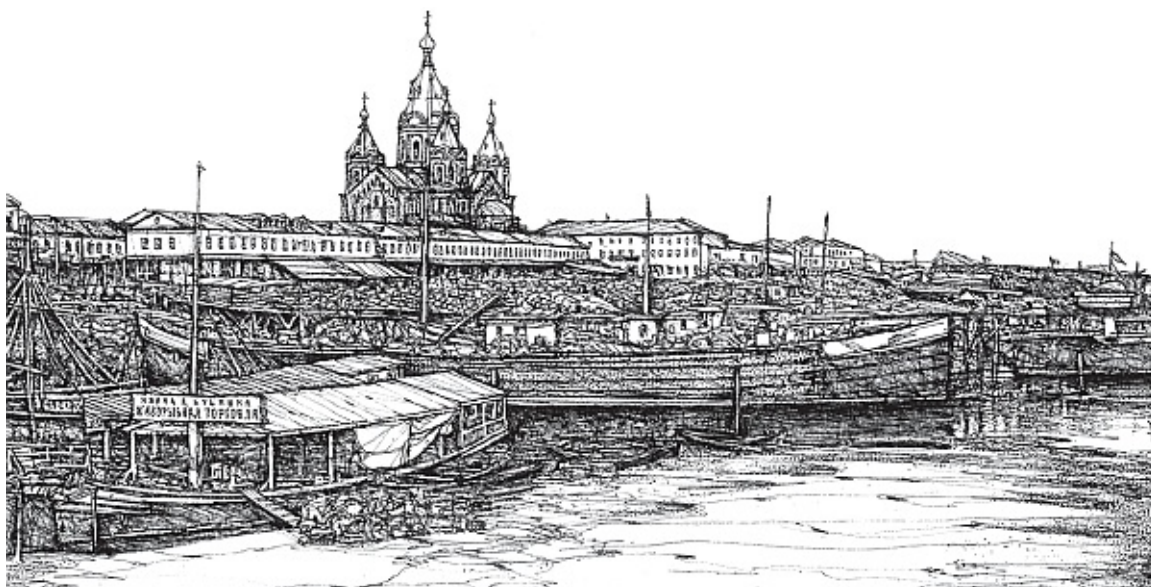
— Силы у нас на самом деле не такие уж и маленькие: 56 человек собственно ярмарочной команды, 240 полицейских (на весь город, считая с ними и речную полицию), 150 оренбургских казаков и 32 чина жандармской команды. Плюс 1200 человек гарнизонного батальона. Надобно грамотно ими распорядиться. За счет перераспределения сил временно, на летний период, увеличить штаты Макарьевской части. Из новых сил утроить списочный состав квартала Самокатной площади — пусть день и ночь по ней ходят усиленные наряды городских. Перевести на ярмарку всех сыскных агентов городского полицейского управления; заставить их круглые сутки сидеть у Сушкина, у Кузнецова, действовать им на нервы, мешать открыто торговать краденым и играть в карты на воровские деньги. Через день устраивать облавы в Кунавино, в Гордеевке, на Нижнем Торгу, на Миллионной. Обложить ранним утром лодками с воинской командой остров Кавказ, всех арестовать, на пустом острове оставить усиленный воинский караул. Вот, — он привстал и положил на стол Игнатьеву папку. — Мы с господином полицмейстером разработали план улучшения полицейского охранения ярмарки. Здесь все расчеты, включая денежные.

— Изучу, — кивнул головой Игнатьев и скосил глаза на часы. Все поняли и встали.

— Благодарю, господа. Будем работать, и все у нас получится. А сейчас извините — опаздываю к владыке...

## Глава 9

### «Все-таки хлысты!»



Вид на Петербургскую пристань и Александро-Невский собор.

Благово пришел к себе в хорошем расположении духа. Генерал-губернатор ему понравился, а главное — Павел Афанасьевич стал, наконец-то, законным начальником сыскной полиции! Полковничья должность, как говорят господа военные. И паразита Лукашевича выгнали, и Кутайсову дали понять. Каргер уже поздравил...

Благово прошел мимо поднявшихся при его появлении Лыкова и начетчика, сел в кресло и замурлыкал какую-то шансонную песенку. На Петра Васильевича он даже не смотрел. Лыкову кивнул — «садитесь», взглянул из-под бровей, сразу понял, что упрямый старик ничего молодому не сказал. Следовало ожидать...

Благово вынул из кармана жилета серебряные часы с надписью — подарок министра за уловление в прошлом году шайки гуслицких фальшивомонетчиков, положил их перед собой и поднял крышку.

— Слушай внимательно, Петр Васильев, (голос у него сразу же стал жесткий, угрожающий, даже Лыков поежился). — Тут у нас людей убивают. Мне это надоело. Ты говоришь мне, кто продавец известной рукописи, и кто возможные покупатели. И уходишь. Или не говоришь, и тоже уходишь, но уже этапом в Сибирь по 103-й статье за преступления

против веры.

Старик вскинулся было: «За что?..», но Благово так на него посмотрел, что он враз замолчал, стоял, мял в руках свой странный бархатный картуз. Прошло полминуты; Благово крикнул и протянул руку к часам.

— Зарежут меня, если я скажу, — пробормотал начетчик.

— Не нарежут. Скажи и уезжай в скиты на Керженец, надолго, до осени. Грехи замолить. Грехов у тебя много, раньше не замолишь. Ну!

— Рукопись продает Косарев.

— Михаил? Рыжий такой?

— Он самый.

— Дальше, дальше! Кто наиболее интересовался покупкой?

— Все помаленьку интересовались, да не всем она по карману. Самые большие деньги предложили рогожцы-«окружники», говорят, полмилльена.

— Это я знаю. Кто еще? Не тяни, старый хрыч, сказывай и уезжай.

— Ну... вобщем, хлысты это. Только вам их не поймать, Павел Афанасич. Это такая контора...

— Кто именно? Какого «корабля»?

— «Верховный корабль», — с очередной заминкой выдавил начетчик.

— Ба! Сам господин Свистунов пожаловали! Вот это прелюбопытно. Может, он еще и Игната с собой прихватил?

Петр Васильевич булькнул горлом и совсем побелел.

— Ну конечно, куда же он без Игната, — сам себе ответил Благово, закрыл часы и сунул их себе обратно в жилетный карман.

— Ну, Петр Васильич, ступай. Как отдохнешь к осени, заходи, потолкуем, чайку попьем.

— Премного благодарствуйте, ваше высокоблагородие, — прогундосил елейным голосом начетчик, хотел еще что-то сказать, но передумал и быстро уковылял на своей хромой ноге.

Благово поглядел на Лыкова и сказал весело, неожиданно перейдя на «ты»:

— Ну, чего сидишь, Алексей Николаевич? Бегом в Ярославский ряд за Михайлой Косаревым! Да квартального с собой возьми, мало ли что...

Лыкова как ветром сдуло. Однако этого приказания своего мудрого начальника он выполнить не сумел. Через полчаса он пришел в кабинет Благово вместе с квартальным надзирателем Ярославского ряда Хлебаловым и доложил, что привести Косарева нет никакой возможности.

— Почему? — сразу же вскочил надворный советник.

— Так что, Павел Афанасьевич, — доложил Хлебалов, — Михайла Косарев сегодня поутру подавился сушкой насмерть.

— Сушкой насмерть?

— Точно так. Чай пил — и каюк. Очень даже запросто. У нас в деревне третьего года одна вдова...

— Да подожди ты со своей вдовой! Точно сушкой подавился? Запястья хорошо глядели?

— Никак нет. Доктор Милотворжский осмотрел тело, засвидетельствовал смерть от несчастного случая, и мы снесли покойника в... как его? Морг. Телеграмму еще отбили жене в Городец.

— Бегом в морг, — бросил на ходу Благово, сметая со стола фуражку, и все трое помчались вниз, в подвал Макарьевской части, где находилась прозекторская.

Тело несчастного купца уже остыло, рыжая борода и выпученные от удушья глаза слегка заиндевели. Благово развернул покойнику руки кистями вверх и стал внимательно осматривать в лупу его запястья. Лыков стоял рядом и светил лампой. Неужели они снова опоздали? Проклятый начетчик!

— Смотри, Хлебалов, — сказал наконец Благово. — Вот здесь. Видишь? И здесь тоже.

На обеих руках купца были видны едва заметные ссадины.

— Его связали веревкой поверх тряпки или полотенца, чтобы не осталось следов. Но, умирая, он спазматически сильно вырывался, и даже через тряпку остались слабые следы. Понял теперь, вымбавку тебе в гузно? — громко и сердито гаркнул Благово (он раньше служил во флоте).

— Так точно, ваше высокоблагородие! Ах, шельмы...

— Вызови Милотворжского, пусть составит рапорт на имя полицмейстера, копию мне на стол. Еще раз осмотреть тело, достоверно определить время и причину смерти. Лыков — обыскать лавку Косарева, опросить соседей, найти приказчика и со всеми данными немедленно ко мне. Мы опять опоздали!

Когда через час Алексей пришел к начальнику, тот все еще был мрачнее тучи.

— Чем порадуешь? — хмуро спросил он, отодвигая бумаги.

— Все туманно. Как вы знаете, чаю в лавках заваривать нельзя, поэтому в семь утра Косарев купил себе чайную пару у разносчицы, и вместе с чаем полфунта сушек. Разносчица разыскана, она подтверждает. Косарев был в лавке с приказчиком Степаном Вострецовым. В восемь утра Вострецов ушел на Соляную пристань в контору пароходного «Общества по Волге» за посылкой, а когда пришел в девять, хозяин уже мертвый лежал у стола.

— Ха! В семь выпил чаю с сушками и остался жив. А потом стал грызть их всухомятку и помер?

— Соседи никого не видели, — продолжал доклад Алексей, — но мальчишка из лавки на углу утверждает определенно, что между восемью и половиной девятого к Косареву заходили двое мужчин. Описать их затруднился, говорит, что они какие-то никакие, серые.

— Они именно и должны быть никакими, то есть незаметными, безо всяких примет.

— Лякинцы?

— Алексей Николаевич, не расстраивай меня! Ты же не пристав Львов, вечно сонный. Лякинцы убивают людей бесхитростно, ножиком, без лишних имитаций. Это работа Игната.

— Игната? Без которого некий Свистунов ни на шаг?

— Некий Свистунов — это руководитель «Верховного корабля» хлыстов, их главный «христос». Человек он на редкость мерзопакостный, ради своих целей ни перед чем не остановится. Очень богат, очень хитер и руководит своим двухсоттысячным войском уже более десяти лет. За время его главенства, кстати, число хлыстов на Руси удвоилось... Бороться с ним весьма трудно, потому как сам он ничего противозаконного не делает — для этого у него есть отряд отчаянных людей во главе с упомянутым Игнатом. Тот у хлыстов то же самое, что Буффало у рогожцев: убить там кого, или покалечить, запугать, долг взыскать... Именно Игнат, конечно, и набил рот связанного Косарева сушками, а потом, не давая их выплюнуть, зажал ему нос и держал, пока несчастный не задохнулся. Такой случай уже был у меня в семьдесят седьмом году, во Второй Кремлевской части. Тогда при схожих обстоятельствах умер лесопромышленник Пудов, завещавший все свое состояние «кораблю» хлыстов в Ворсме. Тогда же я, в ходе расследования, узнал и о Свистунове, и о его цепном псе Игнате, но ничего не мог доказать, и мой начальник велел мне закрыть дело как несчастный случай.

— Да, Павел Афанасьевич, поздравляю! — обрадовался Алексей. — Услышал сейчас в канцелярии о вашем назначении начальником сыскной полиции. Очень рад за вас!

— Спасибо. Быстро граф Игнатьев решает дела. Похоже, с ним служить можно. Ну, и раз я теперь начальник, то это убийство господам хлыстам с рук уже не сойдет, да и за старое покрываемся.

Теперь вот что. Свистуновым я займусь сам, есть у меня кое-какие хлыстовские адреса. Ты же иди немедленно к Гаммелю и найди-таки с его помощью Буффало. Я слышал кое-что об этом головорезе. Его настоящее

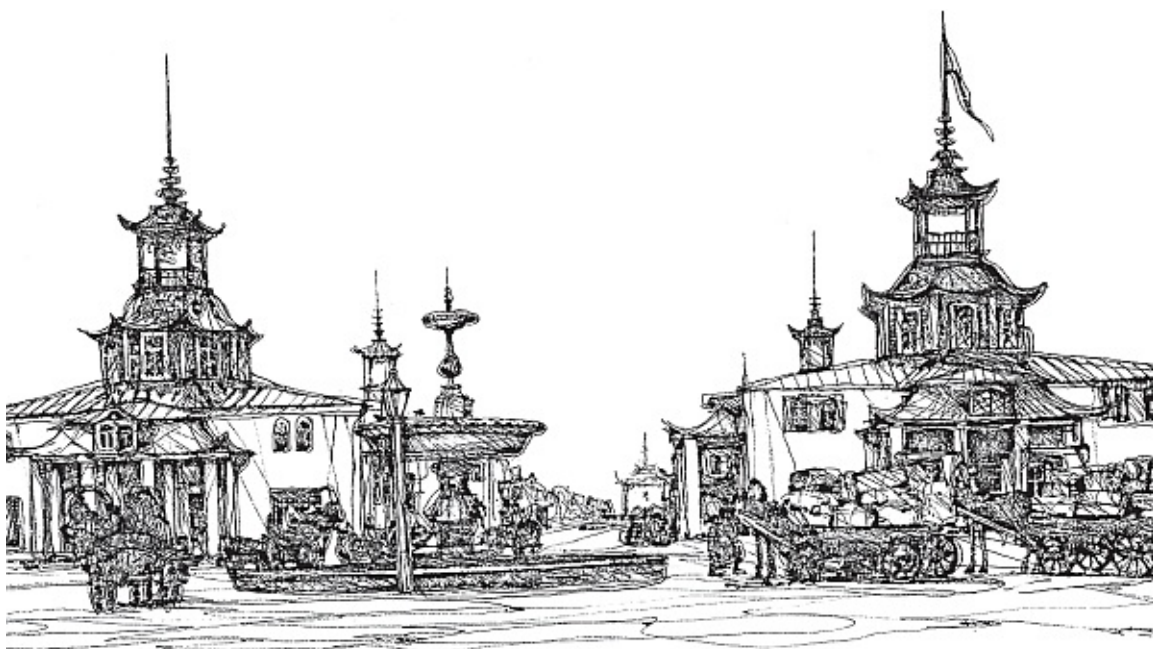
имя — Федор Ратманов. Рогожцы наняли его пару лет назад, когда тот вернулся из Северо-Американских Соединенных Штатов, где был пастухом, или, как они говорят, ковбойцем. Эти американские ковбойцы — страшные задиры, дуэлянты, вообще народ очень буйный. Все ходят с револьверами, как испанцы с ножами, и чуть что — стреляются насмерть. Полиции там нет и в помине, но есть некие правила чести пастухов-дуэлянтов: нельзя стрелять в спину, у противников должны быть равные условия и тому подобное. При таком подходе побеждает тот, кто стреляет быстрее и метче. Наш Буффало достиг в этом деле неслыханного мастерства и прославился как самый опасный стрелок, уложив будто бы более 40 человек. В конце концов, он там всех достал, убил кого-то не того, и пришлось ему спасаться бегством обратно в Россию. Здесь его с таким полезным дарованием и наняли на службу рогожцы.

Так вот, Алексей Николаевич. Найди этого господина, предложи от моего имени негласное сотрудничество и в качестве первого шага к нему сообщи о сведениях Здобнова и об убийстве Косарева. Скажи, что рукопись находится, наверное, у хлыстов. И разберись, кстати, с деньгами — мне час назад доложили, что Гаммель забрал обратно из банка все 450 тысяч. Похоже, Буффало приехал и потребовал сдать ему сумму. Это небезопасно — с лякинскими ребятами шутки плохи, а они сейчас злые: остались и без рукописи, и без денег...

И Лыков, вооружившись револьвером, побежал к ювелиру.

## Глава 10

### Буффало



Китайские ряды.

В магазине Алексей застал, кроме хозяина и Марка, еще одного человека — коренастого, с могучей шеей и широченными плечами, с загорелым лицом, обросшим наполовину седой бородой. Он походил на обычного «крепкого» крестьянина южнорусских губерний, каких немало толкается на ярмарке в поисках хомутов. Но глаза у бородача были странные: они, казалось, видели одновременно и Лыкова, и стоящих в стороне Гаммеля с Каланчой, и прохожих на улице.

Гаммель, обрадованный, подбежал и за рукав подвел Алексея к незнакомцу.

— Вот, Буффало, познакомься — наш спаситель Алексей Николаевич Лыков.

— Больно неказист, — усмехнулся Буффало, пожимая протянутую руку — Я-то думал, он вроде Каланчи.

— Ты с ним поосторожнее, — посоветовал Марк, — а то без пальцев останешься.

Алексей попробовал было повторить свой фокус с рукопожатием, но ковбоек мгновенно и ловко выдернул руку из захвата.

— Баловаться изволите, — сказал он, — а не вовремя. Мы тут гостей дожидаемся. Лучше бы вам уйти, а то, неровен час, заявятся и вас в наши дела втянут.

— Да меня уж втянули, — спокойно ответил Алексей. — Сашка Регент за ваши деньги чуть печень не пробил. Кого ждете?

— Нет уж, не уходите, Алексей Николаевич, пожалуйста! — взмолился Гаммель, — мне с вами спокойнее. Я заплачу! Они ведь на меня, как рыбу на живца, бандитов ловить надумали, велели не таясь деньги из банка взять и у себя оставить.

Буффало недовольно повел плечами:

— Мне помощники без надобности.

Лыков молча вынул свой «смит-вессон» и крутанул полный барабан. Ковбоец усмехнулся небрежно:

— Это лишнее. Просто стойте в стороне, раз уж пришли. Главное, ничего не делайте, только помешаете.

Алексея покоробил самоуверенный тон Буффало и отказ от его помощи, но Гаммель уже сунул ему в руку аж две сотенных бумажки; кроме того, у Лыкова было поручение к ковбойцу от начальства. Став сбоку, чтобы не загораживать стрелку обзор, он передал предложение Благово о сотрудничестве, рассказал о сведениях Здобнова и об утренней истории с Косаревым. Не спуская спокойных глаз с двери, Буффало все выслушал, сказал «договорились», а про сушку, Игната и Свистунова расспросил подробно. У Алексея создалось впечатление, что тот знаком со своим зловещим коллегой, и он спросил об этом. Буффало ответил:

— Встречаться не доводилось, но слышать слышал. Душегуб не хуже Лякина. Что ж, разберемся и с ним.

И тут же оттолкнул Алексея в сторону:

— Рассыпья! Идут!

Вдруг ниоткуда, без всякого лазания по карманам, в руках у него образовались два длинноствольных револьвера. В магазин вбежал огромный парень с топором и кинулся на Лыкова; за ним вбегали еще и еще, целая толпа. Алексей цапнул рукоять своего «смита», дернул, чем-то за что-то зацепился; тут грохнул первый выстрел и парень с занесенным уже топором отлетел в угол, как будто его ударил паровоз. Далее для Алексея все смешалось, хотя длилось не более нескольких секунд: лякинцы стремительно врывались в магазин, делали первый шаг, затем Буффало хладнокровно одним выстрелом в голову валил очередного налетчика с ног, словно молотом, разбрасывая их по углам. Двое со звоном вылетели через витрину на улицу, несколько, корчась, бились на полу, один волчком

крутился у самых ног Каланчи. Помещение заволочло дымом, уши заложило, но Буффало все стрелял. После пятого или шестого упавшего в дверях возникла заминка; Буффало, по-прежнему не целясь, свалил еще одного прямо на пороге и следующего уже на улице, сквозь разбитую витрину.

Вдруг все стихло. Тут же ковбоец в два прыжка прямо по телам выскочил на улицу. Алексей только сейчас отцепил свой револьвер и кинулся следом. От магазина Гаммеля рванула с места в карьер пароконная «линейка»; кучер хлестал что есть мочи лошадей и орал дурным голосом: «По-о-шли!!!». На доске сидел единственный уцелевший налетчик и целился в них из двух револьверов. Стволы их плюнули огнем, пули ударились в стену возле самой головы Лыкова; он присел и стал с колена ловить на мушку быстро удаляющуюся «линейку».

Буффало спокойно стоял и смотрел, словно знал, куда попадут пули, потом не спеша согнул руку в локте и выстрелил. У бандита, с напряжением целившегося в них, между бровей образовалась дыра, он откинулся назад, а затем вперед и упал плашмя на мостовую. Буффало повел стволом и снова выстрелил, и возница, матерно ругаясь, по большой дуге слетел с облучка, сделав полное сальто-мортале.

— Это же может быть просто нанятый извозчик, — упавшим голосом сказал Лыков.

— Я поэтому и выстрелил ему не в голову, а в правую ключицу, — спокойно ответил Буффало. — Кажись, все. Тащи возницу сюда, а я проверю в лавке.

Когда Алексей втащил перепуганного, но действительно легко раненного извозчика к ювелиру, ему открылась жуткая картина. У двери, сорванной с петель, и по стене вдоль разгромленной витрины лежали друг на друге четыре тела; пятый налетчик сидел на пороге и смотрел одним глазом в пространство, а второго глаза у него не было. Весь пол маленького помещения был густо залит кровью, и ее все прибывало, стены тоже в крови, выбоинах от пуль и в каких-то черных ошметках, пахнет порохом и снова кровью... Гаммель в полубоморочном состоянии прячется за конторкой, Буффало с Марком ворочают тела, проверяют, есть ли живые, возница хрипит и крестится левой рукой...

Тут с улицы раздался топот сапог — запоздало прибежали городовые. Алексей вышел к ним, велел оцепить весь ряд, никого не подпускать и срочно вызвать полицмейстера, пристава, Благово и доктора Милотворжского. А также побольше санитарных повозок.

Когда он вошел обратно в магазин, Марк, странно улыбаясь, окликнул

его:

— Смотри! Знакомец наш с тобой.

На полу, с «фирменной» аккуратной дырой между бровями, лежал Сашка Регент.

Каргер быстрыми шагами ходил, почти бегал по своему необъятному кабинету и гремел на вытянувшегося по струнке Лыкова и невозмутимого Благово:

— Я же велел!.. Я же приказал! Выставить эту буффалу вон из города не-ме-длен-но! Как посмели вы, Лыков, не выполнить приказание? Или я для вас уже не полицмейстер? Еще девять покойников, со стрельбой на ярмарке, средь бела дня... Черт бы побрал вас всех вместе с вашим Аввакумом! Рапорт! Рапорт мне на стол об отставке, если не хотите быть изгнанным за несоответствие.

Благово сделал шаг вперед:

— Ваше превосходительство, Николай Густавович!

Каргер немедленно остановился и замолчал.

— Коллежский регистратор Лыков действовал по моему прямому указанию, и ответственность за нарушение вашего распоряжения должен нести я один.

— Но почему, Павел Афанасьевич? — совсем другим тоном спросил полицмейстер.

— Мы связаны по рукам и ногам законом, и потому все время опаздываем. Получаем только трупы. Банда Лякина очень опасна, вся столичная полиция за ней гоняется безуспешно третий год. А мы? Здобнов ранен, Лыков вчера только чудом не погиб. На Осипе Лякине с Сашкой Регентом десятки человеческих жизней. Чего их жалеть? Если нашелся такой же убийца, как и они, да перестрелял эту мразь — так нам это только на пользу. Вот я и решил... Буффало же наш союзник! Мы выгоним его из города и сами станем гоняться за Лякиным, рискуя жизнями полицейских чинов? Извините, но это неразумно. Пусть он отрабатывает свое немалое жалованье, что получает от рогожцев, и охотится за Душегубом, а мы ему в этом поможем. У Буффало с этими ребятами разговор короткий! Вон Сашку Регента уже шесть лет ищет весь уголовный сыск Российской империи. А теперь и искать не надо... Мы же с вами, Николай Густавович, если бы даже и поймали его с опасностью и трудами, услали бы в бессрочную каторгу. А он оттуда сбежал бы и на другой год опять бы у нас на ярмарке людей резал, потому как у нас за уголовные преступления смертная казнь не положена.

Каргер снова стал ходить по кабинету, уже спокойным шагом,

обдумывая услышанное. Благово незаметно-ободряюще ткнул Алексея локтем в бок.

— А что, Павел Афанасьевич, — усмехнулся наконец полицмейстер в седые усы. — Вы, как всегда, правы. Что дозволено быку, то не положено Юпитеру. (Благово с Лыковым почтительно засмеялись). Пусть. Нам от этого только легче. Я подтверждаю ваше распоряжение. Граф Игнатьев дипломатии в Турции учился, поэтому и он нас, я думаю, одобрит. Буффало отпустить! Вернуть ему оружие, приставить к нему Лыкова в качестве сопровождения. Алексей, извини меня за горячность... Что хоть там было?

Лыков, приободрившись, стал рассказывать. Получалось сбивчиво, но понятно.

— Ну, словом, я и выстрелить-то ни разу не успел, ваше превосходительство. Не понадобилось, как он и говорил. Я такого никогда в жизни не видел, и даже не допускал, что такое вообще возможно. Удивительный стрелок!

Через десять минут Лыков с Благово выпускали арестованного сгоряча полицмейстером Буффало из холодной. Благово, приветливо улыбаясь, протянул стрелку холеную руку:

— Славно потрудились, Федор Иванович! (Буффало слегка вздрогнул, потому как паспорт у него был на другое имя). — Почитай, всю банду Осипа Лякина постреляли, за нас поработали. Вот ваши «ремингтон» с «мэрвин-галбертом». Из Додж-сити привезли? Имеете склонность к длинноствольным моделям?

Буффало снова вздрогнул, затем криво усмехнулся и проворно засунул револьверы за пояс.

— Господина полицмейстера мы с Алексеем Николаевичем успокоили, вы можете продолжать ваше, столь эффектно начатое дело. Но с одним условием: господин Лыков будет сопровождать вас на все предприятия сегодняшнего рода. Он же будет вас снабжать сведениями, имеющимися у полиции и могущими быть вам полезными. Только так вы можете задержаться в Нижнем Новгороде. Согласны?

— Согласен, пусть только не мешается.

И Буффало повернулся к Алексею:

— Ну, Лыков, пошли. Дел еще полно: рукопись надо найти, пятьдесят тысяч вернуть... Осипа разыскать...

По уголовному миру Нижнего Новгорода и ярмарки стремительно разнеслась ошеломляющая весть, что «команду Оси всю побили». Буффало за несколько секунд изменил расстановку сил: теперь Лякин, почти без людей, прятался, авторитет его падал, а ковбоек грозно намеревался добить

его нынче же вечером окончательно.

Раненый кучер оказался не членом банды, но причастным и вообще человеком темным, бывшим у полиции давно на подозрении. Он быстро выдал тайную квартиру Лякина в пригородном селе Бурнаковка. Обыск самого Душегуба не застал, но под половицей обнаружили двадцать тысяч рублей кредитными билетами, и Гаммель по номерам опознал их как принадлежавшие Елатьменскому.

Алексей пришел с этой новостью в шикарный магазин товарищества Богородско-Глуховской мануфактуры во втором Китайском павильоне, где в задних комнатах Буффало устроил себе штаб-квартиру. Тот сидел и пил чай; перед ним на столе лежали ветошь, масленка и разобранный револьвер.

— Федор Иванович, брось ты пока этого Лякина. Завещание Аввакума уйдет! Деньги почти все целы, давай займемся хлыстами.

— Не могу, — как всегда, спокойно ответил ему Буффало. — Лякина завтра уже в городе не будет, его сейчас надо добивать. Арсений Иваныч велел Осипа кончить, чтобы другим была наука, как Рогожу задирать. Так что, хлысты только завтра, а сегодня я иду на кузнецовскую «мельницу». Пойдешь со мной? Тебя же ко мне вроде как приставили...

— Понятно, — хмыкнул Лыков. — У нас в пластунской команде это называлось «проверкой на вшивость». Хорошая у тебя штукенция — «мэрвин-галберт», так называемая «русская модель» 1876 года, сорок четвертый калибр, пять зарядов.

— А ты откуда знаешь? В оружии разбираешься?

— Да нет, — признался Алексей. — У нашего полкового адъютанта такой же был. Редкая модель!

Он ловко и быстро собрал револьвер, взвел курок и нажал на спуск. Раздался веселый щелчок. Алексей протянул револьвер хозяину.

— Ну, пошли. Сейчас только навещу одного хорошего человека, а к десяти часам вернусь сюда.

— Сходи, сходи, отчитайся перед начальством, — съехидничал Буффало и начал разбирать «ремингтон».

Алексей пришел в палату к Здобнову с кульком орехов и двумя померанцами и застал его сидящим на кровати с ногами, потягивающим ермолаевское пиво. Здобнов поглядел на орехи, кряхтя, нагнулся, вытащил ящик, битком набитый табаком, апельсинами, конфетами и прочими деликатесами. Он высыпал в лыковский кулек несколько пригоршней этой смеси, закутал и отдал обратно Алексею.

— На, мать с сестрой угостишь. Мне больше ничего не носи, деньги

поэкономь, чай, не Бугров. Меня купцы и без тебя снабжают.

— Какие купцы?

— Поработай с мое на ярмарке, узнаешь, какие. Появятся и у тебя свои должники.

На расспросы о здоровье Иван Иванович от ма х н улс я.

Они сели спиной к единственному, кроме Здобнова, больному в палате, толстому татарину-грузчику с кистой, и Алексей принялся рассказывать новости. Их накопилось немало, старый сыщик требовал подробностей, и беседа затянулась надолго.

— Да, Лешка, глупое вы с этим буйволом дело задумали. В трактир Кузнецова надо не вдвоем идти, а еще пару взводиков казаков с собой брать.

— Тогда Осип Лякин не придет.

— Ну и хрен с ним, с Лякиным, пусть его питерские сыскари ловят, они втрое больше нашего жалованье гребут.

— Не станут теперь фартовые его защищать, под пули из-за него лезть. А если Буффало там вчера кого-то не дострелил, так сегодня дострелит. Они сейчас деморализованы.

— Дурак ты, Лешка, — огорчился Здобнов. — Демо... как ты сказанул? Представь себе: вломятся посреди ночи к Кузнецову двое сыскарей. Что с ними будет? Лякин там или не Лякин, а есть и другие бандиты, у которых имеются свои интересы. И они будут их защищать! Подымут вас, дураков, на ножи, чтобы другим не повадно было.

— Прямо так и на ножи... — хорохорился Алексей, но на душе у него уже было муторно. — Что же мне, парня одного туда послать?

— Ты у нас, конечно, герой, крест имеешь, я же вижу — все одно пойдешь. Так хоть ведите себя там сообразно роли: с шиком, но степенно, солидно, как молодые начинающие капиталисты. Ну, пришли поглазеть, сыграть по маленькой, но неприятностей опасаетесь и вообще ребята робкие. Ни на кого, кроме баб, не смотрите, сажайте сразу на коленки хористок, располагайтесь поближе к выходу и подальше от уголовных. Старшему из охранников дайте синенькую, скажите, мол, приезжие, впервые, интересуются игрой, но всякого наслушались и опасаетесь, пусть к вам кого-нибудь приставят. Привлеките к себе внимание сами, не дожидайтесь, когда они вами заинтересуются.

Далее. В трактире Кузнецова три выхода, но извозчики стоят только у главного. Если уходить в двери нельзя, то на северной и западной стороне, на первом этаже, в галерее по восемь номеров; замки в них слабые, а окна низко. Теперь кузнецовская охрана...

## Глава 11

### В трактире Кузнецова



Пожарное депо на Московской улице.

Все получилось совсем не так, как они задумали. За час до полуночи Лыков и Буффало вошли в заведение, одетые купцами средней руки, но с претензией. С ними были две певички из шведского хора, что поет в трактире Бубнова. Говорили на такой странной смеси языков, что поневоле обратили на себя внимание всего зала: Буффало — по-английски, Алексей вспоминал гимназические уроки французского, скандинавки шпарили по-своему... Зал поглядел на них и отвернулся — купцы как купцы, но из фатового угла кто-то их сразу опознал. Видимо, утром Лякин оставил на Серебряной линии наблюдателей для слежки за налетом на Гаммеля. Когда Буффало с Алексеем выбежали на улицу, а Лыков потом командовал городовыми, их запомнили в лицо. Так все их ухищрения и легенды пропали зря.

Чувство все возрастающей опасности появилось у Алексея к часу ночи. Посетителей осталось мало, в соседнем зале половые готовили столы под карточную игру. Вдруг сидящий напротив Буффало захрипел и упал на

спину, схватившись за горло. За ним стоял высокий перс и затягивал аркан. Через секунду в руках у Буффало оказались револьверы, четыре выстрела отбросили перса-душителя в коридор. Ковбоец вскочил на ноги и тут же получил сзади сильный удар каучуковой палкой по шее, упал на колени и вторым ударом окончательно был оглушен. Все это заняло секунды.

Алексей бросился было на выручку рогожцу, но кто-то ловко подсек ему ногу и он растянулся возле товарища. Хотел отжаться и стряхнуть с себя нападавших, но тут острое лезвие прошло сквозь сюртук и уперлось ему под левую лопатку. Схватка закончилась.

Сильные клешни кузнецовских охранников подняли Алексея; он получил чувствительный удар в лицо, но молча стерпел. Его умело обыскали, отобрали револьвер и кастет. Двое держали Лыкова за руки, третий уткнул ему в грудь его же «смит-вессон», четвертый сзади приставил нож.

Может, Алексей и попытался бы убежать, рассчитывая на свою силу, но Буффало без сознания висел на руках у «фартовых». Пришлось пока смириться.

— Не убивать! — раздался сзади властный голос Кузнецова. — Осип ищет человека из полицейских для сведений, а тут сразу два «языка». Который-то да заговорит... Сведите их пока в подвал и как следует прикуйте. Осип придет через полчаса, сам с ними разберется.

Лыкова и начавшего приходить в себя Буффало бегом стащили по черной лестнице в подвал, и там звероподобный детина в кожаном фартуке сноровисто приковал их к толстым цепям на столбах. Прямоугольные столбы, подпиравшие низкие своды подвала, были опоясаны стальной полосой с кольцами, к которым приделали настоящие каторжные ручные кандалы. Чувствовалось, что место было специально приготовлено для подобных случаев.

Бандиты врезали напоследок Лыкову и Буффало по почкам и ушли, поставив в углу керосиновую лампу. Лязгнул засов, и в подвале стало тихо.

Окончательно очухавшийся Буффало тихо чертыхался в углу. Лицо у Лыкова горело, мысли путались. Ему вдруг стало страшно как никогда в жизни, как не было страшно даже перед первым боем.

Рогожец перестал ругаться и сказал голосом злым, но не испуганным:

— Ну мы с тобой и влипши. Надо выбираться, пока Лякин не появился.

Он уперся ногой в столб и стал тянуть к себе кулаки, пробуя цепь на прочность. Шея и плечи у Буффало напряглись, набухли желваки на лице, он пытался и упирался изо всех сил, но цепь и не думала поддаваться.

Глядя на него, Лыков не удержался и прыснул.

— Что смеешься, дурак, — рассердился Буффало. — Погоди, сейчас придет Ося Душегуб, он тебе посмеется.

— Да это не так делается, — виновато пояснил Лыков. — Вот, смотри: одно звено закладывается за другое и прижимается третьим, которое используется как рычаг.

Он сложил звенья, ухватился и нажал. Толстое кольцо сразу разошлось, и Алексей освободил правую руку.

— А так, как ты хочешь, не получится, — и Лыков рванул к себе левую руку. Цепь со звоном лопнула и повисла на запястье.

— Странно... — пробормотал он.

Буффало поглядел на него, сложил свою цепь, как было велено, и с удвоенной энергией навалился на нее. Однако у него снова ничего не получилось. Тогда Лыков двумя мощными рывками оторвал и его кандалы. Сложил обрывок цепи вдвое и получилось оружие.

— Как-то сразу веселее стало, — признался рогожец. — Осталась ерунда — выйти отсюда.

Они подбежали к двери. Массивная, она была сколочена из толстых дубовых плашек, стянутых железными полосами. Буффало налег на нее всем весом, но дверь даже не скрипнула.

Алексей внимательно осмотрел железные полосы, петли; все было крепкое, ухватиться не за что... Он нагнулся и увидел внизу щель.

— Ага... пальцы пролезают.

Он присел на корточки, ухватился снизу за дверное полотно и потянул на себя. Дверь зашаталась, но держалась прочно. Лыков взялся поудобнее, уперся и налег изо всех сил. В глазах потемнело, заныл порезанный бок, вены, казалось, сейчас порвутся.

Буффало стоял рядом и молча наблюдал. Он понимал, что сломать такую дверь голыми руками невозможно, но после того что этот парень сделал с цепями... Вдруг раздался короткий противный визг и нижняя петля с четырьмя огромными шурупами выехала из дубового косяка! Буффало чертыхнулся от удивления; ему хотелось протереть глаза.

Алексей выпрямился, ухватился за образовавшийся проем, уперся сапогом в стену и вырвал всю дверь из косяка напроць. Аккуратно приподнял, своротив наружный засов, втащил внутрь и прислонил к стене.

— Ну ты даешь! — ахнул Буффало. — Говорил мне Каланча, да я не больно верил... Научи меня этому атлетизму, а я тебя стрелять научу!

— Давай сначала драпанем отсюда, — ответил Лыков.

— Как это драпанем? Лякин скоро сам сюда придет, и гоняться за ним не надо, очень удобно.

— Федор, ты больной на голову, — злым шепотом констатировал Лыков. — Тебя с оружием уработали, ты ничего поделать не мог, и еще хочешь в этой крысоловке Осипа с его братвой дожидаться! Ей-богу, больной...

— Ну хорошо, — примирительно сказал рогожец, — давай посмотримся и, если отыщем путь для отступления, тогда уж попытаемся?

Они осторожно вышли в подвальный коридор. В дальнем конце его, где была лестница, неярко светил фонарь; в их тупике обнаружилось забранное решеткой окно.

— Сними решетку, — приказал Буффало.

— Еще начальник выискался, — обиделся Алексей, но решетку оторвал и приставил обратно к раме, чтобы было незаметно. — Пролезешь, бычина толстомясая? — съехидничал он.

Буффало примерился — пролезает.

Внутри Алексея совсем уже исчез недавний страх и разливалось другое ощущение: силы, уверенности и злости. Разогретые мускулы играли, вернулся кураж; хотелось посчитаться с Лякиным. Он решительно намотал обрывок цепи на кулак и тут услышал приближающиеся голоса. Бесшумно, как кошка, Лыков в два прыжка подобрался к лестнице, несколько секунд слушал, потом так же бесшумно вернулся и затолкал Буффало обратно в комнату. Успел по пути заметить, что из узкого коридора не видно, что дверь выломана.

— Идут трое один за другим, впереди тот в фартуке, за ним Кузнецов, у третьего голос незнакомый, возможно, Лякин, — шепотом пояснил Алексей диспозицию.

Глаза у Буффало сверкнули, он натянул цепь, чтобы не звенела, и принял боевую стойку. Лыков, хотя был ниже его на голову, молча отодвинул рогожца за спину, стал за косяк, занес кулак с намотанной на него цепью и так застыл.

Голоса приближались, бандиты шумно, не таясь, спускались в подвал.

— Один-то, молодой, точно сыщик, он утром городскими командовал, когда ребят твоих из засады побили. А второй, что Али застрелил, не пойми кто.

— Сейчас разберемся, — угрожающе произнес третий голос, хриплый, властный.

«Лякин», — понял Алексей и вдруг сразу успокоился, и только холодная ясная злость охватила его. Вот теперь посмотрим...

Пора! Он выскочил в коридор и, как кувалдой, ударил идущего первым «кузнеца» в переносицу. С грохотом и криками все трое покатались по

коридору, чудовищной силы удар сбил их, как кегли. Сразу же Лыков перепрыгнул через первого прямо на грудь второму и с него коршуном упал на лежащего под самым фонарем Лякина. Тот, хоть и оглушенный, каким-то образом успел выхватить нож, но Алексей зажал его левую руку коленом, правую с ножом стиснул так, что хрустнуло запястье, а свободной рукой ухватил Лякина за горло. Тот хрипел, выгибался дугой, изо всех сил пытаясь сбросить с себя Алексея, пинал его коленями в спину, в ребра. Сзади слышались удары и шум борьбы, но Лыков не решался обернуться и смотрел в волчьи глаза Осипа, медленно усиливая хватку. «Особенно опасен при задержании... в одиночку даже не пытайтесь» — вспомнил он инструктаж Благово. Может, все же попытаться? На секунду он ослабил пальцы, и Душегуб чуть не сбросил его с себя. Ну уж нет! Лыков молча, не отрываясь, смотрел Лякину в глаза, а тот так же бессловесно глядел на Алексея. Такой лютой злобы и ненависти Лыков не видел даже на войне. Этот угасающий, до последнего не сдающийся звериный взгляд он помнил потом всю жизнь...

«Четырнадцать доказанных убийств за два года» — снова вспомнились слова из инструкции. А сколько не доказанных? Алексея захлестнуло злостью, так, что потемнело в глазах.

— Сдохни, пес... гореть тебе в аду! — выкрикнул он в ярости и свел, наконец, пальцы. Из горла Лякина послышалось бульканье, глаза налились кровью, искаженное лицо стало синеть, губы хватали воздух. А потом вдруг волчий взгляд потух, как свечка, и Осип обмяк и вытянулся.

Алексей еще несколько секунд недоверчиво смотрел на него — не уловка ли? Однажды раненый шапсуг едва не обманул его таким приемом на красивом берегу Черного моря... Но Душегуб лежал без движения, и вид у него был неважный. Алексей решил наконец оглянуться.

Сзади него, на теле Кузнецова, сидел Буффало и с интересом разглядывал синее лякинское лицо. Протянул руку, потрогал за левым ухом и удовлетворенно кивнул:

— Готов!

— Точно он?

— Он, не сомневайся. Видишь шрам от чирья?

Посидели немного молча, потом Буффало спросил:

— Тебе сколько годов-то, Алексей Николаич?

— Двадцать два... почти.

— Далеко пойдешь.

Наконец они встали, осмотрелись. Бандит в фартуке лежал с залитым кровью лицом, нос у него был буквально вколочен в череп. Рядом валялся

Кузнецов с разбитой буффаловскими кандалами головой. Все было кончено.

Алексей закинул себе на плечо тело Оси Душегуба и шагнул к окну.

— Для опознания? — догадался рогожец, быстро обыскал Кузнецова, нашел какой-то бельгийский самовзвод, сунул себе в карман и двинулся следом.

Так они и шли по пустынным ночным Самокатам: Алексей с трупом Оси, как с мешком, на плече и рядом Буффало. Редкие гуляки, попадавшиеся им навстречу, разглядев получше эту парочку, мгновенно разбегались. Только на мосту через Обводный канал их попытался остановить ночной караул уголовных. Алексей, не останавливаясь, махнул левой рукой, и здоровенный кудлатый парень через перила кубарем полетел в воду. Буффало щелкнул курком револьвера, и оставшиеся двое караульных с криками исчезли в темноте.

Еще двадцать шагов, и они оказались на территории гостиного двора, где уже хозяйничала полиция.

Благово с приставом Львовым стояли на крыльце Макарьевской части и о чем-то взволнованно разговаривали; вокруг них, словно пчелы, сновали городовые, которым раздали винтовки. К подъезду съезжались полицейские «линейки»; суровый Каргер в черезплечной портупее, с револьвером в огромной кобуре и саблей на боку ходил по тротуару и кричал:

— Где эти чертовы казаки? Сейчас без них пойдем!

Появление Лыкова и Буффало враз остановило эту круговерть. Все замерли и уставились на них, как на пришельцев с того света. Алексей из последних сил по-молодецки взбежал на крыльцо и сбросил с плеча труп под ноги начальству.

Благово быстро присел, перевернул тело лицом вверх и несколько секунд внимательно его рассматривал. Потрогал пальцем шрам на скуле — не приклеен ли (такие случаи бывали). Потом встал и, ни к кому особенно не обращаясь, сказал, скрывая волнение:

— Это Осип Лякин.

Только тут все, как по команде, бросились к Алексею и Буффало, начали их обнимать, жать руки, хлопать по спине, кричать какие-то радостные слова. Благово первый обхватил Алексея как медведь, молча подержал так несколько секунд и быстро отошел, и Алексей с удивлением и каким-то умилением увидел, что тот незаметно вытирает слезы обеими руками.

Подбежал Каргер, тоже обнял Лыкова, потом перекрестил и трижды

расцеловал.

— Молодец, Лыков! Представим, непременно представим! А мы тут чуть войной не пошли...

Из темноты раздался звон множества копыт, и к Макарьевской части подскочила полусотня казаков с разгоряченным офицером во главе.

— Ваше превосходительство!..

Каргер властным жестом остановил доклад и сказал громко, на всю Главную площадь:

— Отдыхайте, подъесаул. Пока вы собирались, мои люди уже все сделали.

Городовые, непривычно воинственные из-за винтовок, дружно загоготали; следом за ними звонко засмеялся Благово, по-кавалерийски раскатисто — Львов, и последними, глядя на всеобщее веселье, присоединились к нему Алексей и Буффало. Подъесаул молча сконфуженно козырнул и столь же быстро, как появился, исчез со своей командой в темноте.

Так они все, несколько десятков людей в полицейской форме и без оной, стояли и радостно, громко и беззаботно смеялись посреди ночи. А потом сверху, где находился пожарный пост, вдруг раздались резкие удары сигнального колокола, а затем крик:

— Пожар на Самокатах! Третий нумер!

Третий номер — значит, уже появилось открытое пламя. Пожар на ярмарке — страшное дело! В 1857 году сгорели более ста зданий, включая цирк и театр; ладно, это было осенью, а не во время торгового года. А в пятьдесят девятом! А в шестьдесят четвертом — и вспоминать страшно, две трети ярмарки выгорело...

Из флигеля выскочил бранд-майор Морошкин в медной каске и крагах; раскрылись ворота, и вылетели на крепких пожарных конях все три «машины», облепленные ствольщиками и топорниками, следом — телега с баграми.

Благово глянул на Буффало:

— Вы там ничего такого не делали?

— «Такого» — нет. Зашибли, правда, еще двоих, но уходили тихо и спичек не жгли.

— Павел Афанасьевич, а ведь, пожалуй, это и впрямь у Кузнецова! — вытянув шею, выкрикнул Лыков. — Значит, уголовные следы замечают. Вот сволочи, всех спалят!

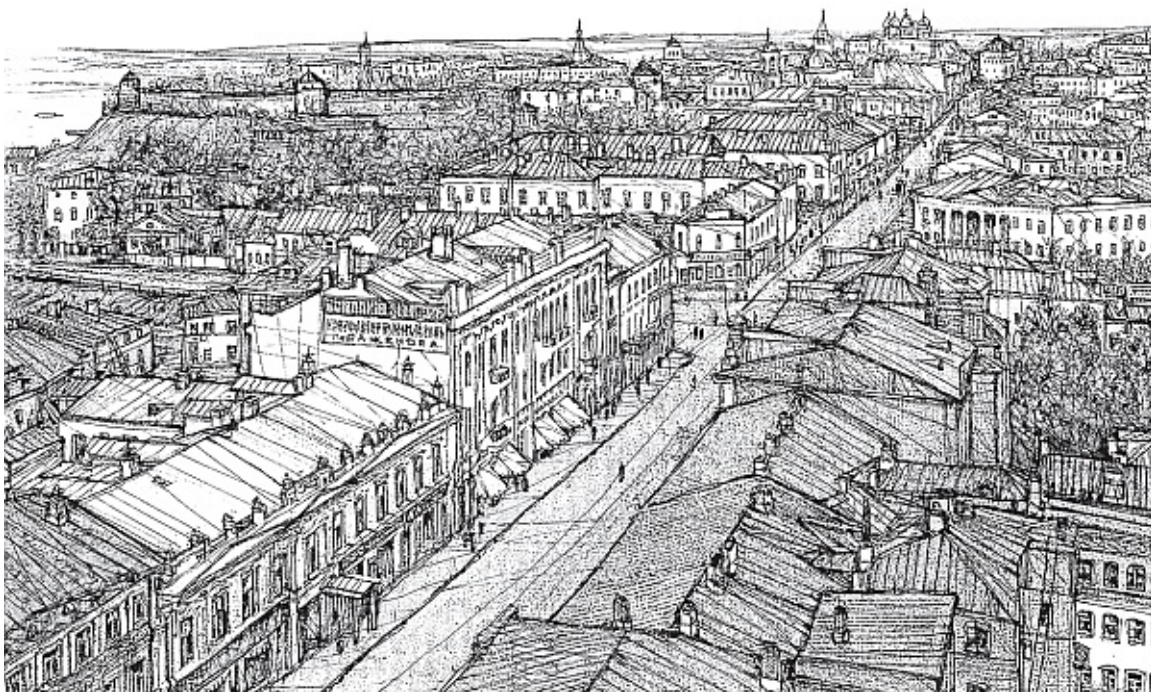
И они, во главе с Каргером, помчались следом за пожарными.

Морошкин превзошел в эту ночь сам себя: пылающий уже как факел

трактир сумели потушить водой из Мещерского озера, составив «кишки» в сорок сажень, отстояли и соседние строения. Две трети кузнецовского трактира все же выгорели. Полицейские до утра рылись в дымящихся развалинах, вытащив более двадцати обгоревших трупов, большей частью пьяных из номеров в обнимку с сильфидами, задохнувшихся от дыма и не сумевших вовремя проснуться. Нашли также тело перса-душителя с тремя пулями в груди, и в подвале — мужика в кожаном фартуке и самого хозяина заведения, знаменитого в уголовном мире Кузнецова. О происхождении этих трех тел Лыкову пришлось уже утром писать рапорт.

## Глава 12

### Благово



Большая Покровская улица.

В восьмом часу утра Благово возвращался к себе домой сменить рубашку, изрядно пострадавшую при обыске на свежем пепелище. Настроение у него было — лучше некуда, давно такого не случалось. Граф Игнатьев, видно, знал какое-то волшебное слово в Петербурге. Во всяком случае, ночью пришла зашифрованная телеграмма от министра, утвердившего все ходатайства генерал-губернатора. Кроме новых чина и должности, Благово получил еще, неожиданно для себя, орден Святой Анны 2 степени «по совокупности заслуг». Он подозревал, что и этим обязан хитроумному графу, старавшемуся, по-видимому, возвысить полезного ему подчиненного.

Помимо прибавки жалования в две тысячи рублей, новоиспеченный начальник нижегородской сыскной полиции получал дополнительно казенные квартиру и дрова. Бездельник Лукашевич, шляясь по заграницам, квартиру оставил за собой, и Благово приходилось снимать жилье в доходном доме Пальцевых на Большой Покровке за немалые деньги. Теперь было особенно приятно ехать и обдумывать, какую следует

прикупить мебель, где ее поставить, что из книг он теперь сможет приобрести. Мальков бы еще запустить во все пять прудов, в родовом имении Чиргуши...

Павел Афанасьевич Благово, столбовой дворянин, сын небедных родителей (до 1861 года — триста душ в Ардатовском уезде и четыреста в Лукояновском), закончил Морской корпус и весело служил на Балтике, на пароходофрегате «Мономах», не зная бед. Море он любил, товарищи его уважали, начальство в целом благоволило. Жизнь двадцатилетнего лейтенанта изменилась в одночасье.

У них на корабле служил мичман, одногодок Павла Афанасьевича, у которого как-то не задалась отношения с товарищами. Мичман Редигер был из лифляндцев, русских недолюбливал, команду своего plutonga не мордовал, денег никому в долг не поверял. Но служил исправно, его батарея была лучшей на фрегате.

Офицеры часто между собой довольно зло посмеивались над Редигером; особенно усердствовал лейтенант Плавский, любимец капитана и старшего офицера. Уже дважды Редигер резко отвечал на его колкости, дважды кают-компания с трудом разводила едва не назначенную дуэль. Ситуация понемногу накалялась, но начальство ничего не предпринимало, будучи явно и всецело на стороне русского лейтенанта.

Однажды утром Плавский неожиданно попросил всех свободных от вахты офицеров срочно собраться в кают-компанию, выгнал из нее вестовых, запер изнутри дверь и публично обвинил Редигера в воровстве! По его словам, мичман вчера вечером после карт украл у него из кармана кителя портмоне с вензелем «МП» («Михаил Плавский»), в котором лежали триста рублей только что выигранных денег. Плавский хватился их перед сном, стал искать, потом вспомнил, что китель его висел на стуле у ломберного столика и был момент, когда в каюте Редигер на несколько минут оставался один. Больше никто украсть деньги не мог.

Скандал получился очень неприятный. Редигер покрылся пятнами, чуть не кинулся с кулаками на Плавского, потом дал честное слово дворянина, что никаких денег не крал, начал оправдываться. Вид у него был жалкий. Офицеры были смущены — неслыханная вещь, пятно на весь корабль! Скажешь кому, что ты с «Мономаха», и услышишь в ответ — «А! С того, где офицеры друг у друга деньги воруют?». Разговоры и объяснения поэтому велись только шепотом, чтобы не слышали нижние чины.

В конце концов, старший офицер взял двух лейтенантов (в том числе и Благово), а также Плавского и Редигера, и они пошли толпой обыскивать каюту последнего. Портмоне с монограммой «МП» нашли очень быстро —

под периной в ногах. На Редигера невозможно стало смотреть: он что-то лепетал, даже заплакал от унижения, обещал застрелиться, но упрямо утверждал, что денег этих не крал.

Что-то во всей этой истории не понравилось Благово. Он тоже недолюбливал Редигера, но считал его лично честным человеком. Не может такого быть! Но если лифляндец портмоне не брал, значит, ему его подбросили. Неужели? Неужели для того чтобы сплавить неприятного ему сослуживца, второй, русский офицер, пошел на такую чудовищную ложь, провокацию, такое попрание чести своего товарища — моряка? Этого тоже, казалось, не могло быть.

И Благово решился. Он отлучился из каюты, разыскал корабельного слесаря, и тот на вопрос, делал ли он недавно какие-нибудь ключи для лейтенанта Плавского, простодушно ответил, что сделал ключ две недели назад. И у него, кажется, остался восковой слепок, который он хотел перетопить на свечку, да все недосуг.

Со слепком в руках Благово пришел в кают-компанию и так же запер за собой дверь изнутри. Все свободные офицеры пароходофрегата стояли вокруг жалкого, потерянного Редигера, который несмотря ни на что упрямо твердил: «Я застрелюсь, но я не вор! Я сейчас уйду и застрелюсь, но я не вор! Потом, когда-нибудь, господа, уже после меня, вор будет найден; помяните тогда мое доброе имя, потому что я не вор!». Но большинство офицеров ему уже не верило, и злые обвиняющие голоса перекрывали немногие сомневающиеся.

Благово пробился сквозь эту толпу, подошел к мичману и сказал:

— Редигер, дайте-ка мне ключ от вашей каюты.

И тот, затравленный, машинально вынул из кармана сюртука ключ и протянул ему. Павел Афанасьевич вложил ключ в восковой слепок, и тот точно совпал всеми бороздками.

В общем гвалте манипуляции с ключом заметил только Плавский и сразу же все понял. Он стал пятиться, побледнел, лицо его стало невыразимо отчаянным. По этому искаженному лицу лейтенант Благово и ударил лейтенанта Плавского.

Гвалт мгновенно стих. О том, что было после, Благово никогда не любил вспоминать. Но по окончании этого ужасного дела Плавский перевелся, как ни в чем не бывало, в тюремное ведомство и уехал служить на Акатуй. Оскорбленный Редигер тоже ушел со службы и живет сейчас в своем имении под Ковно, ненавидя всех русских, кроме одного. Каждый год Благово получает от него в Рождество и именины по короткому письму с неизменной благодарностью в конце «за спасенную честь». Ну, а самого

лейтенанта Благово через месяц вызвал к себе командир броненосной дивизии и сказал, нехорошо улыбаясь, что с таким прозорливым умом ему надо служить не во флоте, а в полиции. И что он готов дать рекомендацию.

Павел Афанасьевич и без адмирала чувствовал, что после случившейся истории ему трудно будет служить на «Мономахе», да и вообще на флоте. Кому нравится видеть каждый день человека, вскрывшего на всеобщее обозрение такую помойку. Тень от гнусного, мерзкого скандала неизбежно падала и на него...

Так он оказался у себя в Чиргушах. Долгих семь лет честно пытался заниматься имением, внедрял трехпольную систему, ездил на дворянские выборы и даже баллотировался в мировые судьи, правда, неудачно. Помещик из него получился плохой. А десять лет назад он, неожиданно даже сам для себя, поступил сыскным надзирателем в Рождественскую часть. Старый адмирал оказался прав! Благово быстро рос, все у него получалось, пока он не уперся снизу в губернаторского зятя-дармоеда, который и перебил ему карьеру. И вот теперь появился граф Игнатьев и одной телеграммой все переменял...

Павел Афанасьевич оставил коляску у подъезда и устало поднялся к себе в холостяцкую квартиру. Стар он уже стал всю ночь по пожарам лазить! Отпер дверь своим ключом, окликнул Матрену-кухарку, та не отозвалась, и он сам прошел в бельевую кладовую. Взял чистую рубашку и шагнул в гостиную.

Там за столом сидел незнакомый старик с маленькими, умными и злыми глазами, бритый, как немец, и очень какой-то неприятный.

— Кто таков? — резко спросил Благово и тут же получил сзади сильный толчок, влетел в гостиную и чуть не упал на диван. Из-за спины вышел и стал около старика крепкий мужчина с невыразительным лицом, невыразительно одетый, но с той неуловимо уверенной осанкой, которая бывает только у сильных и весьма опытных людей. «Игнат!» — понял Благово и сел на диван, потому что ноги его противно задрожали.

— Здравствуйте, господин Благово, — с усмешкой, лучась спокойствием, сказал старик.

— Здравствуйте, господин Свистунов, — стараясь говорить так же спокойно, ответил Павел Афанасьевич.

Хлыст довольно хохотнул («умный, сыскарь!»), пододвинул к Благово лежащую на столе большую картонную коробку.

— Вот, зашел вас поздравить с новым чином и должностью. Орденок опять же получили...

«Откуда он все знает? Ну, тряхну я телеграфистов... если живой

выберусь».

— Здесь тридцать пять тысяч рублей, — продолжал Свистунов, кивая на коробку. — Подарок от нас новому начальнику. Берите, не стесняйтесь. Ваш предшественник не стеснялся.

— А... так вот почему...

— Совершенно точно, именно поэтому. Тогда был «несчастный случай», и сейчас пусть будет «несчастный случай». Чего вам еще надо? Осип Лякин кончился, все убийства раскрыты. Глядишь, еще один орденоч получите, за Душегуба.

— А рукопись?

— Что рукопись? Кто ее видел? Сгорела, небось, в кузнецовском трактире. Все отлично, все концы сходятся, дело надо закрывать. Берите деньги, ну! Или у вас тариф другой, выше, чем у Лукашевича?

— А ежели я тыщи ваши не возьму и делу об удушении купца Косарева ход дам?

— Если деньги не возьмете, то и ход делу уж точно не дадите. Будет третий «несчастный случай», и опять все концы сойдутся. Вы, правда, об том уже не узнаете...

— Ну, а если я деньги возьму, а дело не закрою?

— Так мы с вас слово возьмем, дворянское. По наведенным об вас справкам, для вас даденное слово нарушить — дело невозможное. Так что нам вашего слова хватит.

— Выходит, другого пути нет, как брать?

— Или брать, или умирать, господин Благово. Третьего не дано.

«Что же делать? — лихорадочно думал Павел Афанасьевич. — Слово им давать нельзя. Я же бывший морской офицер! Я же начальник сыскной полиции! Я же, как никак, столбовой дворянин, с шестнадцатого века родословную могу проследить! А тут какой-то сектантский упырь с манией величия... Буду драться! Пусть лучше убьют, но рук своих не замараю».

Свистунов с кривой усмешкой смотрел на красивого седовласого мужчину и легко читал на его лице сменявшие друг друга мысли. Понял он и окончательное решение сыщика. Пошарил по карманам, вынул сложенный вдвое лист бумаги, отставил от себя по-стариковски далеко и прочел с пафосом:

— «Я неизлечимо болен. Нет уже сил дожидаться смерти, надобно ускорить ее и не мучаться. Все не хватало мужества. Прошу прощения у его сиятельства за то, что не смог на новой должности оправдать доверия, но уже поздно. Помолитесь за Павла Благово».

И Свистунов через стол показал сыщику эту предсмертную записку,

написанную его, Благово, почерком! Сходство было необыкновенным.

— Поверят, батенька, поверят, — ласково утешил коллежского советника «христос». — Почечки у вас больные... Да и очень уж натурально будет выглядеть ваше самоповешенье. Вы бы, может, и заподозрили, а эти каргеры со львовыми все скушают что ни сунь. Игнат, голубчик, начинай.

Тот молча вынул из кармана веревку и тряпку, деловито шагнул к Благово. Коллежский советник вскочил с дивана и сжал кулаки. Игнат снисходительно улыбнулся, сделал еще шаг, и тут вдруг во входную дверь сильно постучали, и раздался взволнованный голос Лыкова:

— Павел Афанасьевич! Вас граф Игнатьев вызывает, срочно!

Игнат сразу же отступил, старик недовольно скривился:

— Кто там еще?

— Желаете познакомиться? — сразу приободрился Благово. — Не советую. Это Лыков Алексей Николаевич. Тот, который сегодня ночью, безоружный, самого Осипа Лякина придушил и труп в Макарьевскую часть принес на опознание. На плече, как мешок. А перед тем голыми руками кандалы порвал и дубовую дверь из косяка выломал.

Свистунов посмотрел на Игната, тот молча кивнул.

— Павел Афанасьевич! — не унимался Лыков и грохнул кулаком так, что стена загудела. — Откройте! Очень срочно вызывают!

Свистунов подумал секунду, но, видимо, явное убийство чиновника такого ранга было для них небезопасно, а на тайное времени уже не оставалось. Поэтому он взял со стола коробку, кивнул недовольно Игнату и быстро пошел к черному ходу. Тот засеменил следом за хозяином, глядя настороженно, не бросится ли Благово в драку. Однако Павлу Афанасьевичу было не до этого — он побежал открывать дверь Лыкову.

Когда Алексей наконец-то вошел, его поразило серое лицо начальника.

— Вы больны, Павел Афанасьевич? Устали? — обеспокоился он.

«Сказать? Но он может быть без оружия, и потом, он один, измотанный, а Игнат — птица серьезная. Нет, хватит Лыкову на сегодня подвигов», — решил Благово и промолчал. Быстро переменял рубашку, умылся и спустился со своим помощником к коляске. Они доехали уже почти до Театральной площади, когда он наконец положил руку на чугунное плечо Алексея:

— Знаешь, Алексей Николаевич, вовремя ты сейчас появился. У меня Свистунов с Игнатом сидели, хотели, чтобы я дело Косарева закрыл, деньги предлагали или — на выбор — веревку. Я, по правде говоря, уже и с жизнью простился...

Лыков изумленно уставился на начальника, а когда понял, что тот не шутит, ни слова не говоря выпрыгнул на ходу из коляски, выхватывая на лету револьвер, и побежал обратно к дому Благово.

— Стой! — гаркнул ему вслед морским рыком Павел Афанасьевич. — Их след давно простыл. Садись, едем к графу Игнатьеву.

«Интересно, — думал Благово, поглядывая искоса на расстроенного Алексея, — кого я давеча спас, промолчав — его или Игната?». Запас жизненной энергии у Лыкова все больше и больше поражал его...

## Глава 13

### Лыков



Тихоновская улица (вид на Дмитриевскую башню кремля).

Неожиданно для Алексея, в приемной генерал-губернатора Благово велел ему идти в кабинет вместе с ним.

Слегка робея, Лыков вытянулся во фронт, четким строевым шагом дошел до середины большого кабинета и застыл.

Из-за стола поднялся среднего роста, крепко сложенный человек лет сорока пяти-сорока семи, с залысиной, густыми усами с тонко подбритыми, загнутыми вниз подусниками и с начинающим добреть подбородком. Он был в обыкновенном мундире<sup>[13]</sup> с генерал-адъютантским аксельбантом и свитскими вензелями на погонах полного генерала, с шейными орденами Александра Невского и Владимира и знаком Академии Генерального штаба. Глаза Игнатьева смотрели с благожелательным интересом.

— Так вот он какой, наш голиаф! Хм... на вид и не скажешь.

— Вот и они так же обманулись, Николай Павлович, — шагнул из-за плеча Алексея Благово.

«Ну и ну! Это он уже с самим Игнатьевым по имени-отчеству! —

удивился Лыков. — А Кутайсова даже генерал-майор Каргер не смеет называть Павлом Ипполитовичем...».

Далее уже генерал-губернатор удивил Алексея, протянув ему крепкую ладонь.

— Говорят, это небезопасно, Алексей Николаевич, но я все же рискну пожать вашу руку.

Лыков растаял окончательно.

Они уселись за необъятный стол начальника губернии, за которым уже сидели Каргер и — скромно, с краю — адъютант графа поручик Федоров.

— Расскажите ваш ночной поход в подробностях, — потребовал Игнатьев, и Алексей, почти уже не волнуясь, изложил все как было. Когда он рассказал, как порвал кандалы и выломал дубовую дверь, Игнатьев крикнул, Благово молча стукнул себя кулаком по колену, а Каргер восхищенно подтвердил:

— Все точно, Николай Павлович! Я потом эту дверь на пожаре видел, валялась с шурупами в петлях, так я ее даже приподнять не смог.

Когда же Алексей, немного опасаясь укоров, описал, как они с Буффало убили в подвале троих человек, Игнатьев, почувствовав это, успокоил:

— Необходимая самооборона, так и укажите в рапорте.

По окончании рассказа Игнатьев молча протянул руку, а Благово так же молча вложил в нее какой-то документ.

— Так... родился 16 августа 1857 года, из новых потомственных дворян. Закончил полный гимназический курс. Год и пять месяцев провоевал вольноопределяющимся в пластунской команде 161-го Александропольского полка. Дважды тяжело ранен... Знак Отличия Военного ордена Святого Георгия 4 степени, светло-бронзовая медаль в память войны 1877–1878 годов, Знак Отличия ордена Святыя Анны с бантом. Анненскую медаль как получили? Она же дается за военные отличия, но в мирное время... ах, да, тут указано, что за абреков. С марта 1879 года помощник квартального надзирателя, с 18 июня — сыскного надзирателя Макарьевской части в чине коллежского регистратора... Да, с этим чином надо что-то делать. Федоров!

Поручик вскочил, как гуттаперчевый.

— Подготовь два приказа за моей подписью. Первый датируй девятнадцатым числом, о производстве Лыкова Алексея Николаевича в следующий классный чин губернского секретаря. Второй приказ — от сего дня, о переводе Лыкова исправляющим должность помощника начальника Нижегородской сыскной полиции с присвоением ему чина титулярного

советника.

Алексей недоверчиво посмотрел на Игнатьева, потом на Благово. Тот одобряюще улыбнулся:

— Мы говорили о вас (на людях Благово был с Лыковым на «вы») с их сиятельством. У меня вакантна должность моего помощника. В расследовании дела о рукописи Аввакума вы проявили себя с самой лучшей стороны. И хотя вы еще очень молоды и неопытны, у вас хорошие задатки, ну, и я буду помогать, выучивать. Или вы не хотите?

— Почту за честь работать с вами в этой должности, хотя и уверен, что не достоин ее еще, — сдержанно ответил Лыков; у него уже голова пошла кругом. Еще пять дней назад он был помощником квартального надзирателя, а теперь — второе лицо в губернском сыске! Было и боязно (действительно ведь еще не готов), и лестно, а более всего хотелось служить под прямым началом Благово.

— Николай Павлович, — кашлянул в кулак Каргер, — помните, мы еще говорили...

— Помню, помню. Вы, Алексей Николаевич, неоднократно рисковали жизнью за эти дни, пока банда Лякина разгуливала по ярмарке. Фактически, вдвоем с этим... Буффало вы истребили эту ужасную шайку вместе с ее главарем. При умелом руководстве со стороны господина Благово...

— И господина полицмейстера, — дипломатично вставил начальник сыскальной полиции.

— И господина Каргера, — охотно согласился Игнатьев (чувствовалось, что ему для пользы дела крестов и чинов не жалко). — Такое особое мужество должно быть отмечено. Думаю, что государь император не откажет в моем ходатайстве об утверждении вас кавалером Святого Равноапостольного князя Владимира 4 степени.

Лыков покраснел, а Благово окончательно добил его, словно прочел мысли:

— Как у вашего покойного батюшки, только без мечей и банта. Хотя за устранение таких злодеев да с таким риском я мечи бы присваивал.

Алексей знал, что Владимирский крест, в отличие от Анны или Станислава, носился на военном или чиновном мундире всегда; его нельзя было снимать. Выше и почитаемей его был только Георгий, который, разумеется, полицейские чиновники получить не могли по статусу.

Игнатьев, Благово, Каргер и поручик Федоров встали и молча, с чувством пожали Алексею руку. Тот был ошарашен — что делать? Куда бежать? Удобно ли звать Благово в ресторацию? А полицмейстера? И что

скажут матушка с сестрицей! Как жалко, что папенька не дожил!

Но тут Благово начал рассказывать о посещении его Свистуновым со своим зловещим Игнатом, и стало не до ресторации. Граф был взбешен донельзя в гневе грохнул кулачищем по столу так, что чуть не смел на пол серебряный чернильный прибор.

— Как он посмел! Моего начальника сыскной полиции! В собственной квартире средь бела дня!

Немного успокоившись, он приказал:

— Арестовать обоих сукиных детей и запереть в острог. Посадить в самую грязную и вонючую камеру. И дело расследовать как можно медленнее. Они что думают, мы на них управу не найдем?

— Ваше сиятельство, — как всегда, принялся унимать разбушевавшееся начальство Благово. — Этого нельзя делать. Что мы сможем им предъявить?

— Ваш рапорт о попытке покушения плюс убийство купца Косарева.

— Ни то, ни другое не доказуемо. Хлысты наймут лучших столичных адвокатов, которые выставят нас на посмешище газетчикам. А два десятка свидетелей подтвердят, что в указанные дни они видели обоих обвиняемых в Богородске, и те из дому не выезжали.

Граф осекся, задумался. Упоминание о газетчиках особенно его не обрадовало.

— И что же тогда? Так им все и спустить?

— Ну зачем спускать такие вещи, Николай Павлович? Есть один вариант.

— Конечно! — хлопнул себя по лбу ладонью Игнатьев. — Ах я... генерал-адъютант! Буффалу на них наслать! Он же должен разыскать и представить завещание Аввакума.

— Точно так, Николай Павлович, — почтительно подтвердил Благово. — А чтобы мы были в курсе дела, приставим к нему титулярного советника Лыкова. У них хорошо вдвоем получается.

— Только где же их сейчас сыщешь? — сокрушенно сказал Каргер. — Они наверняка уже бежали из города. Домой кинулись — они ведь не здешние?

— Свистунов — потомственный почетный гражданин города Богородска Московской губернии. Показывает капиталы купца второй гильдии, хотя управляет суммами порядка двадцати миллионов рублей.

— Двадцать миллионов! — ахнул Игнатьев. — Это все его деньги?

— Это их деньги. Общественные капиталы, хлыстовские. Половина размещена в банковские вексели и в купонные облигации, остальные

средства выданы в кредит хлыстовским предприятиям...

— Откуда вы все знаете, Павел Афанасьевич? — удивился генерал-губернатор.

— Служба такая, Николай Павлович... В Богородске у Свистунова огромная усадьба, 10 человек охраны плюс особый отряд боевиков во главе с Игнатом, оружейный склад, моленный дом, хлыстовская канцелярия, гарем, тайная почта и даже собственная тюрьма. Восемь соседних домов также куплены хлыстами, то есть вся улица их.

— А полиция в Богородске есть?

— Есть, но она тоже их.

— То есть, если Свистунов с Игнатом доберутся до дома, то нам их уже не достать?

— Они не могут сейчас поехать домой — мы их там в первую очередь искать станем, да и в поездах филеров выставим. Московский поезд только вечером уйдет.

— Вы только что убедительно доказали нам, что этого делать не надо! — изумился Игнатьев.

— Но ведь они же этого не знают! Поэтому допускают, что мы попытаемся их арестовать. А у них на руках бесценная реликвия — завещание Аввакума. Адвокаты когда еще появятся, мы рукописью уже завладеем, мало ли что с ней может случиться... Вдруг Каргер с Благово продадут ее за полмиллиона рогожцам и выйдут в отставку; им этих денег до конца жизни хватит. Поэтому Свистунов со своим цербером залегли в одном из тайных хлыстовских убежищ и пару недель там проживут. Спишутся с Богородском — были ли обыски. Пошлют несколько человек поездом в Москву — выяснить, есть ли в поездах филеры. И так далее...

— Логично, — согласился Игнатьев. — Вы, скорее всего, правы. Но как нам их тогда разыскать?

— Вряд ли они прячутся в Нижнем Новгороде, это слишком опасно. Скорее всего, они выберут место в каком-нибудь уезде, где слабы полицейские силы и имеется влиятельная хлыстовская община. А таких мест не так уж и много. Кроме того, Буффало учинит собственный поиск. Так с двух сторон и отыщем. Придется всю губернию обшаривать.

Четыре дня чехвостили полицейские губернию. Буффало исчез, наверняка, тоже искал рукопись. Однажды только появился, они пообедали вдвоем в трактире Барбатенкова, и там Лыков рассказал ему, как Иван Иванович «расколол» молодого Прохорова на встречу, и как его за это убили. Высказал подозрение, что увидел их разговор на улице, догадался о его сути и предупредил Лякина именно Иван Найденов.

Буффало слушал внимательно, задал несколько вопросов, потом сказал:

— Мы тоже чувствовали, что есть предатель. Про Найденова известно, что он тайно общается с «раздорниками» и претендует у них на важную роль; хочет выскочить из-под Морозовых и сам стать главным. Так что, ты, скорее всего, прав. Я расскажу о твоём подозрении Арсению Ивановичу.

— Неужто убьете?

— Прикажут — убью, конечно. Но ты не думай, я не палач какой. Я имею право голоса и всегда высказываю свое мнение. На совете я выскажусь за то, чтобы отобрать у Найденова в наказание его дело. Дадим ему маленькое содержание, пусть живет, но впроголодь.

— Как отобрать дело? А он захочет отдавать?

— Захочет, иначе мы его тогда точно убьем. А так будет жить в скромном домике на окраине, без права где-нибудь работать, и получать пенсию как у титулярного советника. Сколько там получают титулярные? — вставил шпильку Буффало.

— До смешного мало, — грустно ответил Лыков.

На этом в тот раз и расстались.

Ярмарка между тем развивалась и расширялась. Съехались наконец все купцы и мануфактуристы; 25-го июля, в день Макария Желтоводского, совершили второй крестный ход. Все лавки были открыты и ломились от покупателей, толпы зевак фланировали по улицам Гостиного двора и обоим берегам Бетанкуровского канала. В трактирах и ресторанах рядились купцы, торговались за полкопейки с партии; открылись цирк, неизбежный зверинец и оба ярмарочных театра.

На Самокатах с исчезновением зловещего трактира Кузнецова все переменилось. В толпе, между балаганами и портерными ходили сильные полицейские наряды; одетые в статское агенты сыскной полиции ловили карманников прямо на месте преступления. Ночью вместо городских дежурили казаки, у которых с подозрительным элементом разговор был короткий. Второго по величине самокатского злодея Ивана Сушкина вызвали к полицмейстеру, и тот так с ним поговорил, что трактирщик срочно уехал на все время ярмарки в деревню (это в самый-то разгар!), оставив заведение на малохольного младшего брата.

Граф Игнатьев быстро завоевал среди ярмарочного населения невиданную популярность. Он был непривычно доступен, вопросы решал мгновенно и демократично. Ежедневно в шесть часов поутру он, в сопровождении одного лишь поручика Федорова, объезжал в коляске ярмарочную территорию, причем сам принимал прошения и в тот же день

делал по ним распоряжения! По ночам же с неизменным Федоровым осматривал ярмарку уже верхом, лично проверяя полицейские и казачьи караулы.

Через четыре дня (!) после приезда Игнатьев издал обязательные постановления о пожарной безопасности ярмарки. Была учреждена особая охрана: по четыре стражника на каждый ряд Гостиного двора, а за его пределами — по два караульщика на каждые 50 сажень; за караульщиками поручено наблюдать рядским старостам. В столице заказали какую-то сверхсильную пожарную машину. Все лавковладельцы поставили во дворе чаны с водой; на Сибирской пристани были заведены свои, пристанские пожарные команды.

Граф завинтил гайки и в смысле разгула (не без помощи и совета Благово). В час ночи должны были закрываться все харчевни и увеселительные заведения, а в два часа — все трактиры и рестораны. Жертвой этого режима стал даже губернатор Кутайсов, решивший, что на него этот запрет не распространяется и захотевший посидеть с гостями до трех часов утра: к нему в ресторан пришел сам Каргер и передал личный приказ Игнатьева «закругляться». После этого случая ночная жизнь ярмарки сразу стала более сдержанной и приличной.

Рота гарнизонного батальона при поддержке речной полиции ранним утром захватила без всякого сопротивления остров Кавказ, арестовав 63 беспаспортных, среди которых оказалось много беглых в розыске. Остров включили в ярмарочную территорию, отдав под мочальные склады.

Здобнов выписался из больницы и долечивался дома. Он жил на Тихоновской улице, в ста саженьях от кремля, в доме, где, согласно городскому преданию, во время эвакуации 1812 года гостил Карамзин. Иван Иванович выкупил половину исторического дома и поселился в нем со своей сестрой — старой девой. Сам он давно уже был вдов, единственная дочка вышла замуж за инженера-механика флота и жила в Кронштадте, изредка наезжая в гости с двумя сыновьями.

К тому, что Лешка Лыков стал теперь его начальником, Здобнов отнесся с необидной иронией и явной за ученика гордостью. Опытный человек, он понимал, что Алексей никакой пока не помощник начальника сыскной полиции, что Благово еще долго будет делать все сам, но что он выбрал себе наследника и станет теперь кропотливо лепить из него сыщика.

Алексей застал старика сидящим на крыльце с папироской в зубах, читающим «Полицейские ведомости». Радостно отложив газету, Иван Иванович выставил на стол свой знаменитый травничек — настойку на

листе груши «бергамот». Напиток этот, называемый заглазно почитателями здобновкой, любили и полицмейстер, и даже аристократ граф Кутайсов, и еще с полсотни уважаемых в городе людей. Лыков удостоился чести войти в этот избранный круг впервые, был польщен и в итоге засиделся за полночь. Сказать по правде, они сильно набрались. Захмелевший Здобнов принялся вспоминать своего давнего начальника, печально знаменитого Лаппо-Стороженецкого, нижегородского полицмейстера в пятидесятых — начале шестидесятых годов. Горожане и гости ярмарки дали ему заслуженную кличку Лапа Загребистый. Лапа вместе со своим помощником, макарьевским приставом Шпицбалом, оставили по себе неизгладимую память в сердцах нижегородцев. Лихоимство приняло такие масштабы и стало таким беззастенчивым, что не поддается описанию. Знаменитый вертеп Зотыкевича «Золотой якорь», ныне давно уже закрытый, один выплачивал Лапе 50 тысяч за сезон; зато пьяные драки и дебоши происходили там ежевечерне и безнаказанно, бывали и убийства. Иногда, не довольствуясь уже полученным кушем, Лаппо-Стороженецкий подсылал к Зотыкевичу переодетых городских, которые провоцировали совсем уж грандиозные мордобои. Разнимать эти безобразия приезжал тогда лично полицмейстер за отдельную плату.

Прославился Лапа и тем, что во всем Нижнем Новгороде почти не осталось городских с полным набором зубов. Полицмейстер был вспыльчивым мужчиной саженного роста... В итоге, когда город посетил цесаревич (нынешний император), пришлось выписывать на время постовых с зубами из уездных городов. Лишь в 1869 году знаменитого лихоима вытурили в отставку за соучастие в «соляном деле» Вердеревских, когда было расхищено полтора миллиона пудов соли. Тогда-то полицмейстером и стал честный и старательный Каргер, а город и ярмарка вздохнули свободно.

На этой фразе Здобнов уснул прямо за столом. Алексей, под ворчание сестры Ивана Ивановича, перенес его на постель и ушел домой, где услышал от матери, что ему пора жениться («чтоб не шлялся допоздна и водку не пил»).

На следующий день произошло еще одно событие: Арсений Морозов вместе с ювелиром Гаммелем пришли на прием к графу Игнатьеву. Пришли и попросили его разрешить им вручить титулярному советнику Лыкову пять тысяч рублей за спасение, с риском для жизни, рогожской казны. Игнатьев тотчас же вызвал Благово и Алексея и устроил при них торг, сказав:

— Мне приятно разрешить Алексею Николаевичу принять вашу

премию; он ее, безусловно, заслужил. Но не будет ли вашего любезного согласия на пожертвование еще некоторой суммы для создания при ярмарке ночлежного дома в помощь бесприютным бродягам?

Морозов изумился, но выписал с недовольным лицом ассигновку на две тысячи рублей. Затем сказал:

— Вам, ваше сиятельство, тесновато будет в этом кресле. Не желаете ли в Петербург? Можем посодействовать, ежели договоримся.

Пришла пора изумляться Игнатьеву:

— Я трижды генерал: от инфантерии, адъютант и губернатор, а кроме того, член Государственного совета и граф Российской империи. Кем, по вашему, я еще могу стать?

— Министром внутренних дел, к примеру.

— Отец мой, граф Павел Николаевич, был и министром, и даже председателем Комитета министров, так, говорит, ничего в этом хорошего нет, одна суета сует.

— Пока сами не попробуете, не узнаете, ваше сиятельство. Повторяю, могу посодействовать при определенных условиях.

Ситуация становилась неприличной: толстосум ангажировал генерал-губернатора прямо на глазах у его подчиненных. Игнатьев сам уже был не рад, что вызвал двух сыщиков и затеял при них торг. Морозов же, понимая всю скандальность этой сцены, сидел спокойно, даже небрежно, глядел уверенно. «Эх, плакали мои денежки», — расстроился было Алексей, но граф вдруг рассмеялся.

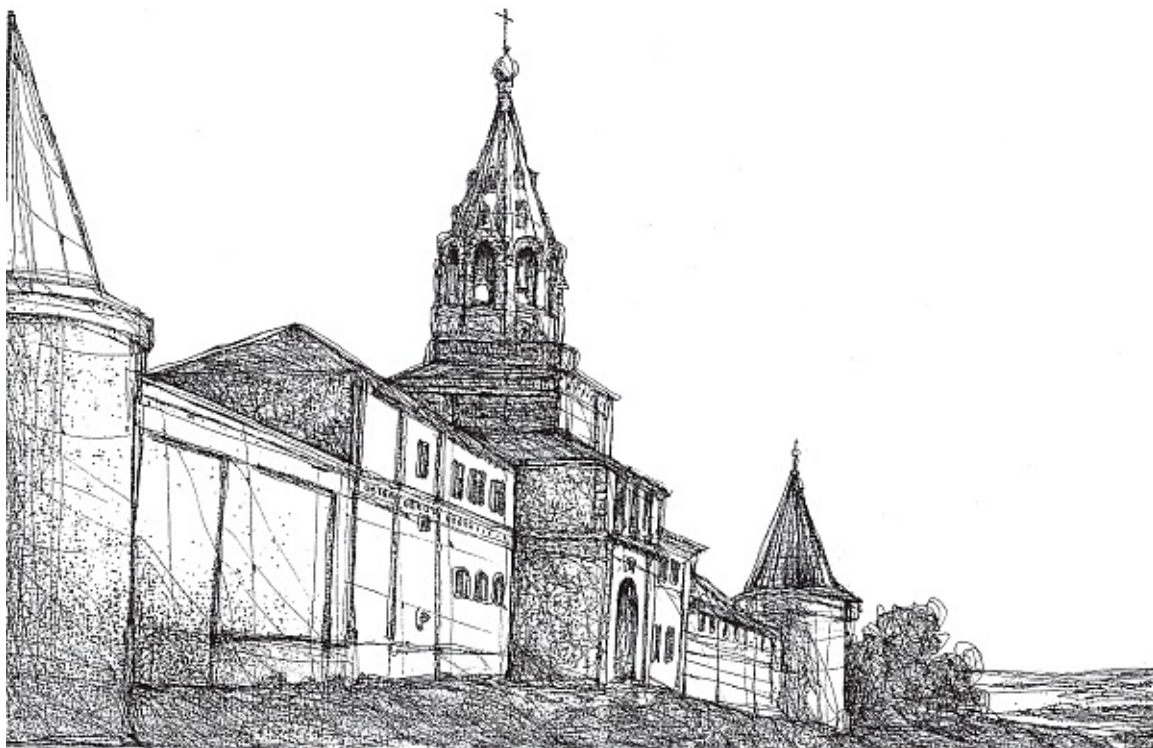
— Ну и выжига же вы, господин Морозов! Я вас всего на две тысячи растряс, да на благое дело, так вы решили за них моральную сатисфакцию получить. Так и быть! Насчет министерства поговорим, но не сейчас; договариваться я готов, но не обо всем. А деньги Лыкову отдайте!

Морозов зыркнул на ювелира, который все время молчал и жался к купцу, как миноноска к линкору (по образному сравнению Благово), и тот полез в портфель...

Так начала сбываться мечта Лыкова стать домовладельцем.

## Глава 14

### Тайное убежище



Ворсменский Островоозерский монастырь.

На исходе четвертого дня поисков, около девяти часов пополудни, Алексея разыскал Буффало. Он был мрачен и зол; значит, следа так и не взял. Они сели в углу кабинета Благово, и рогожец коротко рассказал, как безрезультатно облазил Семенов и Павлово-на-Оке. Только он хотел завершить доклад короткой нелитературной фразой, как вдруг дверь с треском распахнулась и вбежал хозяин кабинета. Он был весело возбужден, энергически махал руками и пытался напевать. Увидев Лыкова с Буффалой, еще более обрадовался:

— О! Вы оба здесь. За мной!

Втроем они бегом пересекли переполненную приемную полицмейстера и без доклада прошли к нему. Тот, как только увидел Благово, быстро выставил просителя, усадил вошедших и внимательно уставился на Павла Афанасьевича.

— Нашел! — сразу же выложил козыря начальник сыскной полиции.

— Где? — одновременно спросили все трое.

— Человек у меня есть в Ворсме, в хлыстовском «корабле» состоит. Он и доложил о пребывании у них высокого начальства.

— Берите десять человек и... хотя нет, мы же решили их не трогать, — осекся Каргер. — Или тронем?

Благово усмехнулся:

— Десять человек там ничего не сделают. В Ворсме сильная община, по первому же сигналу сбежится человек сорок мужиков с топорами. А сам Свистунов не в селе скрывается, а в Троицком Островоозерском монастыре, что на острове посреди Ворсменского озера. Попастъ туда можно по единственному мосту, который, как вы понимаете, денно и нощно охраняется. Имеется также тайный подземный ход из монастыря на окраину Ворсмы. Все это мы против них же и обратим. Значит, так...

В 1640 году боярин Иван Борисович Черкасский занемог и едва не преставился. Замаливая грехи, он повелел перевести из Павлова-на-Оке на остров Ворсменского озера несколько монахов, которые срубили здесь деревянный храм с постройками. Так была создана небольшая вотчинная обитель. Однако боярин на этот раз выздоровел, и о крохотном монастыре надолго забыли.

В 1682 году в Москве поднялся стрелецкий бунт, подстрекаемый царевной Софьей и Хованскими и направленный против малолетнего Петра Алексеевича и его ближайшей родни — Нарышкиных. Озверелые толпы пьяных стрельцов разгромили несколько усадеб враждебных Хованским бояр, а их хозяев порубили секирами. Молодой боярин Михаил Яковлевич Черкасский спасся только тем, что укрылся в потайной подземной горнице своего кремлевского дворца. Слушая доносящиеся сверху топот и крики разыскивающих его погромщиков, он дал обет, что если уцелеет, выстроит Островоозерский монастырь в камне. Боярин уцелел, бунт благополучно подавили, стрельцов развешали по зубцам кремлевских стен и... Черкасский забыл о своем обете. Однако жизнь сама ему о нем напомнила: в 1687 году деревянный монастырь в одночасье сгорел дотла. Волей-неволей пришлось забывчивому боярину выполнять данное им Богу обещание, и в два года была выстроена в камне новая обитель, с красивым пятиглавым Троицким собором, обнесенная высокой стеной с четырьмя круглыми башнями по углам.

Однако спустя два столетия Троицкий Островоозерский монастырь тихо угасал. В нем доживали свой век всего трое престарелых монахов, забытых епархией. Под этой личиной сонного застоя велась другая, тайная жизнь. Игумен Иоанн, став секретно от синодальной церкви «христом»

ворсменского «корабля», устроил в монастыре сектантский схрон. В большом промышленном селе Ворсма хлыстовство исповедовали более двухсот семей; это был самый большой «корабль» в губернии и потому — самое надежное укрытие для эмиссаров секты.

Четыре года назад молодой ворсменский хлыст попался полиции при покушении на грабеж. У парня жена была на сносях, и он мог получить либо пять лет каторги с последующим пожизненным поселением в Сибири, либо три года арестантских рот — в зависимости от настойчивости прокурора. Прокурор обвинял вяло, без вдохновения, парень ушел в роты и вот уже год как вернулся в село, отбыв наказание. Теперь Благово напомнил ему старый уговор и показал подписанные четыре года назад бумаги...

Коллежский советник выложил на стол план монастыря с обозначенным подземным ходом. Каргер, который до прихода в полицию служил главным лесным ревизором губернии, хмыкнул в усы: «Знакомые места!». Благово принялся излагать диспозицию:

— От берега озера до околицы села всего сто саженей; некоторые бани стоят почти у воды. Вот эта баня — тайный выход из подземной галереи. Здесь надо поставить одного надежного человека. Предлагаю Ничепорукова — он опытен и, так уж получилось, больше других знает о деле с завещанием Аввакума. Лишние глаза и уши нам здесь ни к чему. А одного вооруженного и решительного человека достаточно, чтобы никто не смог вылезти из подземелья.

— Согласен, — коротко сказал Каргер.

— Далее. В самой Ворсме несколько сот хлыстов, и если они услышат шум с острова, то могут прибежать своему вождю на выручку. Поэтому на въезде в село и по берегу озера надо поставить сильную казачью команду. В случае чего одного залпа в воздух для острастки будет достаточно.

— Я распоряжусь.

— Теперь сам остров. Он довольно большой, но вот здесь до берега всего тридцать саженей. Тут, понятно, и поставили мост. На том его конце в кустах постоянно дежурят два караульщика. Еще один ставится на ночь в монастырских воротах. Лыков переплывет на остров здесь, возле южной башни; отсюда обзор для них самый неудобный. Бесшумно проберется к мосту с тыла — ему это привычное, на войне не раз проделывал.

Лыков молча кивнул.

— Мы с Федором Ивановичем открыто, не таясь, съезжаем с горы и идем по мосту на остров. Караульщики нас останавливают, мы завязываем разговор, Алексей Николаевич нападает на них сзади и — проход свободен. После этого Федор Иванович идет в монастырь выручать свою рукопись, а

мы блокируем все выходы с острова.

— Один идет? — холодно осведомился Лыков.

— Один, — жестко ответил Благово. — Вы полицейский чиновник, лицо официальное. Там без кровопролития не обойдется. Как мы объясним ваше в нем участие? Разрешение на арест Свистунова прокурор не даст.

— Не годится, Павел Афанасьевич, — столь же жестко заявил Лыков. — Там их на острове может быть целый отряд. Один Игнат чего стоит. Поднимется стрельба. Федор, конечно, многих положит, но шансы его выжить невелики. А потом, когда стрельба стихнет, Свистунов с рукописью под мышкой выйдет на мостик, раскланяется с нами и исчезнет в тумане? Зачем же тогда казаки, я на острове, Ничепоруков в бане?

— Затем, чтобы создать наилучшие условия для Буффало. Это все, чем мы можем ему помочь. Идти вам на остров я запрещаю.

И тут вдруг неожиданно в спор вмешался Каргер:

— А я разрешаю.

— Но, Николай Густавович...

— Никаких «но», господин коллежский советник! Не забываетесь! У меня имеется ваш официальный рапорт об убийстве купца Косарева, замаскированном под самоубийство. В этом рапорте вы указываете на Игната... как его?

— Поберуйко, ваше превосходительство.

— ...Поберуйко как на главного подозреваемого в этом преступлении. Вот я и командирую вашего помощника Лыкова для арестования указанного лица. Для этого и казаки, кстати. А если господин Буффало... то есть Ратманов, случайно в это же время оказался на острове, так нас это не касается.

Рогожец удовлетворенно улыбнулся:

— Точно, ваше превосходительство! Я там рыбу ловил, а они на меня почему-то напали.

— А подозреваемый Поберуйко оказал сопротивление при аресте, — поддакнул Алексей. — Значит, и впрямь вину за собой знал, раз бежать пытался.

— Я понимаю, Павел Афанасьевич, — уже спокойно сказал Каргер, — вы боитесь за вашего помощника. Однако у нас такая служба. Свистунов не может быть задержан, но он не должен и уйти, чтобы и далее безнаказанно убивать людей. Пусть поэтому Алексей доведет дело до конца теми средствами, которыми сможет.

На этом совещание закончилось, но между Лыковым и его начальником впервые пробежала черная кошка. Поэтому, когда Буффало

отпросился на полчаса и они остались вдвоем, Павел Афанасьевич тотчас же стал объясняться:

— Пойми, Алексей Николаевич! Я тебя столько времени ждал, чтобы было на кого дело оставить. Я хочу успеть вырастить из тебя своего преемника. Почки у меня ни к черту. Сколько я еще прослужу? Лет пять, и то если повезет. Врачи говорят, надо переезжать в Мариенбад, вода там для меня самая подходящая, тогда, может, и десять лет протяну. Если продать Чиргуши, да жить там экономно, на десять лет этих денег должно хватить. Правда, я там с этой немчурой раньше сдохну, от скуки.

Ты еще молод и ничего не умеешь. Тебе сейчас нравится из револьвера стрелять, кулачищами махать, а наше сыщицкое дело совсем не в этом состоит. Это должны городовые делать. Мы, сыщики, должны думать и знать. Предвидеть. Опережать. Я смогу натаскать тебя за те несколько лет, что у меня еще остались. Агентуру свою личную сдам, связи в губернском правлении и по министерству. Картотеку всю выложу, причем не только ту, что в несгораемом шкафу, но и ту, что в голове, что нельзя бумаге доверить. Например, у нас один из богатейших в городе купцов фальшивые деньги выделяет, я за ним третий год слежу, поймать не могу. Но поймаю. А ты все мои расчеты обрушить хочешь! Под пули с этим рогожцем идти собрался. Там этих головорезов не меньше десятка; источник сообщает, что одного хлеба ежедневно одиннадцать караваев завозится. Буффало туда пойдет — у него ремесло такое, он больше губернатора зарабатывает. А ты за что голову подставляешь?

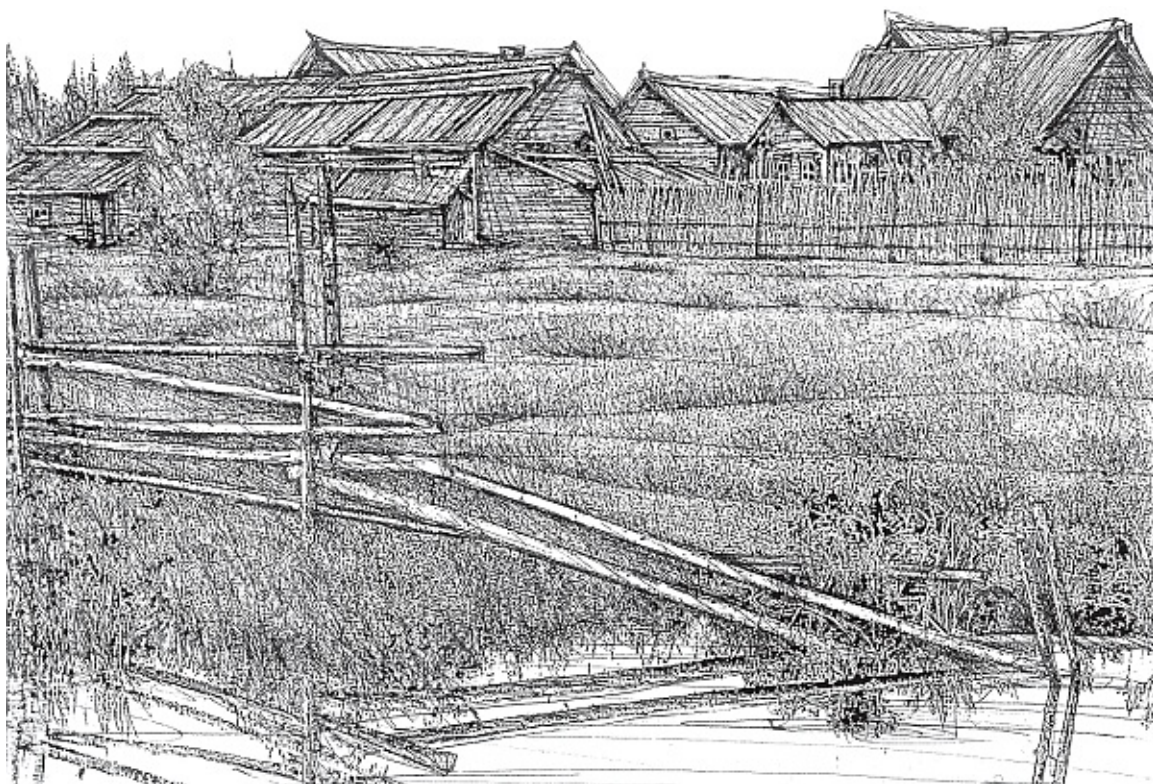
— По двум причинам, — отвечал несколько успокоенный Лыков (про больные почки и Мариенбад он ничего не знал, а предложение стать учеником и преемником Благово очень было ему по душе). — Во-первых, нельзя туда Федора одного отпускать, не по-людски это. Убьют бычину, я себе этого никогда не прощу, что мог помочь, да не помог. И вам такой помощник не нужен, который со спокойной кровью товарища под пули посылает, а сам из безопасного места наблюдает. Ну, а во-вторых, у меня к этим ребятам собственный счет имеется, за то, что к вам без спроса в гости пришли и веревкой махали. За это они оба мне лично и ответят.

Последняя фраза была сказана таким тоном, что Благово поежился. Лыков хоть и молодой еще человек, но злить его — смертельно опасное занятие...

На этом они и помирились, пора было готовиться к операции.

## Глава 15

### Рассказ ковбойца



Окрестности Нижнего Новгорода.

Выехали утром еще до жары в закрытом экипаже: Благово, Лыков, Буффало и на козлах — квартальный Ничепоруков, одетый легковым извозчиком. По старой Московской столбовой дороге добрались до пропахшего кожами Богородска (150 кожевенных заводов в одном городе!), засели секретно в квартире тамошнего исправника и просидели так пять часов. Исправнику сказали, что едут на обыск в деревню Тумботино, что на левом берегу Оки.

Под вечер их экипаж столь же тайно выехал из города. До Ворсмы оставалось двадцать верст. Проехав пятнадцать из них, свернули в лес, забрались далеко в чащу подальше от людей и там заночевали. Благово разрешил разжечь костер в яме от вываленной сосны лишь потому, что иначе комары заели бы их насмерть. Поужинали всухомятку ветчиной с хлебом и, не раздеваясь, улеглись спать на сосновых ветках. Но сон не шел, и Алексей, поворочавшись с полчаса с боку на бок, не выдержал, сел и

спросил угадывавшегося в темноте Буффало:

— Федор, а какая она, Америка?

— Странная, — после короткой паузы ответил тот. — Все там у них только строится, все бурлит. Американцев-то, как нации, считай, еще и нет. Есть ирландцы, итальянцы, немцы, евреи, даже китайцы, а американцами они когда еще станут... Но стараются! Русского вот я только одного встретил — донского казака Ивана Турчанинова. Он там у них знаменитый генерал, под именем Джон Турчин. Обрадовался мне...

— А чего тебя вообще в эту Америку занесло?

Буффало недовольно посмотрел на Лыкова, подумал секунду, словно решал, сказать или нет, и неохотно ответил:

— Из России я тогда убегал.

— Что ж так далеко драпанул? Европы тебе не хватило?

— Да я такого человека завалил, что хоть на Японские острова скрывайся. Был такой «король» Хитрова рынка по кличке Стратилат. Ты о нем не слышал, потому как пешком под стол тогда еще ходил.

— Действительно, был такой Иван Голубев по кличке Стратилат, — подтвердил молчавший до сих пор Благово. — Легендарный был мерзавец. Сейчас таких, пожалуй, что и нет. «Король» Хитровки на самом деле правит всем преступным элементом Центральной России; не подчиняются ему лишь Урал с Сибирью и нерусские окраины — кавказцы, поляки, Одесса. Ну и, разумеется, Петербург, там всегда свой «король». Стратилату кланялось пол-империи. Потом он неожиданно погиб при загадочных обстоятельствах. Нешто это вы его, Федор Иванович? Как только решились такого монстра тронуть?

— Пуля-дура любого монстра берет. А решился я, конечно, по глупости и горячности, потому что по уму с такими людьми не связываются.

Я тогда молодой был и самоуверенный, здоровая такая дубина, почти как Лыков. Драться любил, нехорошими вещами баловался: кошельки по ночам отбирал, башлыки да шапки с прохожих снимал. Начинающий, так сказать, бандит. Однажды схватились мы с охраной одного купца, я удачно положил там троих кулаками, и меня заметили. Позвали в конвой самого Стратилата! Три месяца я гордый ходил, всех на улице плечом раздвигал. Фигура! Если бы тогда в Суханово не поехали, я бы, может, уголовную карьеру сделал, стал бы уже чьим-нибудь «к н язем».

— Или тачку катал на Акатуе, — вставил Ничепоруков.

— Или катал бы тачку, — согласился Буффало. — Но мы поехали в Суханово. Есть там Екатерининская пустынь, заброшенный монастырь

между Москвой и Подольском. Нас было трое: я, хозяин и еще Василий, стратилатовский казначей. Из бывших банковских служащих, хитрющая бестия и до баб отменный любитель. Приехали в монастырь, а там у хозяина, оказывается, гарем из малолеток! Я и знать не знал... Монастырь-то уже давно закрыт, а в одном из корпусов, что он у епархии выкупил, живут восемь девочек, из которых самой старшей пятнадцать, а самой младшей десять годов всего! При них старуха-стерва и два валета на охране; замки, решетки — словом, настоящая тюрьма. И раз в месяц Стратилат, оказывается, туда наезжал развлекаться.

Буффало замолчал, зло смотрел в темноту; по лицу его, тускло освещенному костром, ходили желваки.

— Не вынес я эдакого зрелища. Они же дети еще, худенькие, замордованные, старая тварь их за рабов содержала. И эти два... (Буффало сжал кулаки). Правы вы, Павел Афанасьевич — и Ося Душегуб, и прочая нынешняя уголовная шушера — перед Стратилатом щенки. Другого такого с тех пор и не появилось — не может земля, по счастью нашему, подобных демонов часто производить... В общем, все тогда и приключилось. Выпил я к тому же много. Сначала пил, чтобы с души не своротило такую службу служить, а потом у меня злость пошла. Я хоть и разбойник был, но из удалства да по дури, не окончательно еще отпетый. Ну и, это...

— Ты их всех и пострелял?

— Всех. С особенным удовольствием Стратилата с Васькой, они ведь меня с собой в ту комнату затащили. Приучить хотели, думали, я — как они... Час я там просидел, водкой от всего заслонялся, пока наконец не понял, что такие люди жить не должны, и как раз для этого я сюда и доставлен. До сих пор вспоминать невозможно, что я за этот час там увидел... Ну, а уж когда этих двоих прикончил, надо было дело до конца доводить. Принялся за валетов, потом стерву старую разыскал, она было спряталась, да дети разыскали и мне указали. Они потом мне чуть не руки целовали! Отослал я девчонок в Суханово, велел батюшку найти или там кого из земства, а сам спасаться бросился.

Стратилатовские ребята очень на меня осерчали! Принялся я бегать по всей державе, и везде они меня находили. Клятву даже дали, что не успокоятся, пока не убьют. Два раза я просто чудом, Божьей волей спасся. Вижу — плохо мое дело, не отстанут они от меня, надо далеко ноги уносить. Махнул в Ригу, оттуда тайком в трюме — в Роттердам, затем в Портсмут, а из него уж в самый Бостон.

— А ковбойцем как стал?

— С голодухи да от скуки. Пожил я в больших городах — Новом

Йорке, Цинциннати, язык выучил, кой-какую работу нашел. Жил аж на восьмом этаже! А вокруг меня все американцы только про Запад и говорят — какие там земли, стада, золотые да серебряные руды. Я и подался.

Жизнь на Западе очень простая. Все мужики делятся на тех, кто не носит оружие, и тех, кто его носит. Если ты без револьвера, то с виду ничем не хуже других. И никто тебе в «уиски» не плюнет и в морду, как у нас в России, не задвинет. Потому как ты никому не интересен. Ты — мужчина второго сорта, сдачи дать не сможешь, в чем и сознаешься открыто тем способом, что не носишь кобуры. Но уж если ты с оружием, тогда к тебе другое отношение и у тебя другая жизнь. Ты взял на себя обязательство! Поэтому приходится следить за каждым своим словом и за каждым словом, обращенным к тебе. И в случае нанесения оскорбления или даже одной угрозы оскорбления немедленно вызывать обидчика стреляться.

— Прямо как наши дворяне, — усмехнулся было Ничепоруков, но тут же осекся, вспомнив происхождение сидящего рядом начальства.

— Дворяне делают все очень долго: секунданты, условия, попытки примирения... А там кота за хвост не тянут: вышли на улицу, отсчитали шагов двадцать, и можно начинать. Правило только одно: противники должны быть оба готовы к бою, нельзя стрелять без предупреждения, иначе ты преступник, и тебя могут тогда повесить. А ежели ты убил кого-то в честном бою, тогда ты уважаемый член общества, способный за себя постоять.

Полицейские дружно хмыкнули — для российской Немезиды подобное было средневековой дикостью.

— И ты вот так сразу заделался знаменитым стрелком? — продолжал донимать рогожца Алексей.

— У меня обнаружился талант, — безо всякой иронии ответил Буффало. — Там ведь как: или ты убиваешь, или тебя, причем цена твоя выясняется очень быстро. У меня же оказались вроде как врожденные способности, да еще в Москве попался знатный учитель, начальник стратилатовой охраны. Мощный был дядька! Из старых кавказцев, двадцать лет в команде охотников Гребенского войска провоевал, у черта из задницы живой выходил! Он меня за те три месяца, что я московского «короля» караулил, успел немного натаскать. Самые важные вещи я именно от него и узнал.

Обыкновенно стрелки делятся на тех, кто быстро выхватывает оружие, и тех, кто метко стреляет. Каждый под себя всегда и выбирает расстояние на поединке — ближе или дальше. Самые талантливые — они довольно редки — одинаково и быстрые, и меткие. Ну и совсем исключения,

наиредчайшие, это те, кто при таких способностях да еще не боится смерти. Эти люди есть самые опасные.

— Ты, что же, совсем ее не боишься? — недоверчиво спросил Лыков, сам будучи далеко не робкого десятка.

— Как-то так получается... — нимало не рисуясь, пожал плечами Буффало. — Все там будем, раньше или позже. А я один на свете, ничего меня особенно и не держит. Я не прочь, конечно, пожить подольше, но, по большому счету...

Так вот. Знаменитым я стал уже на второй день по приезде в Додж-сити. Иду по улице, на ляжке висит кавалерийский «Писмейкер» с вулканитовой рукояткой, на голове шляпа-стессон, все как у людей. Вдруг возле салуна (это у них так трактиры называются) меня крайне невежливо толкает какой-то наглец и смотрит дерзко, с вызовом. А у меня у самого гонору тогда на троих хватало... На поединках я еще ни разу не дрался, но знакомые ковбойцы были, неписанные законы я знал и в душе был уже готов и даже желал себя попробовать. Ну, осердился я на этого нахала, указываю ему — мол, становись, постреляемся.

Что тут началось! Вся толпа на улице вмиг разбежалась, но недалеко, высовываются из-за углов, из окон, столпились на балконах — целый театр. Смотрят на меня с сожалением, а этот ферт скалится, кланяется направо-налево, паясничает, словно он меня уже победил. Я спокойно стою, но наглость его хочу наказать. Ну, и наказал... Оружие он дернул даже раньше меня, но ствол его только еще из кобуры выходил, а я уж ему пулю вогнал точно промеж глаз. Только ногами засучил... Восторг толпы был полный! У них поединки — любимое зрелище, все разговоры в обществе только о том, кто, кого и как застрелил. Обсуждают достоинства и недостатки бойцов, заключают сделки; есть любимцы и отщепенцы. А я еще, оказывается, шлепнул лучшего стрелка всего графства, а то и штата, знаменитого Джорджа Кастигу. Он там к этому времени уже всех достал. С утра отправлялся шляться по городу и приставал к прохожим, кто с оружием, задирали их, вызывал и убивал, если они не трусили. Застрелил девятнадцать человек! Все его ненавидели и боялись, и ничего не могли сделать — очень уж сильный был стрелок. Дважды население нанимало за деньги ковбойцев, чтобы прикончить Кастигу, и оба раза он валил наемников... Словом, я сразу стал в Додж-сити героем.

— А почему «Буффало»?

— Это у них популярное прозвище. Был Буффало Билл, потом Орлеанский Буффало, я назывался Буффало Теодор. Кулаки у меня всегда были здоровые, и я иногда, из жалости, давал обидчику по-русски в морду,

вместо того чтобы по-американски его убивать. Там же любой сопляк, как только впервые нацепит кобуру, сразу норовит тебя вызвать, думает, что он очень быстрый... У известных стрелков, таких, каким был я, на Западе очень опасная жизнь — постоянно приходится доказывать, что ты не случайно стал знаменит. Лезут и лезут самонадеянные дураки со всей Америки, и тебе, хочешь не хочешь, приходится с ними драться. А на иного смотреть жалко, совсем малец еще, а туда же. Как такого убивать? Ну и задвинешь ему как следует. Летит через весь салун, кувыркается... Поэтому и Буффало.

— Но ты все-таки вернулся в Россию. Не в того попал?

— Угу. Опасно в Америке чем-то выделяться, завистников много появляется. Особенно если ты стрелок. Стал я там многих раздражать, хотя ничего плохого им не делал. Сначала натравили на меня местного маршала, то есть частного пристава, но тот разобрался, и меня отпустили. Тогда эти ребята подготовились получше, и на второй раз у них получилось. Приехал в отпуск молодой парень из местных, тоже знаменитый, лучший стрелок агентства Пинкертона. Его и обработали: наврали, что я — скрывшийся член банды Рино, придумали улики, нашли свидетелей, словом, сделали все по-умному. Парень и заявился прямо в салун меня брать, при толпе народа. Гордый собою... А поскольку он был действительно очень хорош, и слава моя его подзуживала, то все так и получилось.

— Застрелил?

— А что мне оставалось делать? Он не хотел меня арестовывать на самом деле, он хотел меня убить, чтобы доказать, что он — лучший стрелок! Ему едва это не удалось, но я снова оказался чуть-чуть быстрее. Но после случившегося уже нельзя было оставаться в Америке. Если ты там кого убил, пусть даже маршала — просто переехал в другой штат и живи себе спокойно. Полиция у них ничего не может и не хочет, а половина маршалов — сами бандиты будь здоров. Но «пинкертоны» — это другое дело! Они тебя будут искать по всей стране и достанут хоть из-под земли, они в Штатах — настоящая полиция, и границ для них нет. Поэтому мне пришлось бежать сначала в Мексику, а потом и вообще с континента. Так до Москвы и добежал.

— Ну, зато ты теперь догоняешь, а не убегаешь, — поддел Буффало Алексей. — С полицией дружишь, стреляешь только тех, кого следует, и сам как «пинкертон».

Все рассмеялись, но Благово цыкнул и заставил свой отряд спать. До боя оставалось совсем немного.

## Глава 16

### Схватка на острове



Панорама Нижнего Новгорода.

Они встали в три часа утра, натошак, быстро выехали на шоссе и, стараясь не шуметь, осторожно приблизились к самому спуску с горы. Село лежало в низине, по которой протекала река Кишма. Слева, чуть сбоку от села — два больших озера, на одном из них — остров с монастырем. Шоссе хорошо просматривалось с острова, поэтому ехать вниз было пока рано.

Благово раскрыл свой «брегет». Через час прибудут казаки. Он кивнул Лыкову, стараясь не смотреть ему в глаза, и тот молча растворился в лесу. Павел Афанасьевич в сильный морской бинокль внимательно разглядывал спящий монастырь, главки собора, башни, мост. Обитель казалась незаселенной. Он передал бинокль Буффало, объяснил ему, где находится второй сторожевой пост, откуда начинается подземный ход, где гостевые кельи с Игнатом и Свистуновым. Чувство неловкости не покидало его, неловкости оттого, что он не пойдет с ними на остров, а останется на берегу, в безопасности...

Буффало молча надел пуленепробиваемый английский панцирь, скованный из броневых пластин — предмет зависти Благово (в полиции таких не было). Рогожец вечером долго уговаривал Лыкова взять этот

панцирь себе, но тот отказался наотрез.

Оба они так и не увидели плывущего Алексея, но куст у южной башни дважды качнулся, как было условлено. Пора! Экипаж быстро разогнался и, уже не таясь, спустился вниз, к реке. На мосту через Кишму он остановился. Ничепоруков остался на козлах, Благово с Буффало пошли по тропе вдоль реки к озеру. Дошли до второго моста, ведущего на остров, и ступили на него.

Было росистое и холодное утро, начало пятого. Над озером висел плотный, словно из ваты, туман, в котором исчезал дальний конец моста. Тихо, зябко и страшно. Слева что-то плеснуло, Павел Афанасьевич обернулся и увидел, как крупный окунь гонит плотвичку. Та ловко выпрыгнула на лист кувшинки, перелетела его на брюхе и кувыркнулась в густые заросли водорослей с другой стороны листа. Окунь уперся рылом в преграду, постоял так несколько секунд и нехотя нырнул.

Из тумана раздался негромкий голос:

— Кто идет?

Буффало оттер сыщика мощным плечом и так же негромко ответил:

— От Ивана Саввича Игнату каравай.

И поднял над головой заранее приготовленный хлеб. Иваном Саввичем звали главного нижегородского «христа», купца второй гильдии Акинфьева.

— Один подходи, второй стой, где стоишь, — снова раздалось из тумана.

Буффало двинулся по мостику прямо в вату. Ступил на берег и увидел двоих белобрых парней, видимо, братьев-близнецов, в теплых бекешах. Парни смотрели настороженно: у одного в руках была крепкая дубина, второй держал руки в карманах.

— Брось оружие на землю, — сказал первый, держа дубину перед собой.

— В каравае записка... — начал было тянуть время Буффало, но тут парень, стоявший чуть сзади, без звука повалился на землю. Второй только начал было разворачиваться, как Буффало резко ударил его ребром ладони по горлу. Караул был снят.

Из тумана показался Благово, оглядел два безжизненных тела и спросил у Алексея:

— Когда они очнутся?

— Мой полчаса пролежит.

— Мой столько же, только говорить долго не сможет, — дополнил рогожец.

— Свяжите их пока, а я сбегаю к коляске и вернусь. Через 20 минут появятся казаки, Ничепоруков должен их встретить.

Благово исчез, а когда вернулся, братья-близнецы лежали связанные возле моста; Лыкова с Буффало уже не было. Начальник сыскной полиции молча перекрестил туман, затем вынул револьвер, взвел курок и сел на первую доску моста так, чтобы видеть и караульщиков, и весь островной мыс. Теперь ему оставалось только ждать и волноваться.

Две тени бесшумно проскользнули в незакрытую монастырскую калитку. Сразу за ней, сидя на колоде, прислонившись к стене, спал мужик в драном казакине, с всклокоченной бородой, на монаха совсем не похожий. Буффало постоял над ним, примерился и рукоятью револьвера погрузил часового в еще более крепкий сон.

Они пересекли заросший повиликой двор и стали перед дверью в гостевые кельи. Алексей осторожно потрогал ее и кивнул головой, мол, справлюсь. Буффало выставил три пальца: раз! два! три! Лыков собрался как пружина и ринулся вперед. Снес дверь, будто картонную, они с Буффало ворвались в сени и из них — в сумеречную горницу.

На шум из угла, с лежанки вскочили два рослых заспанных парня, но сделать ничего не успели. Алексей схватил их за глотки, поднял на пару вершков над полом, как котят, и крепко стукнул головами. Парни, не сумев даже толком проснуться, обмякли, Лыков бросил их в угол и повернулся к третьему хлысту, который стоял без движения. Ага! Игнат собственной персоной, понял он сразу, а стоит недвижим потому, что Буффало нацелил ему в лоб свой «ремингтон». И только ждет повода, чтобы выстрелить...

Алексей сжал кулаки и сделал шаг к хлысту:

— Я — Лыков. Слышал?

Поберуйко молча кивнул.

— Это ты, мразь, на Павла Афанасьевича веревку запасал?

Интонация у Алексея была как бы небрежная, но Игната передернуло. Вдруг Лыков увидел, что Поберуйко смотрит ему поверх плеча. Мгновенно Буффало чуть повел кистью и выстрелил; за спиной Лыкова раздался крик и грохот упавшего железа. Игнат сделал молниеносный выпад — бил рогожца ножом в живот, но лезвие ударило в панцирь и сломалось. Больше он ничего не успел: Алексей без замаха ударил его в переносицу, пробил выставленные в защиту руки, и Поберуйко, отлетев к стене, гулко ударился об нее затылком и сполз на пол.

За спиной Лыкова кто-то застонал. Он обернулся — в проеме двери, ведущей в соседнюю комнату, корчился на полу старикашка с удивительно злыми глазами. Он зажимал простреленную руку, а рядом валялась

поставленная на боевой взвод винтовка Карле, хорошо знакомая Лыкову по Кавказу. Свистунов! Хотел, гад, ему в спину выстрелить, да разве Буффало опередишь...

Стоять между тем было некогда: на улице слышались голоса и топот многих ног.

— Быстро! — Алексей толкнул Буффало в свистуновскую комнату, за шиворот втащил туда старикашку, запихнул винтовку и запер дверь изнутри на засов. И вовремя: через несколько секунд ее начали сильно трясти, снаружи слышались взволнованные голоса:

— Отец! Отец родной, ты там? Ты жив? Подай голос!

Дверь ходила ходуном, в нее ломилось несколько крепких мужиков, судя по голосам, четверо или пятеро. Долго они с Буффало так не просидят, надо что-то придумывать.

За дверью приглушенно совещались, потом тот же голос сказал:

— Эй вы там, ироды! Отдайте нам отца по-хорошему, хоть умрете спокойно. А то ведь шкуру с живых снимем! Вот те крест, дверь щас вышибем и на ремни вас резать начнем!

Буффало внушительно, с расстановкой ответил:

— Ты бы, сынок, там не петушился. Я сейчас с папашей твоим по-быстрому закончу и к тебе выйду. Тогда уж кто не спрятался — я не виноват!

За дверью озадаченно замолчали. Рогожец кивнул Лыкову на единственное окно — смотри в оба — а сам подсел к лежащему в углу Свистунову. Вынул из сапога нож, помахал им перед носом хлыстовского «христа» и сказал нехорошим голосом:

— Знаешь, старый хрен Свистулькин, как индейцы племени апачей снимают волосы с башки? Нет? Я тебя сейчас научу. Вот смотри...

Свистунов завизжал и стал в страхе отползать от Буффало, но вскоре уперся в стену.

— Это изуверство, вы не посмеете! Лыков, вы же из полиции, остановите его, это противозаконно! Я вам сдаюсь, арестуйте меня!

— Где рукопись? — наступал на хлыста Буффало с таким страшным лицом, что Алексей отвернулся. И вовремя: за окном слышался тихий шорох. Лыков взвел бесшумно курок и навел «смит-вессон» на окно. За стеклом показалось напряженное лицо и ствол ружья. Алексей выстрелил прямо в лоб, раздался крик и стук упавшего тела. За дверью снова стихло, потом удары усилились, видимо, притащили лом. Свистунов сразу приободрился. Дверь затрещала, засов начал выгибаться.

— Сейчас еще и мужики прибегут, — радостно сообщил «христос», —

вас на жаркое настругают, дураков. У меня тут целая армия!

Словно в ответ на это, с шоссе донесся грохот множества копыт.

— Во, казачки появились, точно по расписанию, — одобрительно сказал Буффало. — Сейчас они твою армию знаешь куда заделают? Павел Афанасьевич все продумал. Так где рукопись, козлиная юродивая?

И он, схватив упирающегося Свистунова за шею, пригнул ему голову к полу и слегка царапнул ножом за ухом.

— Вот здесь положено делать первый надрез. «Скалп» называется. Меня сам вождь учил, в теории я владею, пора попрактиковаться... Где рукопись?

— Лыков! Лыков, спасите! Отдаюсь в руки правосудия!

Крик «христа» заставил его охранников усилить напор, дверь затрещала и с лязгом слетела с петель. Несколько человек рванулись в свистуновскую каморку, но Буффало с колена, как всегда, не целясь, разрядил в них оба барабана; Лыков тоже стрелял, почти не видя из-за дыма, куда попадает. Слышались крики, стоны, топот, мелькали и падали какие-то тени.

Вдруг все стихло, только звенели выброшенные экстрактором гильзы да в двери, невидимый за дымом, кто-то выл. Лыков отбросил пустой револьвер и выпрыгнул, как тогда у Гаммеля, по телам наружу, готовый перебить всех уцелевших голыми руками. Но уцелевших не было. Всюду на полу лежали люди в сером, кто-то со стоном выползал в сени, оставляя за собой кровавый след, с улицы слышался удаляющийся топот. Драться было не с кем.

Алексей выскочил на улицу и увидел, как трое оренбургских казаков, предводительствуемые Благово, гонят ему навстречу, в монастырский двор, двух «серых», свистуновских телохранителей. Казаки прикладами повалили их на землю, встали рядом с карабинами наперевес. Благово кинулся к Лыкову, хотел обнять, постеснялся посторонних и только крепко пожал руку.

— А где Федор Иванович?

Тут же, словно дожидаясь, внутри хлопнул выстрел.

— Федор! — выкрикнули хором оба сыщика и, мешая друг другу, бросились в гостевые кельи. Какая-то фигура, скорчившись, осторожно выходила из свистуновской горницы. Алексей узнал крутые плечи Буффало, осторожно тронул его за рукав:

— Ты ранен? Кто стрелял?

Буффало со стоном разогнулся, потер спину, сердито выдохнул:

— Чертов радикулит! На память о Додж-сити оставил, растуды его в

качель...

Алексей и Павел Афанасьевич недоуменно и настороженно смотрели на него.

— Федор Иваныч, ты не ранен? Мы слышали выстрел...

— Пойдемте быстрее на улицу, надоело мне на покойников смотреть, — вместо ответа сказал Буффало и вышел на монастырский двор. — Как тут хорошо-то... Выстрел был, но я не ранен. Это Свистунов застрелился.

— Как застрелился? Из чего?

— Из пальца, — коротко ответил Буффало и пошел к воротам. — Эх, рыбку бы здесь половить, да Арсений Иванович не даст. Да и вообще, домой пора...

— Брось дурить, Федор, — начал горячиться Лыков. — Из какого пальца?

Но Благово успокаивающе потрепал его по плечу:

— Алексей Николаевич, что пристал к человеку! Ну, застрелился, ну, из пальца. Чего в жизни не бывает. Это же Свистунов!

И Лыков сразу успокоился:

— Действительно, что со мной такое? Это же Свистунов!

Все трое рассмеялись и так, смеясь, вышли на берег. Со стороны Ворсмы гудело множество голосов; большая толпа собралась на выезде и напирала на казачью спешенную цепь, грозя ее прорвать.

— Что он делает! — разволновался Благово. — Я же дал все инструкции!

Но тут казаки рывком отделились от толпы шагов на двадцать и грянул залп. Толпа закричала и принялась разбегаться вдоль по проезжей улице прочь от солдат. Грохнул второй залп, крик перешел в какой-то звериный вой, и через минуту улица совершенно опустела; лишь по огородам, теряя лапти и картузы, улепетывали перепуганные хлысты.

— Вот это другое дело, — довольно констатировал Благово. — Ни капли крови, и бунт усмирен; разве только кого медвежья болезнь поразила.

— У нас тут зато крови... — начал было Алексей, как вдруг за их спинами раздались выстрелы. Не сговариваясь, все трое бросились обратно в ворота монастыря, Буффало на бегу ловко вставил в «ремингтон» новый барабан.

Во дворе катался по земле раненный в голову казак; второй, стоя на одном колене, держал на прицеле пленных «серых» и гостевые кельи, голос третьего доносился из игуменских покоев:

— Выходи, хад, я тебя нашинкую!

— Кто-то живой мертвым притворился, а потом ожил, — сразу понял Буффало. — Ловко!

— И убежал в подземный ход, — добавил Благово.

— Ничепоруков! — вспомнил Алексей и рванул обратно за ворота, на берег. — Эй! Батя! Приготовься, прямо к тебе бежит! Внимательней!

Возле бани мелькнула кряжистая фигура квартального и исчезла.

— Услышал или нет? — взволнованно спросил Алексей у Благово. Тот, не отвечая, смотрел, закусив губу, на тот берег. Потом сказал нервно:

— Помолчи! Мы уже ничего не сможем сделать, только разве молиться. Он опытный человек, должен справиться.

Из бани донеслись приглушенные выстрелы, и все стихло. Прибежал Буффало, сказал:

— Остальные мертвые. Игнат это...

Теперь все трое напряженно всматривались в фальшивую баню на берегу. До нее было не более ста саженей, но не земли, а воды. Прошло несколько непереносимо длинных секунд, потом из проема вышел Ничепоруков с револьвером в руках. Крикнул с порога:

— Этот готов! Еще будут? Эй! Мне еще кого ж дать?

Уже затемно, усталые и голодные, они подъезжали к Нижнему Новгороду. Вдали горели огни окон, гудел к вечеру самый большой в городе колокол Крестовоздвиженского собора, пиликала на Готмановской пьяная гармоника. Все молчали.

— Федор Иванович, — спросил вдруг Благово. — А где же та вещь, из-за которой весь этот сыр-бор? Где рукопись Аввакума?

Буффало, не говоря ни слова, вынул из-за пазухи пачку коричневых листов, показал и тут же убрал обратно.

— Неправильно это, — угрюмо сказал Лыков. — Столько людей за нее погибло. Не может такое быть от Бога. Видать, черту ваш Аввакум писал...

Снова долго ехали молча, потом Ничепоруков ухмыльнулся в усы:

— Слышь, Федор! Когда тебе начальство премию выдадет, не забудь народу проставить. А то я в этой бане запарился, игнатов ваших дожидаясь.

Все дружно рассмеялись. Хорошо было ехать домой, закончив все эти опасные дела.

— Павел Афанасьевич, дозвоьте завтра хоть на час позже прийти, — попросил Лыков. — Голова раскалывается, перенервничал.

— На тебе, Лыков, воду нужно возить, и в больших количествах. Молодой, а уже от службы наловчился увиливать. Я в твои годы, когда на вахте стоял, за целый корабль единолично отвечал, четыреста сорок человек экипажу. Быть ровно в шесть! Завтра приезжает действительный

тайный советник Абаза, без пяти минут министр финансов. Граф Николай Павлович большое дело задумал, будет уговаривать его увеличить долю отчислений от податей и сборов, что оставляются на нужды города и ярмарки. Важнейший вопрос! От него дальнейшее развитие города зависит. Будешь приставлен к гостю на весь день. Чтобы был в мундире с Георгием и Владимирским крестом — вчера пришло высочайшее утверждение.

— Да где я к шести часам утра крест достану? У меня же его нет еще.

— Мой возьмешь на один день. Меня все равно не будет — уеду на двойное убийство в Воротынец.

— Эх, — грустно сказал Алексей, — видать, не судьба мне выспаться до самой осени.

## Послесловие автора



Вид на Нижний Новгород с ярмарочной стороны.

И россияне, и даже — увы — мои земляки забыли уже, чем была в императорской России Нижегородская ярмарка. Возможно, это произошло оттого, что почти не осталось вещественных следов великого торга: весь его уникальный ансамбль был разрушен. Уцелели лишь Главный дом и два собора, которые, будучи весьма хороши и величественны, не отражают, тем не менее, всего масштаба, красоты и продуманности знаменитого предприятия. Уцелел же Нижегородский кремль, и мы, видя его целостным, лучше представляем гордое боевое прошлое цитадели...

Нам захотелось напомнить о ярмарке несколько необычным способом: сделать ее фоном, декорацией старого детектива. Поэтому и присутствует в рассказе немного тяжеловесная глава, в которой сделана попытка расписать эту декорацию, напомнить забытую и странную музыку старинных русских названий: Кошемный ряд, Мебельнопосудноподносочная линия...

Половина героев нашего рассказа действительно существовала сто

двадцать лет назад. Не считая знаменитого графа Игнатьева и легкомысленного губернатора Кутайсова, реальны полицмейстер Каргер и начетчик Петр Васильевич, Иван Найденов и Арсений Морозов (который, кстати, действительно был руководителем влиятельной Рогожской общины). И ныне в Нижнем Новгороде живут прямые потомки полицейского доктора Милотворжского. Даже трактир Кузнецова, самый зловещий на ярмарке притон, сгорел именно летом 1879 года, похоронив под своими развалинами десятки загулявших посетителей. Остров Кавказ (ныне Мочальный остров) на самом деле населялся бандитами и внушал ужас обывателям, а главаря страшной банды персов-душителеев звали именно Али-Бер...

И сейчас, бросая с высокого берега взгляд на Стрелку, представьте себе усыпанный пешеходами и экипажами плашкоутный мост, и сотни судов вокруг него, гигантскую подкову Обводного канала и строгие линии Гостиного двора, трактиры и самокаты, роскошные магазины и дощатые портновские балаганы, а главное — тех людей вокруг, что жили тогда и которых давно уж нет на земле...



---

---

notes

## Примечания

**1**

186,5 сантиметра.

2

175 сантиметров.

**3**

178 сантиметров.

**4**

200 сантиметров.

5

802 метра.

**6**

15 метров.

Чернильные орешки — наросты на листьях дуба, содержащие дубильные вещества; использовались для приготовления чернил.

**8**

266×64 метра.

**9**

13 метров.

**10**

32 метра.

Кожаный чай — привезенный по суше (привезенный морем назывался камышовым). Цибик — большой тюк с чаем, зашитым в шкуры мехом внутрь.

Л.С. Маков — в 1878–1880 годах министр внутренних дел.

То есть в парадном, но с погонами вместо эполет и лишь со старшими орденами.